

ПЕНКА
ФИЛКОВА

История русского литературного языка

XI — XVIII вв.

ИЗДАТЕЛЬСТВО НАУКА И ИСКУССТВО СОФИЯ 1973

Учебникът «История русского литературного языка» е предназначен за студентите, които слушат теоретичния курс по история на руския литературен език. Материалът е разработен въз основа на съвременните постижения в тази област и с оглед на изискванията към студентите от този курс.

Данный учебник предназначен для студентов русского отделения Факультета славянской филологии Софийского университета. Учебник является первой частью теоретического курса «История русского литературного языка».

История русского литературного языка является составной частью общего курса истории русского языка, включающего в себя две связанные друг с другом дополняющиеся дисциплины: историческую грамматику и историю русского литературного языка. Каждая из этих частей имеет свое содержание, свои задачи и специфику.

История русского литературного языка — это наука о литературном русском языке, о его формировании, развитии и его функционировании на разных этапах, начиная с XI века до наших дней. Она изучает общие процессы развития русского литературного языка главным образом в его письменной форме, учитывая и его особенности развития в устной форме.

Систематическое изложение истории русского литературного языка в первой части учебника доводится до эпохи образования русской нации и общенациональных норм литературного языка. В этих хронологических рамках учебник написан в соответствии с действующей программой по истории русского литературного языка для Факультета славянской филологии Софийского университета, созданной на основе действующих программ по истории русского литературного языка для государственных университетов и педагогических институтов СССР.

Во второй части учебника будут рассмотрены проблемы русского литературного языка начала XIX века (допушкинского периода), проблемы пушкинского периода в истории русского литературного языка, проблемы литературного языка в 30—40-ых годах XIX века, во второй половине XIX — начала XX века и проблемы русского литературного языка советской эпохи.

Предварительно определенный объем учебника обусловил неполное рассмотрение некоторых вопросов. В таких случаях автор отсылает читателей к другим учебникам, статьям или книгам. Дискуссионные вопросы специально оговариваются. При рассмотрении отдельных самых сложных дискуссионных проблем представлены разные точки зрения и противоположные взгляды на спорные вопросы. Во всех та-

ких случаях автор рекомендует и наиболее приемлемые, с его точки зрения, концепции.

В «Кратком введении в теорию литературных языков» изложены некоторые основные теоретические положения, без анализа которых трудно приступить к изучению конкретной истории русского литературного языка.

По техническим причинам во всех цитатах и отрывках из памятников древнерусской письменности принята современная система графики.

Научно-библиографический аппарат учебника содержит библиографические списки к каждой главе, включающие использованную литературу. Так как они являются списками только использованной литературы, в них нет полных данных о существующей литературе по отдельным вопросам. Отсылки на использованную литературу даются в тексте в виде цифровых указаний на номера библиографических списков. В скобках помещается номер, соответствующий номеру названия работы в данном алфавитном списке. Страницы использованной литературы отделены от указанного номера запятой с предшествующим сокращением стр. (страница). При отсылке читателей к нескольким работам их номера отделяются точкой с запятой. При указании только на работу данного автора, а не на отдельные ее конкретные аспекты или не при цитировании дается номер в библиографическом списке без указания на страницу.

Автор считает своим долгом принести глубокую благодарность рецензентам учебника: профессору Н. М. Дылевскому и ст. преподавателю, кандидату филологических наук Б. Е. Бунджуловой, а также товарищам по кафедре, которые участвовали в обсуждении учебника, за все целесообразные предложения и советы.

П. Филкова

Раздел I

КРАТКОЕ ВВЕДЕНИЕ В ТЕОРИЮ ЛИТЕРАТУРНЫХ ЯЗЫКОВ

В этом разделе дается в очень сжатой форме общее представление о характере литературного языка в теоретическом плане. Конкретные проявления русского литературного языка рассматриваются в следующих разделах учебника.

§ 1. МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКОЕ УЧЕНИЕ О ЯЗЫКЕ И ОБЩЕСТВЕ КАК ОСНОВА ПОСТРОЕНИЯ КУРСА ИСТОРИИ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Язык — общественное явление. Он существует лишь в обществе и благодаря обществу. Вне общества нет языка. Общественную сущность языка определяет его основное назначение — быть средством общения. В. И. Ленин пишет, что язык «важнейшее средство человеческого общения» (63, стр. 368). Язык обслуживает общество во всех сферах человеческой деятельности. Он отражает и выражает общественное сознание «в его должном объеме» (79, стр. 420). Исключительная важность языка в общественной жизни определяется и тем, что без языка невозможно существование общества. Эта зависимость языка от общества и исключительная важность языка для общества обуславливают их органическую взаимосвязь. Судьба языка связана тесно с судьбой общества и народа, говорящего на данном языке. Еще один из основоположников сравнительно-исторического языкознания, Я. Гримм, отметил, что «наш язык есть также и наша история» (40, стр. 61).

Связь истории языка с историей общества и с историей народа, являющегося творцом и носителем этого языка, имеет два аспекта. Можно идти от истории языка к истории народа и привлекать языковые данные для освещения его исторического прошлого. Можно идти и наоборот: от истории общества и народа к истории языка и использовать данные истории народа для объяснения некоторых процессов, происходящих в его языке (1, стр. 43). Так, напр., на основе языковых данных

можно установить: характерные черты материальной и духовной культуры народа в прошлом, взаимоотношения данного народа с другими народами и их родственные и другие связи, пути прошлого передвижения различных народов и территории их расселения. «Язык — неограниченный источник для решения сложных этногенетических проблем, вопросов истории культуры, прошлой и современной, особенно для освещения эпох, о которых нет сведений в письменных документах» (89, стр. 19). Можно учитывать также и зависимость развития языка от изменения состояния общества. Следует иметь в виду, что связь языка с историей народа выражается в разных сферах, ярусах языка по-разному. Язык реагирует на изменения в общественной жизни в соответствии со свойственными ему структурными особенностями. Наиболее наглядное выражение находит эта связь в лексике, поскольку элементы лексики непосредственно соотносимы с данными опыта и объективной действительности. Поэтому история лексики в большей степени, чем история грамматики или фонетики, перекликается с историей народа. В лексике отражаются все изменения, совершающиеся в жизни данного народа (особенности экономического развития общества, характер развития науки, культуры, искусства и т.д.). Развитие космической техники и полеты в космос повлекли за собой появление и распространение новых слов, словосочетаний, устойчивых сочетаний. Многие из них настолько освоены современным русским литературным языком, что появилась возможность для их образного употребления в различных стилях, см. *спутник, космический корабль, луноход, стартовая площадка, выйти на орбиту* и пр. Гораздо сложнее установить влияние внешних причин на развитие грамматических и фонетических процессов. В силу специфических особенностей фонетических и грамматических явлений эти процессы носят вторичный, опосредствованный характер, основываются на внутренней мотивированности. Ф. Энгельс в письме к И. Блоху подчеркнул: «Едва ли удастся кому-нибудь, не сделавшись смешным, объяснить экономически происхождение верхненемецкого передвижения согласных» (66, стр. 468). В этом отношении заметное воздействие может оказать иноязычное влияние в результате контактирования языков. Иноязычным влиянием можно объяснить некоторые артикуляционные и грамматические изменения, оно может отразиться на характере ударения (78, стр. 221—234). Влияние на развитие грамматического строя могут оказать и другие социальные факторы (68, стр. 167—180).

Особенно тесно связано с процессами общественной жизни развитие литературного языка, в частности его стилей. Только привлечение фактов истории может дать ключ к правильному пониманию того, в какую эпоху, почему и как возник данный литературный язык, какие социальные факторы стимулировали, или, наоборот, задерживали его развитие, каким образом и какие писатели оказывали на него свое воздействие (78, стр. 232).

Все эти обстоятельства обуславливают специальный интерес к социальным факторам при изучении истории русского литературного языка, одновременно с учетом внутренних закономерностей развития язы-

ка. Так, напр., ряд социальных факторов являются причиной бурного развития национальных языков в СССР после Великой Октябрьской социалистической революции: ленинская политика равноправия и свободного развития национальных языков; сознательное влияние общества на развитие языков; небывало высокие темпы развития всех отраслей народного хозяйства — науки, техники, культуры, обусловившие соответствующее развитие национальных языков и пр. (43, стр. 45).

Многообразные социальные факторы действуют и на развитие русского литературного языка в советское время, важнейшие из которых: расширение социальной базы русского литературного языка; изменение путей передачи и распространения навыков литературной речи; расширение социальных функций литературного языка; убыстрение темпа общественной жизни; преодоление территориальной разрозненности; энергичные перемещения «людских масс» в эпохи больших исторических переломов; рост общей культуры населения и пр. (71, стр. 16).

На развитие языков влияют очень существенно и внутренние закономерности. Постоянный стимул развития языка — это наличие противоположностей (языковых антиномий) в языке. Каждое конкретное разрешение любой из этих противоположностей порождает новые противоречия и, следовательно, их окончательное разрешение невозможно. Можно указать на следующие антиномии: антиномия говорящего и слушающего; антиномия узуса (принятого употребления) и возможностей языковой системы; антиномия кода (набора знаков) и текста; антиномия двух функций языка — информационной и экспрессивной (62, стр. 24—28). Так, напр., противоречие двух функций языка — информационной и экспрессивной — находит очень интересное выражение в речевой практике. С одной стороны, информационная функция обуславливает тенденцию к однозначному обозначению понятий, к терминологизации, напр., *космонавт, Красная армия, Ленинград* и т.д., с другой стороны, экспрессивная функция обуславливает тенденцию к оценочной окрашенности слов, напр., *покоритель космоса* (космонавт), *оплот мира* (Красная армия), *колыбель революции* (Ленинград) и т.д.

Нет никакого сомнения, что история русского литературного языка не может быть изучена полностью без учета процессов взаимодействия внутренних тенденций и социальных факторов.

Очевидно, несмотря на огромное разнообразие как внутрилингвистических, так и внешнелингвистических факторов, определяющих характер развития отдельных слов и форм, решающая роль принадлежит обществу. Общество создает и формирует язык. Язык — продукт общества.

§ 2. ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК

Л и т е р а т у р н ы й язык — одна из форм существования языка, наряду с другими формами: диалектами и разными типами обиходно-разговорной речи (интердиалектами). Основные черты литературного языка могут быть полностью раскрыты на основе определения его места, за-

нимаемого в системе указанных форм существования языка и в противопоставлении им (38, стр. 502).

Конкретизируя общие положения, мы могли бы подчеркнуть, что русский литературный язык — одна из форм существования русского языка, наряду с диалектами и разными типами обиходно-разговорной речи. Русский литературный язык функционирует с XI в. и имеет уже тысячелетнюю историю. В этих широких хронологических рамках он, безусловно, претерпел сложную эволюцию. Именно это обусловило необходимость изучения русского литературного языка с точки зрения его истории, истории его изменений и развития.

Предварительно необходимо раскрыть содержание понятия «литературный язык» и обратить внимание на основные теоретические положения, связанные с сущностью литературного языка.

Литературный язык — понятие очень сложное. До сих пор оно не имеет общепринятого точного определения. В определении самого термина «литературный язык», как отмечают многие исследователи, отсутствуют точность и определенность (21, стр. 25). Специфика литературного языка по отношению к разным историческим эпохам не выяснена удовлетворительно (3, стр. 13). Расхождения в определении содержания понятия «литературный язык» проходят в нескольких направлениях.

В работах некоторых лингвистов, напр., наблюдается тенденция известного отождествления литературного языка (обработанного, нормированного языка) и письменного языка (фиксирующего на письме все разновидности речи, в том числе бытовую, обиходную речь, просторечие и пр.). Так, напр., отдельные исследователи относят к образцам литературного языка частные письма древних новгородцев (3), часть которых представляет собой обыкновенную фиксацию (письменную) разговорно-бытовой речи. В таком расширенном употреблении литературный язык сливается с языком всего того, что сохранилось в письменной форме от древних эпох, и растворяется «в этом широком речевом море», пишет В. В. Виноградов (21, стр. 26).

Существует и противоположная тенденция — ограничить понятие «литературный язык». Некоторые исследователи полагают, что литературный язык оформляется только в эпоху сложения нации. Применительно к русскому языку — только в XVII — начале XIX в. А. В. Исаченко, напр., считает, что литературный язык в России возник лишь в течение XVIII в. (49, стр. 153). Для них литературный язык — это общерусский национальный язык (26, стр. 17) или высшая форма национального языка (80, стр. 61). Такие исследователи утверждают, что литературный язык не может существовать в донациональный период, поэтому предпочитают говорить «о письменных языках в применении к донациональной графически запечатленной речи» (50, стр. 42). Выходит, что произведения Данте, Петрарки, Боккаччо, М. Лютера, произведения классической литературы Рима и Греции не относятся к образцам литературных языков. «Но что же делать с историей древнерусской литературы и с языком древнерусских летописей, повестей о

Куликовской битве и т. п., а поздней и с языком Жития протопопа Аввакума и проч.?» (20, стр. 3). При такой постановке за пределами литературных языков оказываются многие столетия, в течение которых создавались произведения большого общественного и художественного значения (10, стр. 16).

В отдельных работах по истории и теории литературных языков отмечается, что литературный язык — это «высшая форма общенародного языка» (47, стр. 5), «обработанная форма общенародного языка» (10, стр. 5) или «высший нормированный тип общенародного языка» (17, стр. 15).

Ясно, что литературный язык определяется на фоне общенародного языка. Но при таком определении литературного языка понятие «общенародный язык» остается недостаточно выясненным с точки зрения конкретно-исторических условий функционирования литературного языка на разных этапах его развития. Известно, что «функции литературного языка в донациональную эпоху могут быть распределены между двумя языками (напр. старославянский и народный языки у восточных и южных славян)» (17, стр. 20). Следовательно, по отношению к донациональной эпохе, когда в некоторых конкретных условиях функции литературного языка могут быть распределены между двумя языками, нет оснований говорить об едином общенародном языке, на основе которого сложился литературный (конкретно русский) язык. Если под «термином «общенародный язык» понимается «общеразговорный язык», то тогда этот термин в строгом смысле применим только к эпохе развития нации» (18, стр. 75). Именно тогда стало возможным распространение общенародного языка на всей территории страны и употребление его всеми общественными слоями.

Существует и мнение, что «естественнее всего литературным языком считать язык литературы» (35, стр. 9), так как на всех этапах развития литературного языка главнейшей сферой его функционирования является литература. Эта формулировка тоже вызывает некоторые затруднения. Термин «литература» в широком смысле слова (художественная, научная, публицистическая и пр.) остается неясным. В отдельных произведениях художественной литературы, напр., отражаются особенности живой разговорной речи. Некоторые авторы используют даже диалектные и просторечные элементы, остающиеся принципиально за пределами литературного языка. В таком случае, нельзя без известной оговорки утверждать, что литературный язык — язык литературы. Кроме того литературный язык существует как в письменнокнижной, так и в устной форме (напр. театр, радио, телевидение, выступление и пр.). А в письменной форме может быть представлена не только обиходно-разговорная речь, но и просторечие. Следовательно, и в этом случае данное определение, что литературный язык — это язык литературы, нуждается в уточнении.

Учитывая эти особенности формулировок литературного языка, мы воспринимаем следующее его определение: **литературный язык** — это исторически сложившаяся и изменяющаяся обработанная форма суще-

ствования языка, которая обладает письменно-закрепленными нормами и может быть реализована как в письменной, так и в устной форме. Таким образом термин «литературный язык» соответствует тому варианту понятия «обработанная форма языка» (38, стр. 504), который может быть выявлен в качестве общей типологической характеристики литературного языка. Обработанность и наличие осознанных норм литературного языка предполагают отбор языковых средств из общего сокровища языка и связанную с этим регламентацию. М. Горький писал, что «язык создается народом. Деление языка на литературный и народный значит только то, что мы имеем, так сказать, «сырой» язык и обработанный мастерами» (36, стр. 328).

Литературный язык, как показывает принятое его определение, категория историческая. Он формируется в определенный исторический период. Литературный язык и сфера его употребления имеют различный характер на разных этапах исторического развития народа. Следовательно, литературный язык «есть понятие исторически изменяющееся, для разных эпох его развития наполненное разным содержанием» (19, стр. 7).

В развитии каждого языка многие лингвисты разграничивают три главных этапа: а) племенные диалекты, б) язык народности, в) национальный язык. Такое развитие языка, по словам В. В. Виноградова, отражает исторические изменения в структуре и социальной сущности категории народа — от племени к народности и от народности к нации — буржуазной и социалистической. В. В. Виноградов подчеркивает, что указанная общая периодизация применима и к истории русского языка (19, стр. 3), в которой можно выделить: а) этап существования восточнославянских племенных диалектов доисторической поры, когда еще не было письменности и условий для формирования литературного языка; б) этап существования языка восточнославянской (древнерусской) народности, в котором обособляются два периода: **п е р в ы й п е р и о д** — это период развития восточнославянской (древнерусской) народности (X—XIV вв.), когда образуется сильное Киевское государство и расцветает древнерусская культура, когда восточнославянская народность приобщается к христианской культуре, когда возникает и формируется литературный язык восточнославянской народности; **в т о р о й п е р и о д** — это период складывания трех самостоятельных народностей — великорусской (русской), украинской и белорусской, в процессе феодальной дифференциации и образования новых территориально-государственных объединений, связанных с разными диалектными группами восточнославянского населения (XIV—XVII вв.), когда язык восточнославянской народности развивается в три языка этих трех народностей — великорусского (русского), украинского и белорусского; в этот период развивается литературный язык великорусской (русской) народности; в) этап формирования (с второй половины XVII в.) на базе языков трех указанных народностей (великорусской, украинской и белорусской) современных национальных языков России, Украины и Белоруссии; тогда расширяются и усложняются функции литературного языка и завершается формирование национального русского литературного языка.

Это, конечно, самые общие контуры развития. Сам В. В. Виноградов возражает против механического подхода к этим проблемам, при котором легко может исчезнуть специфика закономерностей развития литературного языка (21, стр. 129).

В более конкретной форме в истории русского литературного языка выделяют три главнейших периода:

1. Образование и развитие древнерусского (древневосточнославянского) литературного языка, осуществлявшееся на протяжении двух основных эпох:

а) древнерусский (древневосточнославянский) литературный язык в эпоху Киевского государства и последующий период феодальной раздробленности (XI — начало XIV в.);

б) русский (великорусский) литературный язык в эпоху Московского государства (XIV—XVII вв.).

2. Формирование общенациональных норм русского литературного языка русской нации, осуществлявшееся тоже на протяжении двух эпох:

а) русский литературный язык начальной эпохи формирования русской нации (XVII — середина XVIII в.);

б) русский литературный язык эпохи образования русской нации и общенациональных норм литературного языка (середина XVIII — середина XIX в.).

3. Функционирование и развитие русского литературного языка русской нации, осуществлявшееся на протяжении двух эпох:

а) русский литературный язык второй половины XIX — начало XX в.;

б) русский литературный язык советской эпохи.

Дальнейшее изложение покажет, что в разные периоды истории русского языка русский литературный язык занимал неодинаковое место в его системе и имел различный характер и сферы функционирования.

Литературный язык существует в двух основных разновидностях: а) в письменной и б) в устной. В. Г. Костомаров обратил внимание на необходимость разграничения терминов «устный» и «письменный», «разговорный» и «книжный». Термины «устный» и «письменный» целесообразно прилагать к формам речи. При этом следует выделять, согласно материальным средствам социального общения, **у с т н у ю** (звучащую, произносимую и воспринимаемую на слух) и **п и с ь м е н н у ю** (писанную, закодированную графикой) формы существования языка, в том числе и литературного языка. Каждый стиль, напр., может функционировать и в устной, и в письменной форме речи. Термины «книжный» и «разговорный» можно соотнести с понятием целеустремленного отбора и организации языковых средств выражения. На основе этого можно различать **к н и ж н ы е** (связанные своим развитием с «учебностью», «книжностью», письменно-литературной традицией) и **р а з г о в о р н ы й** (повседневно-бытовой) стили (58, стр. 172—176).

Итак, **л и т е р а т у р н ы й** **я з ы к** — исторически сложившаяся и изменяющаяся обработанная форма языка, обладающая письменно

закрепленными нормами. Обработанность и связанные с ней отбор языковых средств и регламентация, нормированность являются самыми общими постоянными признаками литературного языка, которые определяют его специфику. Другие признаки раскрываются при сопоставлении литературного языка с остальными формами существования языка (с территориальными диалектами и разными типами обиходно-разговорной речи).

§ 3. ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК И ДИАЛЕКТЫ

Литературный язык противопоставляется территориальным диалектам. Эта противопоставленность обусловлена системой их дифференциальных признаков, часть которых являются главными, а другая — второстепенными. Дело в том, что как литературный язык, так и диалекты, их дифференциальные признаки и тенденции их развития, не остаются тождественными для разных эпох. В феодальную эпоху объективные условия (разрозненные феодальные территории) способствуют диалектной дифференциации языка. Капиталистическая и особенно социалистическая общественно-экономическая формации в силу определенных причин постепенно превращают диалекты в деградирующую категорию (76, стр. 452). По этому поводу Ф. П. Филин пишет: «Строго говоря, термин «территориальный диалект» применим только к диалектам донациональной эпохи. В процессе становления нации территориальные диалекты превращаются в диалекты территориально-социальные» (90, стр. 27).

Д и а л е к т — территориально ограниченная форма существования языка. Это разновидность языка, распространенная в качестве орудия общения местных жителей на определенной территории и характеризующаяся относительным единством языковой системы (по определенному комплексу признаков — фонетических, грамматических, лексико-фразеологических) (74, стр. 15).

М. М. Гухман убедительно выдвигает на первый план следующие различительные признаки литературного языка и диалектов.

В противоположность территориальной ограниченности диалектов литературный язык имеет более или менее ограниченный наддиалектный характер. В донациональную эпоху наддиалектный характер русского литературного языка, напр., обусловлен несколькими обстоятельствами, главными из которых являются: а) роль церковнославянского языка, который лежал в основе одного из типов (разновидностей) литературного языка и отличался своим наддиалектным характером; б) широкое распространение церковно-богослужебной, философско-нравоучительной, проповеднической, публицистической и научно-популярной литературы, которое способствовало развитию терминологии и специальных пластов лексики, отсутствующих в диалектах. Указанная противопоставленность проявляется наиболее полно в национальный период, когда осуществляется национальное единство и оформляется единый национальный язык.

В противоположность ограниченности общественных функций диалектов, за которыми обычно остается сфера бытового общения, литературный язык потенциально может функционировать во всех основных сферах общественной жизни (в литературе, в науке, в образовании, в культуре и т.д.). Конечно, в отдельные периоды истории народа и языка функциональная нагрузка литературного языка была неодинаковой, но основная тенденция его развития — постепенное превращение в универсальное средство общения — остается неизменной.

В отличие от литературного языка, который является единственной обработанной формой существования языка и его специфика связана с определенным отбором и относительной регламентацией, территориальным диалектам не свойственны подобная обработанность, отбор и регламентация.

Нормированность не является исключительной принадлежностью литературного языка. Нормы свойственны и диалектам. Но, в отличие от норм диалектов, норма литературного языка отличается своей осознанностью, императивностью, позитивным характером.

Широта социальной базы (социальная сфера использования и общественные слои, являющиеся носителями языка) территориального диалекта обратно пропорциональна социальной базе литературного языка: чем уже социальная база литературного языка (главным образом в донациональную эпоху, когда литературный язык обслуживал культуру ограниченных слоев народа и господствующего класса), тем шире социальная база территориальных диалектов, которые оказывались наиболее распространенным средством устного общения широких масс народа. Противоположные процессы протекают в национальный период и особенно в эпоху социализма, когда национальный литературный язык быстро расширяет свою социальную базу (38, стр. 508 и сл.).

В разные периоды истории языка территориальные диалекты обнаруживают разную степень близости к литературному языку. В национальную эпоху и особенно в эпоху социализма наблюдается мощное воздействие, идущее из литературного языка в говоры. «Система каждого отдельного говора является значительно поколебленной под влиянием нормализованного языка, причем это в весьма разной степени сказывается как на отдельных говорах, взятых в целом, так и на речи тех или иных лиц — носителей говора» (29, стр. 184). В связи с этим современным состоянием диалектной речи отдельные исследователи считают целесообразным возродить термин «полудиалект» или «полудиалекты» для обозначения трансформированной структуры территориальных диалектов (54, стр. 109).

Литературный язык противопоставляется и разным типам обиходно-разговорной речи. Они занимают, как справедливо отмечает М. М. Гухман, промежуточное положение между диалектами и литературным языком (38, стр. 526). Подобно территориальным диалектам, эти типы обиходно-разговорной речи представляют собой не обработанную форму языка, а многие из них представляют собой региональные (местные, относящиеся к какой-нибудь области, к смежным странам) образования. Но, в отличие от территориальных диалектов, разные типы обиходно-разговорной речи являются не узколокальными образованиями. Они могут функционировать как устная форма общения в определенных сферах:

а) на территории распространения нескольких диалектов в качестве областного, интердиалектного, междиалектного койнэ (интердиалект — это диалект, служащий средством междиалектного общения; койнэ — общий язык, служащий средством междиалектного общения разноязычных групп и возникший на базе одного или нескольких диалектов);

б) в городских центрах в качестве городского койнэ, сложившегося в результате взаимодействия нескольких диалектов; это наиболее распространенный и наиболее значимый для истории развития современных национально-литературных языков тип обобщенных форм устной речи;

в) в неограниченных региональных рамках как средство устного общения (устные койнэ). Этот особый обобщенный вариант устной речи предназначался в основном для ситуаций, возвышавшихся над уровнем повседневного бытового общения (44, стр. 9), напр.: *фольклор, древние религиозные обряды, судопроизводство* и пр.

Существует и такая разновидность обиходно-разговорной речи, как просторечие, которая отличается преимущественным использованием ненормативных (не входящих в норму литературного языка) слов, выражений, форм словоизменений, синтаксических построений. Некоторые авторы отличают просторечные слова и формы слов, которые составляют как бы нижний стилистический ярус литературного языка, от фактов, которые являются нарушением норм литературного языка (39, стр. 24). Плюсами взаимодействия литературного языка с просторечием являются, с одной стороны, иноструктурные элементы в системе просторечия (напр.: книжная, иноязычная и т.п. лексика, своеобразно «обработанная» и освоенная) и, с другой стороны, — литературная речь с установкой на «разговорность» (80, стр. 70).

Границы, отделяющие разные типы обиходно-разговорной речи от литературного языка, особенно от его устно-разговорного стиля, очень подвижны. В обиходно-разговорную речь относительно легко проникают и диалектные элементы, что создает открытый характер этой структуры, неопределенность границ ее варьирования (38, стр. 528).

Каждый язык неоднороден и в социальном отношении. В этом аспекте он варьирует в самых различных направлениях. Б. А. Серебренников указывает на то, что вариативность может зависеть от возрастных особенностей, от общеобразовательного уровня, от профессии, от принадлежности к определенному классу, от среды, от социального положения и т.п. (72, стр. 478).

Жаргон — речь какой-нибудь социальной или иной объединенной общими интересами группы, содержащая ряд отличных от общего языка главных образом слов и выражений (в том числе искусственных и условных), отражающих вкусы и потребности данной группы, и применяемая с целью языкового обособления, отделения от остальной части языковой общности.

Социальные разновидности речи различных социальных, профессиональных и иных групп людей, тесно связанных между собой общими профессиональными и другими интересами, можно классифицировать в самых общих чертах следующим образом: а) групповые жаргоны, б) профессиональные жаргоны, в) искусственные (условные) жаргоны, г) жаргоны деклассированных. Отдельные авторы различают: а) профессиональные «языки» (лексические системы), б) групповые, корпоративные жаргоны и условно-профессиональные языки (арго), в) условные языки (арго, жаргоны) деклассированных (42, стр. 910).

Следует подчеркнуть, что социальные разновидности речи (социальные диалекты) существенно отличаются от территориальных диалектов. Характерные особенности территориальных диалектов в большей или меньшей степени касаются всего строя языка (фонетики, морфологии, синтаксиса, лексики, фразеологии), в то время как особенности социальных разновидностей речи охватывают, главным образом, факты лексики и фразеологии.

Групповые жаргоны, как указывает Б. А. Серебренников, возникают обычно в группах людей, тесно связанных чем-либо между собой. Формы связи могут быть разнообразными. Существенно, чтобы эта связь объединяла людей определенным образом, напр., обучение в школе, в институте, в университете, служба в армии и т.п. Основная особенность групповых жаргонов заключается в том, что они являются «всега рода общественной забавой, языковой игрой, подчиненной принципам эмоциональной экспрессивности» (48, стр. 119). Функционирование определенного группового жаргона обусловлено не деловой потребностью, а стремлением к экспрессии и игрой словами.

Профессиональные жаргоны (профессиональные языки, или лексические профессиональные системы по определению Б. А. Серебренникова и В. Д. Бондалетова), напр., сапожников, охотников, рыболовов, портных и т.д., характеризуются профессиональной специализацией. Она сказывается в языковом отношении не в грамматической дифференциации, а в выработке специального словаря, в основном, доступного, понятного, главным образом, представителям данной профессии и употребительного преимущественно ими.

Искусственные (условные) жаргоны (условные языки по определению Б. А. Серебренникова), напр., ремесленников-отходников, торговцев и близких к ним социальным группам, свободны от узкой профессиональной специализации. По словам Б. А. Серебренникова, наиболее характерной особенностью является их ярко выраженный криптолалический (тайный, непонятный для тех слоев общества, которые не входят в данную социальную группу) характер, выражающийся в стремлении употреблять специально изобретенные или искусственно деформированные слова, совершенно непонятные для окружающих.

Жаргон деклассированных отличается наличием особого словаря. Он богат образными фразеологическими выражениями, ему присущ циничный и грубый эвфемизм (прикрытое, не прямое обозначение какого-либо предмета или явления), стремящийся прикрыть обычными по внешней форме словами различные преступные действия. Именно в этом цинизме отражена психология людей уголовного мира, презрение к нормам человеческого общежития, ко всему существующему (77, стр. 485).

Жаргоны существуют, как правило, на базе разговорного языка и просторечной сферы. Они не имеют специфической фонетической системы и собственного грамматического строя. Все они отличаются только в области лексики. Все они выполняют стилистические функции. Социальные разновидности речи представляют различные по своему характеру явления. Это дает основание отдельным исследователям говорить о «профессиональных» или «условных языках», о «лексических системах» и пр. В данном учебнике во всех случаях используется общий термин «жаргон». Л. И. Скворцов высказал интересное мнение по отношению к жаргонам. Для жаргона в старом понимании (замкнутая речевая система большей частью антиобщественной социальной группы) в социалистическом обществе нет социальной основы. Жаргон в современном понимании — это, в сущности, «жаргонно окрашенная лексика». Она возникает и существует в силу установки на фамильярно-сниженный стиль речи при социально-речевой общности той или иной группы носителей языка (81, стр. 48).

Литературный язык взаимодействует с лексическими системами жаргонов. Слова одного жаргона переходят в другой, а многие из них проникают в обиходно-разговорную речь и в просторечие, которое обнаруживает различные степени приближения к лексике литературного языка и взаимодействует с ней.

Итак, за пределами литературного языка остаются диалекты, интердиалекты, разные типы обиходно-разговорной речи, просторечие и жаргоны. Литературный язык постоянно взаимодействует с ними. Сущность и формы этого взаимодействия имели различный характер на разных этапах истории языка, но контуры общего все-таки очерчены: это, с одной стороны, ассимиляция некоторых элементов указанных «нелитературных разновидностей» литературным языком, с другой стороны, это постоянный процесс их литературной обработки.

Определение понятия «литературный язык» было тесно связано с понятием нормы. Очевидно, история литературного языка тесно переплетается и с этим понятием нормы. «Норма» пронизывает «литературный язык» (10, стр. 30).

Норма литературного языка — очень сложное явление, к которому в современной лингвистике подходят с разных позиций. Это обусловлено, во-первых, принадлежностью языковедов к разным лингвистическим школам и, во-вторых, тем, что языковые явления, отражающиеся в понятии нормы, очень сложны и многообразны. Они могут быть охарактеризованы с точки зрения разных аспектов. Норма может изучаться как лингвистическая и социально-историческая категория. Нормой называют и предписания, правила употребления, зафиксированные справочниками, словарями и учебниками. В этом случае стали говорить о кодификации нормы. В последнее время разграничиваются понятия языковой нормы и нормы литературного языка; создалась динамическая теория нормы, включающая в синхронию как статику, так и динамику; стали учитывать вариантность нормативных реализаций и типы нормативных изменений.

В учебнике рассматриваются только отдельные аспекты этой сложной проблемы, и то в информативном виде.

Понятие языковой нормы. Языковая норма — это существующие в определенный исторический период и для определенного языкового коллектива устойчивые, традиционные реализации языковой системы (языковые единицы и закономерности их употребления), отобранные и закрепленные общественной практикой, осознаваемые обществом в той или иной мере как обязательные. Норма является одновременно и собственно языковой, и социально-исторической категорией (76, стр. 559).

Норма как языковая категория отличается определенными признаками. Выделяют, напр., реализующую и селективную (избирательную) сторону нормы. Норма включает устойчивые, традиционные реализации. Наряду с этим при наличии сосуществующих вариантов появляется необходимость в выборе одной или другой языковой единицы (знака). В этом проявляется селективная сторона нормы, определяющая отбор и распределение языковых средств по разным сферам использования языка. Устойчивость тоже относится к свойству языковых реализаций. Наличие некоторого набора вариантных средств допускает возможность и варианты этих реализаций.

Норма как социально-историческая категория характеризуется другими признаками. Это разные степени осознания формы и оценки данным языковым коллективом объективно существующих языковых норм, как обязательных и как правильных. В зависимости от разных исторических условий обязательность языковых норм может быть сильнее или слабее. В этом отношении известную роль может играть двуязычие, параллельное сосу-

ществование в определенном равноправии «своей» и «чужой» нормы (76, стр. 563).

Понятие нормы литературного языка. Норма литературного языка представляет собой частный случай языковых норм. Опираясь на принятое в учебнике понимание языковой нормы, мы воспринимаем следующее определение нормы литературного языка: это существующие в определенный исторический период и для определенного языкового коллектива отобранные и закрепленные литературой (письменностью) и общественной практикой устойчивые реализации языковой системы (языковые единицы и закономерности их употребления), принятые и осознаваемые образованной частью общества как правильные, обязательные и образцовые. Специфическими чертами нормы литературного языка являются осознанность и образность (образцовые реализации). Обязательность — более общий признак. Обязательность характерна не только для нормы литературного языка, но и для диалектной нормы, которая менее обработана и слабее осознается. Характерные признаки нормы литературного языка находят выражение в следующем: а) в усилении стабильности реализаций и, следовательно, в ограничении вариантных реализаций; б) в дифференцированности нормативных реализаций; в) в сознательной кодификации литературных норм (76, стр. 567).

Стабильность реализаций, фиксированных и осознанных норм обеспечивает языковое общение. Особенно для национального литературного языка характерно усиление устойчивости, стабильности норм. Но языковая система всегда является продуктом длительного и сложного исторического развития. Ее непрерывное изменение, по мнению Ф. П. Филина, сохранение старых и возникновение новых элементов, постоянное воздействие внеязыковых факторов приводит к накоплению однозначных явлений, становящихся как бы «избыточными» и приходящих в противоречие друг с другом. Проблема нормы возникает в тех случаях, когда в языковой системе имеются варианты средств для обозначения «одного и того же» (91, стр. 18). Следовательно, для литературного языка характерен и некоторый набор вариантных средств, реализаций, допускающих известный выбор. Таким образом возникает и проблема вариантности реализаций.

Вариантность обуславливается многообразием структурных потенций языка, параллелизмом некоторых его структурных возможностей и языковой эволюцией. Вариантность характеризует и норму русского литературного языка, ср., напр., *родился* и *родился*, *тракторы* и *трактора*, *туфель* и *туфля*, *нагрев* и *нагревание*, *две светлые комнаты* и *две светлых комнаты* и т.п. Не всякая вариантность избыточна. Во многих случаях оба варианта признаются правильными, особенно если они несут дополнительную стилистическую или экспрессивную нагрузку (39, стр. 20). Л. В. Щерба пишет, что очень часто норма допускает два способа выражения, считая «оба правильными» (96). Е. С. Истрина подчеркивает, что иногда приходится признать нормой «самое наличие двух вариантов» (51, стр. 5). Несмотря на это, в литературном языке постоянно проявляется тенденция к известному ограничению вариантных реализаций.

Дифференцированность нормативных реализаций — другая черта нормы литературного языка, в котором наблюдается тенденция к определенной дифференциации как с точки зрения функционально-стилистической, а отчасти и территориальной, так и с точки зрения противопоставления нормативных и ненормативных реализаций. Так, напр., реализации *ладонь* и *длань* (поэтическое), *предзнаменование* (книжное) и *знамение* (старинное), *пророческий* и *вещий* (высокое), *цыпленок* и *курчонок* (просторечное) и пр. связаны с варьированием в норме функционально-стилистических и отчасти территориальных разграничений. Реализации *лицо* и *морда*, *надел пальто* — *одел пальто*, *много дел* и *много делов* и т.п. дифференцируются на основе противопоставления нормативности — ненормативности.

Сознательная кодификация (т.е. изложение, формулировка совокупности правил, обеспечивающих регулярное воспроизведение в речи образцового варианта языка) литературных норм характеризует норму литературного языка со стороны ее внешних, социальных свойств. Положительные стороны кодификации, подчеркивает В. А. Ицкович, очевидны: она позволяет заменить интуитивные (для некоторых иностранцев и не совсем ясные) представления о норме знанием (пониманием) нормы, помогает найти правильные решения в случаях необходимости выбора из числа вариантных реализаций, создает условия для преподавания единой формы литературного языка, способствует единству и стабильности литературного языка (53, стр. 28). Кодификация страдает и некоторыми недостатками. Это прежде всего несоответствие современной норме, которое наблюдается в отдельных случаях, и ориентация на старую норму. Поэтому в руководствах и кодексах правил употребления литературного языка встречаются иногда и устарелые предписания. «Конфликты между «законом» и литературным речевым «бытом» известны в различных областях нормализации литературного языка — в его грамматике, произношении, ударении и лексике» (32, стр. 24).

Следует обратить внимание и на литературную норму как на историческую категорию. «История литературной нормы — это история языковой традиции, действующей в рамках структурных возможностей языковой системы и опирающейся, вместе с тем, на процессы сознательного регулирования отдельных способов и форм традиционной реализации языка» (76, стр. 58). Историческое изучение литературной нормы раскрывает процесс постепенного складывания ее характерных признаков (устойчивость, стабильность, вариантность, дифференцированность, избирательность).

В ограниченных рамках учебника нет никакой возможности обсуждать многие спорные проблемы. Поэтому только для информации приводятся и некоторые другие мнения по вопросу о характере и сущности нормы.

В трудах пражских лингвистов (В. Матезиуса, Б. Гавранка, Б. Трнки и др.) отмечается отнесенность нормы к функционированию языка. «Языковую норму я понимаю как систему языка, взятую в плане ее обязательности в сфере языка — с задачей достичь намеченного в сфере функционирования языка» (98, стр. 258).

Л. Ельмслев определяет норму на основе трех аспектов проявления языка. Он рассматривает язык: а) как чистую форму — схему (определяемую независимо от ее социального осуществления и материальной манифестации); б) как материальную форму — норму (определяемую в данной социальной реальности, но независимо от деталей манифестации); в) как совокупность навыков — узус (совокупность навыков, принятых в данном социальном коллективе и определяемых фактами наблюдаемых манифестаций) (45).

Э. Косериу предлагает другое разграничение: а) речь (сюда включает и язык, как систему возможностей, и речь во всем многообразии ее общих и частных проявлений, напр. речь индивидов); б) норма — это реализованный язык, система обязательных реализаций возможностей; реализации принимаются данным обществом и данной культурой в) система — это сфера самых общих категорий языка, его структурных возможностей, которая предполагает высшую степень абстракции (57).

Д. Брозович выделяет норму и нормативность. Норма определяется автором как «норма языкового сознания коллектива», нормативность является «плодом процессов стандартизации» (7, стр. 6). Этим термином обозначают обычно сведение различных вариантов произношения, построения, морфологического изменения и т.п. к одному; выбор предписываемого (рекомендуемого) образцового варианта как основы нормализации языка.

В трудах советских лингвистов тоже отсутствует единство взглядов при определении сущности понятия нормы.

В определениях отдельных лингвистов норма является собственно языковой категорией. «Нормы, конечно, не предписываются языку извне» (99, стр. 419).

Для других «языковая норма, понятие нормативности есть категория социально-историческая» (85; 9), «норма устанавливается учреждениями или авторитетными лицами и предписывается обществу» (69, стр. 65).

В многих работах определение понятия нормы дается без указания на историческую изменчивость нормы. Норма — это «существующие в данное время в данном языковом коллективе и обязательные для всех членов коллектива языковые единицы и закономерности их употребления» (53, стр. 12), «некая совокупность употребляемых (общепринятых) языковых средств» (70, стр. 15).

В других работах проявляется стремление конкретизировать схему Э. Косериу и преодолеть некоторые ее противоречия, потому что «простая заданность нормы, реализация уже установленного, ее статичность и неизменяемость уже не удовлетворяют» (80, стр. 45). Существует и еще ряд других мнений, которые свидетельствуют о продолжающихся поисках в определении сущности нормы.

Литературный язык, обслуживая разнообразные сферы общественной деятельности людей, разнообразные области культуры, науки и т.д., в процессе своего исторического развития, по словам В. В. Виноградова, становится основой различных разновидностей (вариантов, типов) речевой деятельности, образующихся на базе «разного отбора, сочетания и экспрессивного объединения языковых средств» (12, стр. 73). Если наличие таких разновидностей почти никто не отрицает, то по вопросу об их характере, наименовании и о закономерностях их исторического развития и до сих пор нет единства взглядов. Наблюдается ярко выраженная терминологическая неупорядоченность, разноречие в понимании сущности этих «разновидностей» речи или «стилей языка», в понимании «соотношения стилистики языка со стилистикой речи и стилистикой художественной литературы» (22, стр. 5). Существуют разнообразные взгляды на принципы деления стилей, на их количество, на природу языка художественной литературы, на место стиля художественной литературы в общей системе стилей, на место и границы стилистики в общей системе языкознания и т.д. Проблемам стилей в языкознании посвящена обширная литература (см., напр., литературу в конце этого раздела). Эти проблемы обсуждались на конференциях и на страницах журналов (напр. «Вопросы языкознания», 1954, «Вопросы литературы», 1959), но серьезные теоретические, методологические и методические трудности остались. Они, безусловно, находят отражение и в учебнике, но на данном этапе, по-видимому, это неизбежно.

В настоящее время, несмотря на существующие разногласия, все же намечены контуры основных функциональных стилей, создается теория основ их типологии, раскрыты особенности художественного стиля (стиля художественной литературы), вырисовываются его основные связи с другими функциональными стилями, испытываются различные теоретические подходы к ним и пр.

К сожалению, приходится констатировать, что центральное понятие в кругу этой проблематики — понятие «стиль» — до сих пор остается недостаточно выясненным «в своих основных свойствах» (31, стр. 70). Нет и общепринятого определения понятия «стиль». В таком смысле принятое в данном учебнике определение является только одной из существующих точек зрения, одним из существующих мнений.

Следует обратить внимание на то, что словом стиль обозначают несколько разных понятий, принадлежащих к различным сферам науки, литературы, искусства и др. (напр. языковые стили, литературные стили, архитектурные стили, стиль в работе и т.д.). В языкознании словом стиль тоже обозначают несколько разных понятий. Оно употребляется, напр.: а) для указания на сферу использования языка (наука и научный стиль, публицистика и публицистический стиль и пр.); б) для указания на характер экспрессии (торжественный стиль, шуточный стиль и пр.); в) для названия совокупности индивидуальных особенностей речи данного лица (индивидуальный стиль).

дуальный стиль) или языка данного текста (стиль соответствующего произведения) и т.д.

В учебнике слово стиль будет употребляться главным образом для указания на сферу использования языка. Но даже и в этих ограниченных рамках стиль определяется по-разному.

Во многих работах стиль определяется как *разновидность языка*. См., напр., «Языковой стиль — это разновидность общенационального языка» (10, стр. 68). . . . стили речи — это осознанные обществом разновидности общенационального языка» (84, стр. 170). «Под стилем следует понимать исторически сложившуюся разновидность литературного языка» (47, стр. 13). «Стиль — одна из дифференциальных разновидностей языка, языковая подсистема» (6, стр. 455) и т.д. Такое определение в учебнике не воспринимается. В. В. Виноградов подчеркивал, что определение стилей как разновидностей языка, как «частных» систем внутри «общей» системы языка побуждает представлять их по образцу и подобию языковой системы. «Однако никто из историков русского языка, выйдя за пределы трех стилей русской литературной речи XVIII в., не ищет в национальном русском языке XIX и XX вв. множества изолированных систем выражения («стилей» языка), составленных из характерной для каждой из них совокупности столь же «изолированных элементов языка» . . .» (11, стр. 71). Г. Лесскис указывает на то, что ни один стиль, ни одну группу стилей, взятую в отдельности, нельзя рассматривать как «разновидность» языка, аналогичную, напр., диалекту, т.е. как более или менее автономную систему (или подсистему), которая одна в состоянии функционировать как самостоятельный язык и обеспечивать те потребности, которые обеспечивает язык в целом» (64, стр. 82). Очевидно, нет оснований воспринимать стиль как разновидность языка.

В других работах словом стиль обозначается или «организованная с помощью сознательного отбора система стилистически окрашенных и стилистически «нейтральных» элементов языка . . .» (35, стр. 12), или «функционально значимая манера речи, обусловленная каким-нибудь заданием» (64, стр. 80), или «система конкретного использования фонетических, словарных и грамматических возможностей языка, выражающая отношение говорящего или пишущего к содержанию высказывания» (92, стр. 58) и пр. Все эти формулировки, приемлемые по существу, являются в одном или другом отношении не совсем полными. Противопоставленность стилистически окрашенных и стилистически «нейтральных» элементов, как и выражение отношения к содержанию высказывания не являются обязательными признаками всех стилей.

Некоторые исследователи считают даже, что под функциональным стилем следует понимать языковые средства с одинаковой (или сходной) «стилистической окраской» (27, стр. 6).

Наиболее удачные определения понятия «стиль» сформулировали, по нашему мнению, В. В. Виноградов и Т. Г. Винокур.

По определению В. В. Виноградова, *стиль* — это внутренне объединенная совокупность приемов употребления, отбора и сочетания средств речевого общения в сфере того или иного языка. Эта совокуп-

ность приемов употребления, отбора и сочетания средств речевого общения является общественно осознанной и функционально обусловленной. Она соотносительна с другими такими же способами выражения, которые служат для иных целей и выполняют иные функции в речевой общественной практике данного народа. Стили, находясь в тесном взаимодействии, могут частично смешиваться и проникать один в другой. В индивидуальном употреблении границы стилей могут еще более резко смещаться, и один стиль может для достижения той или иной цели употребляться в функции другого (11, стр. 73). Это вполне естественно, если учесть, что стили выступают как разветвления единого литературного языка и что признаки одного стиля частично могут повторяться в признаках другого стиля, что языковая основа всех стилей общая.

Т. Г. Винокур считает, что *стиль* — это языковые средства с одинаковой (или сходной) стилистической окраской, с едиными функционально-речевыми нормами отбора и употребления, закрепленными за определенной социальной сферой общения (27, стр. 6).

Следует добавить, что важным признаком функциональных стилей является и *частота* употребления этих языковых средств. Частота употребления, по мнению Б. Н. Головина, является строго мотивированной, границы по стилям различаются. «В каждом стиле своя «картина частот» тех или иных средств» (56, стр. 118).

Высказано было даже мнение о том, что «стили языка отличаются друг от друга прежде всего не наборами специфичных для каждого стиля языковых единиц и их категорий, а существенными расхождениями вероятностей одних и тех же элементов языка» (34, стр. 15).

Учитывая указанные соображения и мнения, мы предлагаем следующее определение понятия «стиль», которое не может быть вполне удовлетворительным, но раскрывает в сжатом виде главные черты функционального стиля. *Функциональный стиль* — это внутренне объединенная, общественно осознанная совокупность языковых средств, которые отличаются известным отбором, сочетанием и частотой употребления и которые используются в определенной сфере общения с определенной целью.

Дифференциальные признаки функциональных стилей вырисовываются ясно при сопоставлении стилей. Возможность отбора (и вообще возможность использования различных приемов употребления, различных сочетаний средств общения) в каждом отдельном стиле обеспечена синонимией, т.е. наличием в языке таких средств (лексических, морфологических, синтаксических), которые позволяют более чем одним способом описать один и тот же объект, напр.: *аэроплан — самолет, белый — самый белый, Пушкин был поэтом — Пушкин был поэт* (64, стр. 80). (Объектом в указанной работе называется *любой предмет* описания: будь то отдельный физический предмет, отвлеченное понятие и т.д.) Г. Лесскис справедливо отмечает кроме того, что тождество объекта двух или более разных описаний само по себе еще не означает семантического тождества самых языковых описаний, так как они могут выражать не только название объекта (денотата), но и отно-

шение говорящего к объекту, а также представлять его тем или иным способом (*лик его ужасен — лицо его ужасно*) (64, стр. 80). Синонимичные языковые средства могут образовать корреляции (противопоставления) и иметь функциональные значения. Выделяют корреляции языковых средств по жанрам речи, в которых они употребляются (напр. *письменная речь — устная речь* и др.), корреляции языковых средств по значению оценок, которые им приписываются в данную эпоху и в данной социальной среде (напр. *высокий стиль — средний стиль* и т. д.).

Функциональный принцип выделения стилей литературного языка разрабатывается, главным образом, советскими и чешскими лингвистами. В русском литературном языке функциональный принцип выделения стилей был сформулирован Л. В. Щербой, который писал о том, что различия между разновидностями литературного языка определяются «их разной функциональной направленностью» (96, стр. 117).

Если наличие функциональных стилей в современном русском языке, напр., не оспаривается, то по вопросу об их количестве и названиях до сих пор нет единодушия.

Так, напр., Т. Г. Винокур считает, что следует придерживаться традиционной классификации функциональных разновидностей литературного языка: разговорная, официально-деловая, газетно-публицистическая и научная речь (27, стр. 6). Р. А. Будагов перечисляет следующие стили: разговорный, письменный, научный, художественный (10, стр. 69). М. Н. Кожина выделяет: политико-идеологический (или публицистический в широком смысле), законодательный (или официально-деловой), научный, художественный, религиозный (не для современного языка) (56, стр. 175). Н. Кожевникова пишет о двух типах речи — разговорной и книжной. Со своей стороны книжная речь дробится на публицистическую, научную и деловую (55, стр. 6).

Авторы приводят разнообразные доводы в доказательство правильности своих классификаций, которые не будут подвергаться анализу из-за недостатка места и из-за того, что эти проблемы не являются основными в данном учебнике.

В данной работе воспринята классификация функциональных стилей, учитывающая основные общественные функции языка. При выделении таких важных общественных функций языка, как общение, сообщение и воздействие, могли бы быть в общем плане структуры языка разграничены такие стили: обиходно-бытовой стиль (функция общения), обиходно-деловой, официально-документальный и научный (функция сообщения), публицистический и художественно-беллетристический (функция воздействия) (22, стр. 6). На основе этого воспринимается следующая классификация функциональных стилей современного русского литературного языка: разговорный (стиль разговорной речи), деловой (стиль деловой речи), научный

(стиль научного повествования), публицистический (стиль публицистики) и художественный (стиль художественной литературы, который мы включаем в систему стилей с известной оговоркой).

Необходимо специально подчеркнуть, что указанные функциональные стили русского литературного языка окончательно складываются лишь в национальный период (56, стр. 240). Вообще структурные своеобразия стилей, количественные, а тем более качественные различия между ними и их состав исторически изменяются и различны в разные эпохи развития русского национального языка.

Еще сложнее обстоит дело со стилями в донациональный период истории русского литературного языка. Существуют очень серьезные соображения, которые дают основание заключить, что нельзя говорить о функциональных стилях как таковых (в современном смысле слова) по отношению к этому периоду. Отдельные авторы определяют два или три типа (вида) древнерусского литературного языка, которые обслуживали различные сферы, напр. сферы культуры и церковной литературы (книжно-славянский тип), сферы делопроизводства (деловой тип), сферы художественного и исторического повествования (народно-литературный тип) (17). По отношению к этому периоду они основательно воздерживаются говорить о стилях, потому что образование стилей связано с большей внутренней, структурной слитностью литературного языка. Образование стилей осуществляется или может происходить в период более глубокого и тесного сближения литературного языка с языком народным, когда формирующиеся функциональные разновидности литературного языка «ориентируются на основной словарный фонд и грамматический строй общенародного языка. В истории русского языка эти процессы относятся к позднему периоду развития русской (великорусской) народности — не ранее XVI в.» (11, стр. 81). Стили — это явления единого языка, единого литературного языка, одного общенародного языка. До XVI—XVII вв., однако, отсутствовала еще внутренняя, структурная слитность древнерусского литературного языка, сложившегося на основе двух языковых стихий (древнерусской и церковнославянской), не было еще проявлений его глубокого сближения с народным языком. Следовательно, еще не существовали условия для формирования функциональных стилей. Функционально-разграниченные и жанрово-разнородные системы литературного выражения, которые выделяются в системе древнерусского литературного языка, определяются как типы (14, стр. 60). Именно эта концепция воспринимается в учебнике.

Другие историки русского языка, наоборот, считают, что в Древней Руси вместе с развитием жанров письменности шло формирование и совершенствование стилей литературного языка. Судя по своеобразию языка, которым были написаны светские и церковно-богослужбные памятники, в литературном языке донационального периода выделяются две группы стилей: светские и церковно-богослужбные (47, стр. 31).

Разногласия существуют и по вопросу об отнесенности стилей к речевым или языковым явлениям. В работах многих лингвистов разграничиваются стили языка и стили речи. Так, напр., В. В. Виноградов подчеркивает, что если исходить из понимания общей структуры языка как «системы систем», то стиль языка — это одна из частных систем (или «подсистем»), входящих в общую систему. В этом аспекте стиль языка — это структурный облик функции языка в ее многообразных проявлениях. Стилистика речи изучает способы употребления языка и его стилей в разных видах монологической и диалогической речи, в разных композиционно-речевых системах (официальный доклад, лекция, приветственное слово, заявление и т.п.), а также индивидуально-характеристические тенденции речевого употребления и творчества (22, стр. 201—202). Р. А. Будагов разделяет эту точку зрения. Он определяет различия между языковыми и речевыми стилями. Эти различия, по мнению автора, обуславливаются тем, что языковые стили современных развитых литературных языков опираются на более объективные и более очевидные языковые основания, чем различия между речевыми стилями. Языковые стили выступают как образования лингвистически более устойчивые и типологически более универсальные. Речевые стили меняются от эпохи к эпохе гораздо быстрее, они могут наблюдаться в одних языках или одну историческую эпоху и не наблюдаться в других языках и в другую историческую эпоху. Речевых стилей бесконечно много (10, стр. 70—71).

В других работах утверждается, что стилистические явления возникают при реализации языка в речи. «Принимая для всех других сфер языкового выражения (уровней) возможность противопоставлять рассмотрение каждого значимого факта языка «в системе» и «в тексте», мы связываем явления стиля только со вторым планом — текстом» (37, стр. 88). Рассматривая стилистику на уровне нормы, Ю. С. Степанов пишет: «Вид речи, употребляемый людьми в типовой общественной ситуации, называется стилем речи или функциональным стилем речи (или языка — безразлично)» (84, стр. 169).

Подробности, связанные с характером этих противоположных концепций³ здесь не будут обсуждаться, потому что в учебнике воспринимается другое понимание характера стилей, которое излагается ниже.

Характерные признаки функциональных разновидностей возникают в речевых контекстах, но затем оформляются как определенная совокупность (набор) средств, закрепляющихся в системе языка. В составе языка откладываются элементы лексики и грамматического строя, за которыми закрепились та или иная определенная стилистическая функция, вновь проявляющейся всякий раз, когда к этим элементам обращаются в акте говорения или литературного творчества. Следовательно, при разрешении поставленного вопроса можно опираться на существующее мнение о том, что функциональные стили «не являются целиком ни речевыми и ни языковыми, а представляют собой явление более

сложного языково-речевого порядка» (41, стр. 98). Очевидно, стилистические явления возникают на линии связи между языком и речью (92, стр. 56). Поэтому можно согласиться с утверждением, что как стилистические категории — функциональные стили принадлежат в первую очередь речи; как функциональные — они имеют «выход» в язык (27, стр. 6).

§ 8. ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК И ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Литературный язык и язык художественной литературы не тождественные, но соотносительные понятия.

Развитие русского литературного языка и его норм, напр., происходило в тесной связи с общим ходом развития литературы, однако интенсивность влияния языка литературы и широта его распространения различны в разные периоды истории культуры русского народа.

Язык художественной литературы в одной или другой степени отражает язык соответствующей эпохи и находится в зависимости от его состояния. В художественных произведениях мы видим наиболее полное и широкое воплощение литературного языка эпохи. Язык художественной литературы играет определенную очень значительную роль в развитии литературного языка. Обогащение лексико-фразеологических средств языка, распространение и развитие политической, научной, технической терминологии, усовершенствование разных стилей речи во многом бывает результатом усилий отдельных писателей (16, стр. 24). На фоне богатой и разнообразной художественной литературы, представленной выдающимися писателями, художниками слова, литературный язык становится выразительнее, его художественные ресурсы обогащаются. В этом смысле между литературным языком и языком художественной литературы существует постоянное взаимодействие. Такая взаимозависимость обуславливает необходимость изучения языка художественной литературы в аспекте общей истории литературного языка и отчетливого разграничения литературного языка от языка художественной литературы.

При разграничении литературного языка от языка художественной литературы следует иметь в виду некоторые положения.

Необходимо прежде всего обратить внимание на очень широкие сферы применения литературного языка (особенно в национальный период). Литературный язык обслуживает жизненно важные потребности культуры, науки, литературы, образования, техники, политики и т.д. По существу он функционирует почти во всех сферах общественной жизни (в сфере государственных институтов, в сфере искусства, в сфере науки, в сфере литературы в широком смысле слова — художественной, публицистической, технической и пр., в сфере образования и т. д.). Литературный язык может функционировать и в разных формах речи: как в письменной, так и в устной (разговор, выступление, театр, радио, телевидение, лекция и пр.).

Художественная литература является только одной из возможных сфер функционирования литературного языка, и в этом смысле, очевидно, понятие «язык художественной литературы» уже понятия «литературный язык».

Язык художественной литературы является специфической формой литературного языка (61, стр. 11), особой сферой его функционирования. Язык художественных произведений, однако, может выходить за пределы собственно литературного языка как в сторону прошлого, так и в область современных диалектных ответвлений народной речи, а также и в область разговорно-обиходной речи, жаргонов и просторечия. Эти отклонения от норм литературного языка во многом зависят от жанровой природы художественного произведения. В них часто сказывается степень речевой культуры и уровень художественного вкуса той социальной среды, к которой принадлежит автор и которую он стремится обслуживать своим творчеством. В языке художественных произведений свободно и широко используются как единицы (слова, формы, словосочетания) литературного языка (литературный язык является основой языка художественных произведений), так и единицы, не находящие своего места в литературном языке: диалектизмы, профессионализмы, просторечие, жаргонные слова и выражения и пр. В художественных произведениях могут использоваться и единицы, находящиеся в пассивном запасе литературного языка: архаизмы, историзмы, церковнославянизмы, неологизмы и пр. По существу элементы любого стиля литературного языка, любые внелитературные элементы могут употребляться в языке художественной литературы, если они эстетически мотивированы, если соблюдается соразмерность и сообразность в их употреблении. Авторская речь в основном базируется на материале литературного языка, но персонажи, даже в тех случаях, когда им доступен литературный язык, широко используют во многих случаях внелитературные элементы. Выдающиеся художники слова, в зависимости от сюжета произведения, от времени совершения действия, от степени образованности своих героев, от их характера, их социальной, профессиональной, локальной среды и т.д., берут материал из всех областей общенародного языка (а в отдельных случаях используют даже и элементы других языков). Так, напр., используя разнообразные внелитературные элементы, М. Шолохов создает оригинальные речевые портреты многих героев своих произведений. Внелитературные элементы, как и единицы пассивного запаса литературного языка могут использоваться авторами в целях достижения соответствующей экспрессии. Ср. архаизмы и просторечия в фельетоне Г. Рыклина «Есть и такие». В избушке бабки Досифеи происходит свидание семинариста с девушкой: — «Приветик! — рече басом сын божий. — Аминь! — ответствовала пастырю смиренная овца. — Прощу извинить, — молвил будущий пастырь, — я, кажись, малость того . . . нарушил график, как говорят в миру. — Бог простит, бог благословит, — ответствовала овца, потупив очи долу. — Ладно, — согласился божественный ухажер. — По-

што, мой милый пастырь, опоздал ты сегодня на нашу тайную вечерю? — Из-за футбола. Аз емь вратарь во славу божую. Ни одной штуки не пропустил . . .» (75, стр. 257). Очевидно, возможность использования элементов разных стилей литературного языка и элементов, не находящихся места в литературной речи, дает основание говорить о более сложном содержании понятия «язык художественной литературы» по сравнению с понятием «литературный язык». В этом отношении язык художественной литературы представляет собой более свободную и открытую систему, чем литературный язык. Несомненно, язык художественных произведений не может далеко отступать от основы общенародного языка, иначе он перестанет быть общепонятным.

Разграничение литературного языка и языка художественной литературы основывается и на различии в их функциях. Литературный язык выполняет преимущественно коммуникативную функцию (служит для общения людей). В этом случае форма сообщения выступает как знак того или иного смысла. В языке художественной литературы выступает другая функция — эстетическая (служит для эстетического воздействия на читателя). В этом случае форма сообщения выступает не только как знак того или иного смысла, но представляет и систему языковых средств для выражения образного содержания, а в конечном счете и идейно-художественного замысла, т. е. становится эстетически мотивированной. В. В. Виноградов подчеркивает, что в структуре художественного произведения происходит эмоционально-образная, эстетическая трансформация средств общенародного языка (15, стр. 6). В связи с этим разграничением литературного языка и языка художественной литературы возникает вопрос о соотношении коммуникативной и эстетической функций в языке художественной литературы. Отдельные авторы понимают это соотношение как единство функций, но это предполагает двух функциональных начал. Поэтому основательно указывают на то, что в художественной литературе язык выступает в эстетически преобразованной коммуникативной функции (65, стр. 9).

Другой вопрос, связанный с характером и спецификой языка художественной литературы, это проблема о его месте в системе стилей литературного языка, которая до сих пор остается спорной.

Было время, когда в работах многих исследователей язык писателя со всеми его индивидуальными особенностями, обусловленными прежде всего конкретными художественными задачами данного конкретного произведения, по существу растворялся в литературном языке (61, стр. 9). Это проявилось в некоторых исследованиях по истории русского литературного языка, в которых история русского литературного языка заметно переплетается с историческими эскизами индивидуальных стилей различных писателей (13, стр. 79). В состав этих исследований включали и такие проблемы, как, напр., язык или язык и стиль определенного писателя. При определении его роли в истории русского литературного языка обращали внимание не только на отражение общелитературной нормы в произведениях соответствующего писателя, но также и на собственно художественные функции языкового

материала в индивидуальной эстетической системе писателя. Индивидуальный стиль — это система индивидуально-эстетического использования средств словесного выражения, свойственных данному периоду развития художественной литературы (13, стр. 85).

В работах многих лингвистов язык художественной литературы рассматривается и определяется как один из стилей литературного языка. Так, напр., А. Н. Гвоздев причисляет «стиль художественной речи» к разновидностям книжного стиля (33, стр. 14). А. И. Ефимов пишет, что «язык художественного произведения входит в систему стилей литературного языка как одна из важнейших его составных частей» (46, стр. 59). Другой исследователь проблем стилей, И. Р. Гальперин, отмечает, что в литературном языке выделяется особо стиль поэтический (в широком смысле этого слова) с его разновидностями: художественной прозой и поэзией. Особенность и своеобразие этого стиля речи заключаются не столько в отборе тех или иных средств языка, сколько в использовании этих средств в целях художественного, обобщенного воспроизведения и освящения жизни и деятельности общества (30, стр. 80). Г. В. Степанов, определяя причины переплетения научного и художественного стилей, подчеркивает, что в художественной литературе система эмоционально-чувственных образов как раз и определяет специфику данной формы познания действительности. «Специфика художественной литературы состоит, между прочим, в том, что язык является для нее и формой, и материалом, и в ряде случаев — объектом художественного осмысления и эстетической оценки» (83, стр. 91). Р. А. Будагов подробно рассматривает своеобразное положение художественного стиля среди других стилей языка. Ни в каком другом стиле, по его словам, взаимодействие со всеми ресурсами и всеми средствами языка не достигает такой глубины и не облекается в такие разнообразные формы, как в стиле художественном. Особенно важно то положение, что художественный стиль, широко заимствуя самые разнообразные элементы всех других стилей (публицистического, делового, научного, стиля разговорной речи), тем не менее в конкретной художественной практике не превращается каждый раз то в стиль разговорный, то в стиль научный, то в стиль публицистический и пр. Этого не происходит потому, что элементы других стилей, попадая в художественный стиль, продолжают жить и функционировать там не самостоятельно, а в системе новых отношений. Эти элементы не изменяют специфику художественного стиля, а сами начинают выполнять определенные художественные и стилистические функции. Поэтому нет, напр., научного художественного стиля, но есть художественный стиль с элементами научного стиля. Это и позволяет говорить о стиле художественной литературы не как об эклектической смеси разных стилей, в которых он растворяется и теряет свою специфику, а как о самостоятельной, качественно неповторимой категории поэтики и лингвистики. Попадая в систему художественного стиля, элементы других стилей преобразуются и начинают выполнять особую функцию, детерминированную спецификой самого художественного выражения. Для художественного стиля типична многоплановость всех его средств,

особого рода точность и характерность, ведущая роль контекста, переплетение прямого и непрямого описания и изображения. Художественный стиль, обладая определенными общими признаками, какими наделены и другие стили языка, вместе с тем уточняется, конкретизируется, приобретает дополнительные черты и индивидуальную (нередко неповторимую) окраску у лучших представителей художественной литературы (10, стр. 152 и сл.).

В последние годы все чаще появляются исследования, в которых утверждается, что язык современной художественной литературы не обладает признаками единого стиля языка, поскольку он не представляет собой системы стилистически однородных явлений, не опирается на специфическую для него соотносительную стилистическую окраску языковых средств и принципиально лишен всякой стилистической замкнутости. Язык художественной литературы — явление принципиально иного порядка, чем языковой стиль. Дело в том, что язык художественной литературы разностилен, он представляет собой целую систему стилей, стилистических контекстов, целесообразно организованных. Глубокое своеобразие языка художественной литературы, которое отличает его от всех стилей языка, определяется наличием дополнительной, эстетической функции, что связывает его с такими компонентами произведения, как система образов, сюжет, композиция, ставит его в ряд с этими эстетическими категориями (59, стр. 68 и сл.). Л. Максимов считает даже, что «понимание языка художественной литературы как одного из стилей литературного языка становилось препятствием в развитии лингвистики» (65, стр. 8). А. И. Горшков подчеркивает, что язык художественной литературы представляет собой явление настолько своеобразное и сложное, что его нельзя поставить в один ряд с теми разновидностями литературного языка, которые называются стилями (35, стр. 15). А. В. Федорову тоже представляется невозможным считать художественную речь функциональным стилем прежде всего в силу необыкновенного многообразия ее конкретных форм, обусловленного многообразием индивидуальных авторских стилей, стилей школ и сочетанием в языке художественной литературы функциональных стилей (88, стр. 58). В. В. Виноградов высказывает свои соображения в более позитивной форме. Он пишет, что понятие «стиля» в применении к языку художественной литературы наполняется иным содержанием, чем, напр., в отношении других стилей. Язык национальной художественной литературы не вполне соотносителен с другими стилями, типами или разновидностями книжно-литературной и народно-разговорной речи. Он использует их, включает их в себя, но в своеобразных комбинациях и в функционально преобразованном виде (11, стр. 85). В. В. Виноградов, рассматривая мнения авторов, которые считают стиль художественной литературы явлением иного, более сложного порядка, пишет, что это «гораздо ближе к истине» (13, стр. 71).

Высказываются и мнения, что, как бы ни решать вопрос о художественно-поэтической речи, ее специфика сохраняется (58, стр. 172).

Учитывая соображения авторов, поддерживающих одну или другую концепцию, мы не можем не согласиться, что стиль художественной

литературы занимает среди всех остальных стилей наиболее своеобразное место. Если для других стилей характерна известная прикрепленность к определенной сфере социальной жизни, то язык художественной литературы обладает несравненно более широким, чуть ли не всеобщим характером: здесь концентрируется и в какой-то мере воспроизводится все многообразие стилей данного языка. При этом в разные периоды развития художественной литературы, в разных ее жанрах границы и характер такого воспроизведения бывают различны. Художественная речь, как и ее языковые элементы отличаются от других видов речи и общенародного языка функционально. Язык в художественной области является формой выражения иного, поэтического содержания, идейно-образного подтекста. Это и есть проявление специфических закономерностей функционирования языковых средств в эстетической сфере общения, в свою очередь обусловленных особыми задачами общения. Специфика художественной речи простирается именно умения пользоваться языком, его свойствами и возможностями, а не состоит в существовании какого-то особого языка. Если речи вообще свойствен подтекст, то в особенно большой степени он свойствен речи художественной. Именно в ней «подтекст» (т. е. второй, поэтический «уклон» речи) специально создается, причем художественная речь и направлена на его выражение. Все это свидетельствует о том, что художественная речь — это особый, специфический вид речи, но именно вид речи, а не какое-то совсем иное явление (56, стр. 222 и сл.).

Следует, однако, учесть и то, что, используя элементы разных стилей, обладая дополнительной, эстетической функцией, стиль художественной литературы выступает не как нечто особое и исключительно отличное от единого общенародного языка, а по существу как его отражение, как его специфическое, концентрированное проявление и выражение. Таким образом, и здесь сохраняется зависимое положение стиля по отношению к единому общенародному языку, и здесь выступает своеобразный, но все же частный характер стиля. Поэтому в применении к языку художественной литературы, очевидно, можно пользоваться термином «стиль», хотя и до известной степени условно. Стиль художественной литературы не ограничен резко от других стилей. Особенной близостью он связан со стилем публицистики (4).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. В. И. Абаев, История языка и история народа. Сб. Вопросы теории и истории языка, М., 1952.
2. В. И. Абаев, Язык и история. Сб. Теоретические проблемы советского языкознания, М., 1968.
3. Р. И. Аванесов, О некоторых вопросах истории языка. Сб. Академику В. В. Виноградову. К его шестидесятилетию, М., 1956.
4. В. Г. Адмони, Т. И. Сильман. Отбор языковых средств и вопросы стиля. Вопросы языкознания, 1954, № 4.
5. Н. Д. Артюнова, Очерки по словообразованию в современном испанском языке, М., 1961.

6. О. С. Ахманова, Словарь лингвистических терминов, М., 1966.
7. Д. Брозович, Славянские стандартные языки и сравнительный метод. Вопросы языкознания, 1967, № 1.
8. Ш. Балли, Французская стилистика, М., 1961.
9. Р. А. Будагов, Язык, история, современность, М., 1971.
10. Р. А. Будагов, Литературные языки и языковые стили, М., 1967.
11. В. В. Виноградов, Итоги обсуждения вопросов стилистики. Вопросы языкознания, 1955, № 1.
12. В. В. Виноградов, Русская наука о русском языке. Ученые записки МГУ, вып. 106, т. III, кн. I, М., 1946.
13. В. В. Виноградов, О языке художественной литературы, М., 1959.
14. В. В. Виноградов, Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв., М., 1938.
15. В. В. Виноградов, Язык художественного произведения. Вопросы языкознания, 1954, № 5.
16. В. В. Виноградов, Проблема исторического взаимодействия литературного языка и языка художественной литературы. Вопросы языкознания, 1955, № 4.
17. В. В. Виноградов, Различия между закономерностями развития славянских литературных языков в донациональную и национальную эпохи, М., 1963.
18. В. В. Виноградов, Проблемы литературных языков и закономерности их образования и развития, М., 1967.
19. В. В. Виноградов, Образование русского национального литературного языка. Вопросы языкознания, 1956, № 1.
20. В. В. Виноградов, Основные проблемы и задачи изучения русского литературного языка донациональной эпохи. Славянские литературные языки в донациональный период. Тезисы докладов, М., 1969.
21. В. В. Виноградов, Основные проблемы изучения образования и развития древнерусского литературного языка, М., 1958.
22. В. В. Виноградов, Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика, М., 1963.
23. В. В. Виноградов, О понятии «стиля языка» применительно к истории русского литературного языка. Известия АН СССР, Отделение литературы и языка, 1955, т. 14, вып. 4.
24. В. В. Виноградов, Русская речь, ее изучение и вопросы речевой культуры. Вопросы языкознания, 1961, № 4.
25. Г. О. Винокур, О задачах истории языка. Кн. Избранные работы по русскому языку, М., 1959.
26. Г. О. Винокур, Избранные работы по русскому языку, М., 1959.
27. Т. Г. Винокур, Об изучении функциональных стилей русского языка советской эпохи. Сб. Развитие функциональных стилей современного русского языка, М., 1968.
28. Вопросы стилистики. Тезисы докладов на межвузовской научной конференции, Саратов, 1962.
29. Вопросы теории лингвистической географии, М., 1962.
30. И. Р. Гальперин, Речевые стили и стилистические средства языка. Вопросы языкознания, 1954, № 4.
31. К. Гаузенблас, К уточнению понятия «стиль» и к вопросу об объеме стилистического исследования. Вопросы языкознания, 1967, № 5.
32. Р. Р. Гельгардт, О языковой норме. Сб. Вопросы культуры речи, М., 1961, вып. 3.
33. А. Н. Гвоздев, Очерки по стилистике русского языка, М., 1952.
34. Б. Н. Головин, О стилях языка и их изучении. Русский язык в школе, 1968, № 4.
35. А. И. Горшков, История русского литературного языка, М., 1969.
36. М. Горький, О литературе, М., 1953.
37. Б. В. Горюнг, Несколько соображений о понятии стиля и задачах стилистики. Кн. Проблемы современной филологии. К семидесятилетию акад. В. В. Виноградова, М., 1965.

38. М. М. Гухман, Литературный язык. Общее языкознание, М., 1970.
39. К. С. Горбачевич, Изменение норм русского литературного языка, М., 1971.
40. Я. Гримм, О происхождении языка. Хрестоматия по истории языкознания XIX—XX веков, М., 1960, ч. 1.
41. Г. А. Вейхман, О стилистической классификации современного английского языка. Научные доклады Высшей школы. Филологические науки, 1958, № 4.
42. В. Д. Бондалетов, Условно-профессиональные языки русских ремесленников и торговцев. Автореферат докторской диссертации, М., 1966.
43. Ю. Д. Дешериев, И. Ф. Протченко, Развитие языков народов СССР в советскую эпоху, М., 1968.
44. А. В. Десницкая, Наддиалектные формы устной речи и их роль в истории языка, М., 1970.
45. Л. Ельмслев, Язык и речь. Кн. В. А. Звегинцев, История языкознания XIX—XX веков в очерках и извлечениях, М., 1965, ч. II.
46. А. И. Ефимов, Стилистика художественной речи, М., 1961.
47. А. И. Ефимов, История русского литературного языка, М., 1954.
48. В. М. Жирмунский, Национальный язык и социальные диалекты, Л., 1936.
49. А. В. Исаченко, К вопросу о периодизации истории русского языка. Сб. Вопросы теории и истории языка, Л., 1963.
50. А. В. Исаченко, Ответ на вопрос о специфике литературного двуязычия в истории славянских языков. Вопросы языкознания, 1958, № 3.
51. Е. С. Истрина, Нормы русского литературного языка и культура речи, М. — Л., 1948.
52. И. С. Ильинская, О языковых и неязыковых стилистических средствах. Вопросы языкознания, 1954, № 5.
53. В. А. Ицкович, Норма и ее кодификация. Сб. Актуальные проблемы культуры речи, М., 1970.
54. Т. С. Коготкова, Литературный язык и диалекты. Сб. Актуальные проблемы культуры речи, М., 1970.
55. Н. Кожевникова, О функциональных стилях. Русский язык в национальной школе, 1968, № 2.
56. М. Н. Кожина, К основаниям функциональной стилистики, Пермь, 1968.
57. Э. Косериу, Синхрония, диахрония и язык. Сб. Новое в лингвистике, М., 1963, вып. 3.
58. В. Г. Костомаров, О разграничении терминов «устный» и «разговорный», «письменный» и «книжный». Сб. Проблемы современной филологии. К семидесятилетию акад. В. В. Виноградова, М., 1965.
59. В. Д. Левин, О месте языка художественной литературы в системе стилей национального языка. Вопросы культуры речи, М., 1955, вып. I.
60. В. Д. Левин, О некоторых вопросах стилистики. Вопросы языкознания, 1954, № 5.
61. В. Д. Левин, Литературный язык и художественное повествование. Сб. Вопросы языка современной литературы, М., 1971.
62. Лексика современного русского литературного языка, М., 1968.
63. В. И. Ленин, О праве наций на самоопределение. Собрание сочинений. Изд. 4, т. 20.
64. Г. Лесскис, Функциональная дифференциация стилей. Русский язык в национальной школе, 1970, № 3.
65. Л. Максимов, Литературный язык и язык художественной литературы. Русский язык в национальной школе, 1967, № 1.
66. К. Маркс, Ф. Энгельс, Избранные произведения, М., 1952, т. II.
67. Н. А. Мещерский, Новгородские грамоты на бересте как памятники древнерусского литературного языка. Вестник ЛГУ, 1958, № 2.
68. И. П. Мучник, Влияние социальных факторов на развитие морфологического строя русского литературного языка в советский период. Сб. Мысли о современном русском языке, М., 1969.
69. Т. П. Ломтев, Язык и речь. Вестник МГУ, 1961, № 4.

70. С. И. Ожегов, Очередные вопросы культуры речи. Сб. Вопросы культуры речи, М., 1955, вып. 5.
71. М. В. Панов, О развитии русского языка в советском обществе. Вопросы языкознания, 1962, № 3.
72. Р. Г. Пиотровский, О некоторых стилистических категориях. Вопросы языкознания, 1954, № 1.
73. П. Г. Пустовойт, Слово. Стиль. Образ, М., 1965.
74. Развитие функциональных стилей современного русского языка, М., 1968.
75. Г. Рыклин, Вот какие дела, М., 1963.
76. Н. Н. Семенов, Норма. Общее языкознание, М., 1970.
77. Б. А. Серебренников, Территориальная и социальная дифференциация языка. Общее языкознание, М., 1970.
78. Б. А. Серебренников, Язык как исторически развивающееся явление. Общее языкознание, М., 1970.
79. Б. А. Серебренников, Язык как общественное явление. Общее языкознание, М., 1970.
80. Л. И. Скворцов, Норма. Литературный язык. Культура речи. Сб. Актуальные проблемы культуры речи, М., 1970.
81. Л. И. Скворцов, Об оценках языка молодежи. Сб. Вопросы культуры речи, М., 1964, вып. 5.
82. Ю. С. Сорокин, К вопросу об основных понятиях стилистики. Вопросы языкознания, 1954, № 2.
83. Г. В. Степанов, О художественном и научном стилях речи. Вопросы языкознания, 1954, № 4.
84. Ю. С. Степанов, Основы языкознания, М., 1966.
85. Г. В. Степанов, Испанский язык Америки в системе единого испанского языка. Автореферат докторской диссертации, М., 1966.
86. В. В. Стратен, Об арго и арготизмах. Русский язык в советской школе, 1929, № 5.
87. Б. Б. Томашевский, Язык и литература. Сб. Вопросы литературоведения, М., 1951.
88. А. В. Федоров, Очерки общей и сопоставительной стилистики, М., 1971.
89. Ф. П. Филин, К проблеме социальной обусловленности языка. Сб. Язык и общество, М., 1968.
90. Ф. П. Филин, К вопросу о так называемой диалектной основе русского национального языка. Сб. Вопросы образования восточно-славянских литературных языков, М., 1962.
91. Ф. П. Филин, Несколько слов о языковой норме и культуре речи. Сб. Вопросы культуры речи, М., 1966, вып. 7.
92. Д. Н. Шмелев, Некоторые вопросы развития и нормализации современного русского языка. Известия АН СССР, Отделение литературы и языка, 1962, вып. 5, т. XXI.
93. Д. Н. Шмелев, Слово и образ, М., 1965.
94. С. К. Шаумян, Структурная лингвистика, М., 1965.
95. Л. В. Щерба, Избранные работы по русскому языку, М., 1957.
96. Л. В. Щерба, Опыт общей теории лексикографии. Известия АН СССР, 1940, № 3.
97. В. Навгапек, Studie o spisovném jazyce. Praha, 1963.
98. В. Навгапек, On the comparative structural studies of slavie standard languages. — TLP, 1. Prague, 1966.
99. M. W. Sagathapala de Silva, Effects of purism on the evolution of the written language. «Linguistics», 1967, v. 36.

ОБРАЗОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ ДРЕВНЕРУССКОГО
ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Глава первая

ДРЕВНЕРУССКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК В ЭПОХУ
КИЕВСКОГО ГОСУДАРСТВА И ПОСЛЕДУЮЩИЙ ПЕРИОД
ФЕОДАЛЬНОЙ РАЗДРОБЛЕННОСТИ (XI — НАЧАЛО XIV ВВ.)

§ 1. КРАТКИЕ БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ ИЗУЧЕНИИ
ИСТОРИИ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

История русского литературного языка сложилась как самостоятельная научная дисциплина в советский период. Важную роль в ее становлении сыграла книга В. В. Виноградова «Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв.», М., 1934. Эта книга послужила основой для первой официальной учебной программы по этому курсу, составленной Г. О. Винокуром во второй половине 30-ых годов.

Проблема литературного языка и изучение его истории возникла в русской лингвистике досоветского периода.

Русские филологи испытывали глубокий и разнообразный интерес к историческим судьбам русского литературного языка. Еще со времен М. В. Ломоносова остро выступила проблема русского литературного двуязычия в донациональную эпоху. Она тесно сочеталась затем с вопросом о взаимодействии народнорусской и церковнославянской стихий. См. М. В. Ломоносов, «О пользе книг церковных в российском языке» (М. В. Ломоносов, Полное собрание сочинений, т. 7, М., 1952), А. С. Шишков, «Рассуждение о старом и новом слоге российского языка» (СПб., 1803), М. Т. Каченовский, «О славянском языке вообще и в особенности о церковном» (Вестник Европы, 1816, ч. 89, № 19), К. Ф. Калайдович, «О древнем церковном языке славянском» (Труды Московского Общества любителей российской словесности, 1822, ч. XXII), А. Х. Востоков, «Рассуждения о славянском языке

ке . . .» (Вестник Европы, 1820, ч. 109, № 3), труды М. А. Максимо-
вича (Собрание сочинений М. А. Максимова, Киев, 1880, т. III), К.
Зеленецкий, «Исследование значения, построения и развития слова
человеческого и приложение сего исследования к языку русскому»
(М., 1837). Необходимо особо выделить диссертацию К. А. Аксакова
«Ломоносов в истории русской литературы и русского языка» (М.,
1846), которая впервые дала цельную концепцию истории русского
языка до начала XIX в.

Я. К. Грот был представителем историко-стилистического и нор-
мативно-грамматического направлений в разработке русского литера-
турного языка. История русского литературного языка рисовалась
Гроту цепью сменяющих одна другую стилистических систем, отражав-
шихся в языке крупнейших русских писателей XVIII—XIX вв. (Я.
К. Грот, «Филологические разыскания», СПб., 1876, т. I; 1899, т. II).
Лучшая работа Я. К. Грота в этом направлении — «Карамзин в исто-
рии русского литературного языка». С подобной литературно-эстети-
ческой позиции рассматривает этот вопрос и В. Истомин в труде «Глав-
нейшие особенности языка и слога произведений Г. Р. Державина,
В. А. Жуковского и К. Н. Батюшкова» (Варшава, 1893).

Ф. И. Буслаев стремился связать историю русского литератур-
ного языка с историей культуры, с историей русской литературы и
с историей народной поэзии. Уже в своей первой работе «О преподава-
нии отечественного языка» (1844) Ф. И. Буслаев дает ряд очерков по
истории русского литературного языка (особенно по исторической лек-
сикологии) и по стилистике народного творчества. Особенно велика
была роль «Исторической грамматики русского языка» (М., 1863, вто-
рое издание), в которой автор стремился установить жанровую и сти-
листическую сферу той или иной формы и конструкции.

В труде И. И. Срезневского «Мысли об истории русского языка»
(СПб., 1887) обосновывается мысль о том, что история литературного
языка должна изучаться на фоне общей истории языка и в тесном вза-
имодействии с историей литературы и народным творчеством. «Мате-
риалы для словаря древнерусского языка» (тт. I—III, 1893—1912)
И. И. Срезневского являются самым крупным трудом в области рус-
ской исторической лексикологии. Они послужили мощным толчком к
изучению лексики древнерусского языка, очень необходимому истории
русского литературного языка.

Исследование П. А. Лавровского «О языке северных русских ле-
тописей» (СПб., 1852) отличается широтой проблематики. Особенно ин-
тересны соображения о различиях между стилями древнерусского языка.

Новые задачи перед историей русского литературного языка по-
ставил А. А. Потебня («Из записок по теории словесностей», Харь-
ков, 1905). В широкой области истории литературного языка для А. А.
Потебни обособляется, наряду с общей историей взаимодействия поэ-
тической и прозаической речи, история языка литературных произве-
дений. Он тесно связал историю русского литературного языка с исто-
рической диалектологией.

Работами А. И. Соболевского «Лекции по истории русского языка» (Киев, 1888), А. А. Шахматова «Очерк древнейшего периода истории русского языка» (Пг., 1915) и В. Ягича «Критические заметки по истории русского языка» (СПб., 1889), Р. Ф. Брандта «Лекции по исторической грамматике русского языка» (М., 1892), Н. Н. Дурново «Очерк истории русского языка» (М., 1924), Е. Ф. Будде «К истории великорусских говоров» (Казань, 1904) и работами ряда других историков русского языка закладывался широкий фундамент общей истории русского языка, на основе которой могла бы выделиться история русского литературного языка.

В основных трудах А. А. Шахматова («Введение в курс истории русского языка», Пг., 1916, ч. I; «Очерк современного русского литературного языка», М., 1941, последнее издание и др.) история русского литературного языка рассматривалась как история постепенной русификации древнеболгарского языка. Благодаря исконной близости к древнерусскому языку древнеболгарский язык «на русской почве стал неудержимо ассимилироваться народному языку». В концепции А. А. Шахматова явно недооценивалась роль восточнославянской речевой базы.

Один из первых обобщающих трудов по истории русского литературного языка—это «Очерк истории современного литературного языка» XVII—XIX вв. (Энциклопедия славянской филологии, вып. 12, СПб., 1908) Е. Ф. Будде. В концепции Е. Ф. Будде русский литературный язык, бывший до Петровской эпохи языком письменности, с XVIII в. сливается с языком русской литературы, становится языком русской литературы. В историю русского литературного языка включается изучение индивидуальных своеобразий «языка» писателей. В книге собран большой фактический материал, но он остается несистематизированным. Отсутствуют в ней и основные проблемы формирования и развития русского национального языка.

В 1938 г. вышло второе издание книги В. В. Виноградова «Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв.» В предисловии автор отмечает, что вследствие недостаточной разработанности методологии историко-лингвистического исследования, само освещение и объяснение отдельных языковых явлений или целых периодов в истории русского литературного языка могло оказаться или оказалось спорным, односторонним или даже ошибочным. Несмотря на это, труд В. В. Виноградова сыграл важную роль: он обозначил контуры истории русского литературного языка, он стимулировал исследования в области истории литературного языка и появление ряда трудов, кандидатских и докторских диссертаций, посвященных проблемам литературного языка, языка и стиля отдельных художников слова.

Г. О. Винокур излагает историю русского литературного языка в книге «Русский язык» (М., 1945). Автор стремился отделить историю русского литературного языка от истории художественной литературы. Осуществить свой замысел полностью ему не удалось, так как в книге в одной или другой степени понадобилось обратиться к стилям отдельных авторов.

В 1954 г. выходит книга А. И. Ефимова «История русского литературного языка» (в 1971 году вышло третье издание), которая была живо и с интересом встречена научной общественностью как удачный опыт изложения основных этапов истории русского литературного языка. Основное содержание курса, по А. И. Ефимову, это историческое развитие литературного языка как системы стилей. Автор настаивает на том, что многие стили сложились еще в эпоху Киевской Руси. Большинство современных авторов, однако, не согласны с этим положением и утверждают, что принципы различия между указанными стилями древнерусского литературного языка расплывчаты и неубедительны. На некоторые особенности русского литературного языка Московского государства А. И. Ефимов не обратил внимания (напр., на развитие книжно-славянского типа и др.).

Книга А. И. Горшкова «История русского литературного языка» (новое издание — М., 1969) отличается тщательной разработкой многих проблем (напр. просторечие в XVIII в.). Вслед за В. В. Виноградовым Горшков признает два типа древнерусского литературного языка: книжно-славянский и народно-литературный, допуская их широкое, разностороннее взаимодействие.

К числу углубленных исследований истории русского литературного языка следует отнести и «Краткий очерк истории русского литературного языка» (второе издание вышло в 1964 году в Москве) В. Д. Левина. Автор доводит систематическое изложение истории литературного языка только до пушкинского периода. Отдельные явления послепушкинской поры затронуты лишь в конспективной форме.

В. Б. Бродская и С. О. Цаленчук — авторы учебного пособия «История русского литературного языка» (ч. I, X—XVIII вв., Львов, 1957), в сжатом виде рассматривают основные вопросы истории русского литературного языка до XVIII в.

В цикле лекций Г. И. Шкляревского «История русского литературного языка» (Харьков, 1967) рассматриваются наиболее важные темы курса истории русского литературного языка со второй половины XVIII до конца XIX в. Некоторые темы вводятся автором впервые в учебную литературу.

К учебным пособиям по данному курсу, в которых конспективно излагаются основные тенденции развития русского литературного языка, относятся «Очерки по истории русского литературного языка» И. В. Устинова (Прспект учебника. Ученые записки МГПИ им. В. И. Ленина, т. 82, вып. 5, 1955), «История русского литературного языка» С. Д. Никифорова (Краткий конспект курса, М., 1957), «История русского литературного языка» А. В. Степанова (Учебно-методическое пособие для студентов-заочников, М., 1964).

Русский литературный язык более позднего периода был подвергнут специальному изучению С. П. Обнорским, который написал «Очерки по истории русского литературного языка старшего периода» (М.—Л., 1946). В этом издании содержатся исследования, посвященные изучению языка некоторых основных памятников древнерусской письменности, напр., «Русская правда», «Моление Даниила Заточника», «Слово о полку Игореве», «Поучение Владимира Мономаха».

Книга Л. П. Якубинского «История древнерусского языка» (М., 1953) также посвящена русскому языку старшей поры.

«Курс русского литературного языка» (т. II, Киев, 1953) Л. А. Булаховского содержит краткий общий очерк истории русского литературного языка до конца XVIII в.

В 1972 г. вышло очень содержательное исследование И. С. Улуханова «О языке Древней Руси», в котором рассматриваются формирование и развитие основных разновидностей письменного и устного языка Древней Руси с XI по XVII в.

В Болгарии в 1955 г. вышел «Краткий очерк истории и исторической грамматики русского языка» Н. М. Дылевского, содержащий краткие сведения по истории русского литературного языка.

Мы указали на некоторые общие исследования и учебные пособия по истории русского литературного языка. Следовало бы подчеркнуть, что во всех этих работах отсутствуют специальные проблемы теории литературных языков.

Отдельным проблемам истории русского литературного языка посвящен ряд монографий, книг, статей, на которые мы ссылаемся в различных частях учебника. Укажем работы, как: Ю. А. Бельчиков, «Общественно-политическая лексика В. Г. Белинского» (М., 1962); В. В. Виноградов, «Проблемы литературных языков и закономерности их образования и развития» (М., 1967), «О языке художественной литературы» (М., 1959), «Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика» (М., 1963), «Сюжет и стиль» (М., 1963); Сб. Вопросы формирования и развития национальных языков (Труды Института языкознания АН СССР, т. X, 1960); Сб. Вопросы образования восточнославянских национальных языков (М., 1962); Сб. Вопросы теории и истории языка (Л., 1969); В. В. Веселитский, «Развитие отвлеченной лексики в русском литературном языке первой трети XIX века» (М., 1964); И. С. Ильинская, «Лексика стихотворной речи Пушкина» (М., 1970); Ю. Д. Дешериев, «Закономерности развития и взаимодействия литературных языков в советском обществе» (М., 1966); А. И. Ефимов, «Язык сатиры Салтыкова-Щедрина» (М., 1953); А. Ф. Ефремов, «Язык Н. Г. Чернышевского» (Саратов, 1951); Сб. Исследования по исторической лексикологии древнерусского языка (М., 1964); Сб. Исследования по словообразованию и лексикологии древнерусского языка (М., 1969); С. И. Котков, «Очерки по лексике южновеликорусской письменности XVI—XVIII веков» (М., 1970); Л. Л. Кутина, «Формирование языка русской науки» (М.—Л., 1964); Сб. Лексикология и словообразование древнерусского языка (М., 1966); В. Д. Девин, «Очерк стилистики русского литературного языка конца XVIII — начала XIX в.» (М.,

1964); Д. С. Лихачев, «Поэтика древнерусской литературы» (Л., 1971); Сб. Материалы и исследования по истории русского литературного языка» (тт. I—V, М., 1949, 1951, 1953, 1957, 1962); Сб. Московская деловая и бытовая письменность XVII в. (М., 1968); Сб. Начальный этап формирования русского национального языка (М., 1961); Сб. Образование новой стилистики русского языка в пушкинскую эпоху (М., 1964); Сб. Очерки по истории русского языка и литературы XVIII века (Казань, 1969); Сб. Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX в. (М., 1964); С. П. Обнорский, «Избранные работы по русскому языку» (М., 1960); Сб. Памятники древнерусской письменности (М., 1968); О. Г. Прохорова, «Лексика сибирских летописей XVII века» (Л., 1969); Сб. Процессы формирования лексики русского литературного языка (М.—Л., 1966); Сб. Поэтическая фразеология Пушкина (М., 1969); Сб. Развитие функциональных стилей современного русского языка (М., 1968); Сб. Роль русского языка в развитии словарного состава языков народов СССР (М., 1959); Сб. Русская историческая лексикология (М., 1968); Сб. Русская литературная речь в XVIII веке (М., 1968); А. М. Селищев, «Избранные труды» (М., 1968); Ф. И. Сороколетов, «История военной лексики в русском языке» (Л., 1970); Ю. С. Сорокин, «Развитие словарного состава русского литературного языка XIX века» (М.—Л., 1965); Ф. П. Филин, «Происхождение русского, украинского и белорусского языков» (М., 1972); П. Я. Черных, «Очерк русской исторической лексикологии» (М., 1956), и др.

§ 2. ЯЗЫК ДРЕВНЕРУССКОЙ (ДРЕВНЕВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОЙ) НАРОДНОСТИ

В IX в. многочисленные восточнославянские племена занимали обширную территорию от Балтийского до Черного моря, от рек Буга и Припяти вплоть до бассейна Оки и Волги. Отделенные друг от друга обширными пространствами, эти племена имели, естественно, различия как в общественной и хозяйственной жизни, так и в языке. Но в связи с разложением родового строя, с возникновением и развитием древних городов (57, стр. 10), вокруг которых стали группироваться массы населения, происходит постепенное объединение, концентрация восточнославянских племен. Значительную роль в этом сложном и важном процессе сыграло развитие и укрепление города Киева. Под власть Киева были втянуты все восточнославянские и многие неславянские племена (24). Образуется сильное централизованное феодальное государство, которое было названо Киевским государством или Киевской Русью.

В результате развития государственности и наличия языковой общности восточных славян, неполно выраженной и очерченной в этот период существования отдельных племен и племенных групп, происходит формирование древневосточнославянской (древнерусской) народности. Объединение разрозненных племен в государство способствовало сближению племенных диалектов, постепенному стиранию местных черт

и образованию древнерусского языка — языка восточнославянской народности. Правда, в этот период многие диалектные различия остаются, но в Киеве, вокруг которого объединились восточнославянские племена, стало складываться так называемое *к о й н э*, т. е. своеобразное соединение главных признаков восточнославянских диалектов (общий, единый язык), в котором стирались многие диалектные различия норм произношения, грамматики и лексики. Этот язык, который выполнял роль государственного языка Киевской Руси, стал употребляться и на территории других восточнославянских племен. Он становится и языком устной народной словесности и деловой письменности.

В X в. Киевская Русь принимает христианство. К этому времени относится и распространение письменности. «Развитие и укрепление древнерусского государства, естественно, вызвали развитие и совершенствование письма, необходимого для фиксации государственных актов» (I, стр. 25).

Язык древнерусской народности (языковая общность восточных славян) отличался некоторыми характерными чертами. Основные из них это: 1) *п о л н о г л а с н е*, которое было одной из важнейших конструктивных особенностей, определяющих фонетическую структуру образованного языка восточных славян, напр.: *город, борода, холод, молодость, берёза, берег, шолом* и т.д.; 2) определенная категория слов с начальными сочетаниями *-ро* и *-ло*, напр.: *ровный, рост, роспись, лодка, локоть* и др.; 3) звуки *-ч* и *-ж* на месте общеславянских *-tj* (*-kt*), *-dj*, напр.: *свеча, ночь, вижу, межа* и др.; 4) утрата *-т* и *-д* в древних сочетаниях *-tl*, *-dl*, напр.: *плела (плетла), вела (ведла)* и др.; 5) сочетания *-цв*, *-зв* на месте общеславянских *-khw*, *-gwh* перед *-ě (ь)*, *-tj* напр.: *цвет, звезда*; 6) последовательное употребление *-l* (ере *nth e-tisum*) в сочетании с *г у б н ы м и* в корне слов, напр.: *земля, капля, купля* и др.; 7) начальное *-о* в определенных словах, напр.: *осень, один, озеро* и др.; 8) гласные *-у* и *-я* на месте носовых *-ę* и *-ǫ*, напр.: *суд, зуб, мясо, пять* и др.; 9) изменение редуцированных *-ъ* и *-ь* в сильном положении в *-о* и *-е*, напр.: *мох, сон, весь, отец* и др.

В области морфологии можно отметить также некоторые особенности. Напр.: 1) форму творительного падежа единственного числа мужского и среднего рода с флексией *-ъмь* (*-ьмь*), напр.: *родъмь, сельмь, коньмь, морьмь* и др.; 2) форму родительного падежа единственного числа женского рода на *-ь*, напр.: *земль, волъ, душъ* и др.; 3) форму именительного-винительного падежа множественного числа женского рода также на *-ь*, напр.: *земль, волъ, душъ* и др.; 4) форму винительного падежа множественного числа на *-ь*, напр.: *конь* и др.; 5) форму творительного падежа единственного числа женского рода на *-ою* (*-ею*), *-ию*, (*-ью*), напр.: *сестрою, волею, ночью (ночью), свекръвию* (свекръвьью), *материю* (матерью) и др.; 6) постепенную утрату различий типов склонения во множественном числе по пути унификации (в дательном, творительном и местном падежах множественного числа), напр., наряду с формами *землям, сестрам* (в дат. пад.), *землями, сестрами* (в твор. пад.), *землях, сестрах* (в мест. пад.) подтверждаются и формы *столам, коням, селам, полям, домам, именам* (в дат. пад. из *столомъ, конемъ,*

селомъ, полемъ, домъмъ, именъмъ), *столами, конями, селами, полями, домами, именами* (в твор. пад. из *столаы, кони, селы, поли, домъми, именъми*), *столах, конях, селлах, полях, домах, именах* (в мест. пад. из *столъхъ, конихъ, селъхъ, полихъ, домъхъ, именъхъ*); 7) постепенную утрату специальной формы звательного падежа, напр.: *отец, учитель, сын, сестра* (и формы *отче, учителю, сыну, сестро*); 8) формы косвенных падежей членных прилагательных, образованных по образцу соответствующих форм указательных местоимений, напр.: *доброго, доброму, добрым, добром, доброй* и т.д. В области лексики древнерусский язык характеризовался наряду с другими чертами и наличием большого пласта лексики, употребляющейся только в восточнославянской языковой общности. По своему происхождению восточнославянизмы распадалась на три основные группы: а) древние общеславянские слова, вышедшие из употребления в южнославянских и западнославянских языках; б) новообразования, исходной базой которых был общеславянский лексический фонд; в) заимствования. Восточнославянизмы делятся на лексические (соответствующая лексема отсутствует в других славянских языках) и семантические (слово в восточнославянской языковой области имеет особое значение, не известное в других славянских языках), напр.: *куст, груздь, утка, сизый, дешевый, вилять, кнут, крюк, сапог, лапоть, скатерть, чара, ватага, сорок* и т.д. (64).

При наличии единства в отношении происхождения и характера языкового строя язык древнерусской народности X—XI вв. получал тем не менее на разных территориях различную местную окраску. Отсутствие централизации, слабость экономических связей, отсутствие общего рынка создавали условия, благоприятствующие постепенному накоплению диалектных различий. На юге, напр., произошло изменение *-g* взрывного в фриктивный согласный *j* в отличие от севера, северо-запада и северо-востока. На севере и северо-западе было усвоено *д о к а н ь е* — неразличение аффрикат *-ц* и *-ч* при произношении мягкого *-ц* (*-ц'*) на их месте и т.д. Диалектные различия затрагивали лишь отдельные элементы фонетической системы. Отсутствуют данные для утверждения того, что изменения сколько-нибудь глубоко касались грамматического строя. Были отличия по диалектам и в области словаря, однако все еще нет возможности выяснить, какие из словарных различий, зафиксированных позднейшими памятниками и современными говорами, можно отнести к эпохе древнерусской народности.

Таким образом, единство древнерусского языка в эту эпоху сохранялось еще в полной мере, несмотря на известную местную окраску на разных частях территории древнерусской народности.

§ 3. ПОЯВЛЕНИЕ ПИСЬМЕННОСТИ НА РУСИ

Вопрос о происхождении русского литературного языка тесно связан с вопросом о появлении письменности на Руси. Известно, что без письменной литературы — в самом широком смысле слова — нет литературного языка.

Вопрос о времени возникновения письменности у восточных славян не является решенным (I, стр. 25).

Долгое время появление письменности на Руси связывали с официальным крещением Руси в конце X в. «Первая письменность на Руси явилась вместе с принятием христианства в X в. Так как языком богослужебных книг был язык церковнославянский, зашедший к нам от болгар, то естественно, что он и лег в основу русского языка» — писал Е. Ф. Карский (35, стр. 9). Письменные памятники Древней Руси датировались с XI в., напр.: «Остромирово евангелие» (1056—1057), «Святославов Изборник» (1076) и др.

Имеются, однако, основания предполагать наличие у восточных славян письменности, хотя и мало совершенной, и в эпоху до крещения Руси (14, стр. 9). Некоторые данные, а также новейшие открытия и исследования советских археологов и лингвистов доказывают это. В составе «Повести временных лет» сохранились договоры Руси с греками (древнейший, 907). При раскопках в 1949 году около села Гнездова (недалеко от Смоленска) кургана № 13, датируемого первой четвертью X в., были найдены черепки корчаги — амфоры. На ее верхней части есть надпись кириллицей, которую Д. А. Авдусин и М. Н. Тихомиров прочитали как *горухица* (2, стр. 76), а П. Я. Черных — *горушина*, т.е. горчица (74). При раскопках в Новгороде были найдены написанные на бересте грамоты, относящиеся к XI—XII вв., а также к XIII—XIV вв. По своему содержанию грамоты — это частные бытовые письма. Известны надписи XI в. на кирпичях и других изделиях ремесла. Все эти надписи, грамоты на бересте и пр. свидетельствуют о том, что грамотность и письмо на Руси не составляли привилегии одного только духовенства, но были доступны и значительной части отдельных слоев народа, включая и женщин. «Ставить это широкое применение в быту письменной речи восточными славянами в непосредственную связь с влиянием старославянского языка затруднительно» (14, стр. 9). Наряду с этим необходимо иметь в виду, что «язык договоров русских князей с Византией (X в.), которые известны в поздних списках в составе летописи, свидетельствует о древнеболгарском влиянии» (55, стр. 315). Очевидно, древнеболгарские богослужебные книги переходили на Русь до ее официального крещения (54). Стоит отметить, что «Гнездовская надпись» сделана кириллицей, т.е. алфавитом, греческим в своей основе, который стал известен на Руси из древнеболгарских книг (39, стр. 14).

Нет сомнения, что потребность в письменности появляется не только в связи с становлением церкви и религиозными нуждами народа, но и в связи с его общим политическим и экономическим развитием. Поэтому высказываются мнения и о том, что еще до принятия христианства и распространения богослужебной литературы русские могли использовать для своих практических и других нужд, напр., греческое письмо, о чем свидетельствуют договоры Киевской Руси с Византией. История культуры свидетельствует о том, что многие народы пользовались разнообразными, хотя и мало совершенными, формами письма. На Руси, по-видимому, тоже пользовались какими-то формами письма

задолго до официального крещения. Однако наличие подобных форм письменности, употребление каких-то букв для записи имени умершего на могиле, надписания имени мастера или владельца на различных изделиях или наименования содержимого на сосуде с товаром — все это само по себе вряд ли может свидетельствовать о наличии усовершенствованной письменности, об оформлении норм литературного языка и вообще о существовании литературного языка еще в X в. Исследователи не находят следов литературы и, следовательно, письменно-литературного языка для этого периода (40, стр. 111 и сл.). Факты показывают, что по-настоящему широкое распространение и развитие русской письменности и литературы начинается после официального принятия христианства, т.е. с самого конца X и, главным образом, с XI в. Впрочем, древнеболгарский язык мог быть известен на Руси и раньше, как было подчеркнуто, так как христианство на Руси распространялось постепенно и было уже известно до официального крещения.

Итак, появление настоящих памятников письменности и литературы в широком смысле слова (деловой, богослужебной и пр.) относится к XI в. К XI в. стал формироваться и древнерусский литературный язык, следовательно, с тех пор начинается и история русского литературного языка, с этого времени она становится реально обозримой, будучи зафиксированной в письменности (29, стр. 27).

§ 4. РАСПРОСТРАНЕНИЕ ЦЕРКОВНО-РЕЛИГИОЗНОЙ ПИСЬМЕННОСТИ В ДРЕВНЕЙ РУСИ

В конце X в. (988) в Киевской Руси происходит принятие христианства и утверждение его в качестве государственной религии. В связи с этим на Руси появилась и получила широкое распространение церковно-религиозная письменность на древнеболгарском (старославянском) языке. Древнеболгарский (старославянский) язык — это язык славянских переводов греческих книг, переводов, выполненных Константином и Мефодием и их учениками во второй половине IX в. До нас не дошли рукописи на этом языке непосредственно от времени деятельности Константина и Мефодия и их учеников. Древнейшие сохранившиеся рукописи относятся к X—XI вв. (напр. Киевские листки, Зографский кодекс, Синайский требник, Саввина книга, Супрасльский кодекс, Хилендарские листки и др.).

По отношению к названию языка кирилло-мефодиевских переводов в лингвистике нет единства. Наряду с термином «старославянский», который, по мнению А. И. Горшкова, в настоящее время является общепринятым (23, стр. 35), употребляются и термины «древнецерковнославянский», «древнеболгарский» и др. В данной работе используется термин «древнеболгарский». Ряд лингвистов считает, что этот термин не является удачным, потому что язык первых славянских переводов греческих книг — литературно обработанный, систематизированный, стилистически совершенный — не тождествен древнеболгарскому на-

родно-разговорному языку. Кроме того, язык этих переводов получил широкое распространение в качестве литературного языка многих славян, а не только болгар. Несмотря на эти соображения, мы будем пользоваться термином «древнеболгарский язык», потому что только этот термин содержит указание на то, к какой именно славянской группе относился этот язык, какова его народностная основа. Научно-объективный анализ языка кирилло-мефодиевских переводов свидетельствует о его славяно-болгарской основе (50, стр. 20). Термин «древнеболгарский» не мешает пониманию языка кирилло-мефодиевских переводов с точки зрения его функций в качестве языка церкви и богослужения, с точки зрения того, что это был язык книжный, сознательно организованный, литературный язык, носивший «наддиалектный» характер, что он представлял тип интернационального, интерславянского языка. Древнеболгарский язык, сложившийся на близко родственной восточным славянам славяно-болгарской основе, в силу своей близости, подвергся активному воздействию со стороны живой восточнославянской речи. Процесс сближения и взаимодействия структуры старославянского языка со строем восточнославянской речи происходил в XI в. (как свидетельствуют памятники) настолько интенсивно, что можно ставить вопрос «о своеобразной акклиматизации или ассимиляции старославянского языка на русской почве» (16, стр. 49).

Таким образом, древнеболгарский язык в Древней Руси проникается элементами народно-разговорной восточнославянской речи и принимает форму «церковнославянского языка» (русский извод или редакция древнеболгарского языка). Термином «церковнославянский язык» обозначают совокупность редакций (русской, среднеболгарской, сербской, западнославянской) древнеболгарского языка.

Древнеболгарская письменность достигает высокого уровня развития у восточных славян еще в XI в. В летописи 1037 года (6545) сообщается, что князь Ярослав «собра письме многи и прекладаше от грек на словенское письмо, и списаша книги многи» («Повесть временных лет»). В этот период Киевская Русь стала главнейшей территорией распространения древнеболгарской письменности. Очень широкое распространение и развитие получила древнерусская письменность церковнокнижного характера. По данным Б. В. Сапунова, всего за 250 лет (XI—XIII вв.) по всей Руси было построено около 10 тысяч церковных зданий: 2 тысячи церквей городских приходских, 2—3 тысячи городских домовых, 5—6 тысяч приходских сельских, 200 монастырей (49). В. В. Виноградов подчеркивает, что, принимая в соображение требования церковного устава, или Типикона, можно определить предельный минимум книг для приходской или домово́й церкви в 8 экземпляров (Евангелие, Апостол, Служебник, Требник, Псалтырь и др.). Для совершения службы в 10 тысячах церквей и монастырей нужно было иметь около 85 000 книг (16, стр. 39).

Памятники восточнославянские церковно-книжного характера XI—XII вв.) многочисленны. Отметим некоторые из них: «Остромирово евангелие» (1057), «Архангельское евангелие» (конца XI в.), «Миней служебные» (1095—1097), «Чудовская псалтырь» (XI в.), «Изборник

Святославов» (1073), «Изборник Святославов» (1076), «Слова Кирилла Иерусалимского» (XI—XII вв.), «Галицкое евангелие» (1144), «Ефремовская кормчая» (XII в.), «Успенский сборник» (XII в.) и др.

Широкое распространение письменности на церковнославянском языке, непосредственная связь широких масс населения с христианской религией, с богослужением на церковнославянском языке в церквях, наличие многочисленных церковноприходских школ, существовавших и в селах, через которые помимо воздействия литературного языка шло также влияние специфически церковного языка — все это (наряду с некоторыми другими факторами) обусловило существенную роль церковнославянского языка в развитии русского литературного языка.

Взаимодействие народнорусской и древнеболгарской, а затем и церковнославянской стихий в русском литературном языке на протяжении многих столетий определяет необходимость обратить внимание и на некоторые особенности церковнославянского языка. Это тем более необходимо, потому что вопрос о соотношении церковнославянского и русского языков в разных типах (видах, разновидностях, стилях) древнерусского литературного языка может решаться только на материале тех языковых фактов, которые не совпадают в этих языках, которые указывают на их различия.

Следовало бы обратить внимание на следующие особенности церковнославянского языка: 1) неполногласие, ср. *градъ*, *брѣгъ*, *гласъ*, *млько*; 2) слова с начальными сочетаниями *-ра* и *-ла*, ср. *расти*, *равнѣ*, *лакѣть*, *ладиц*; 3) *-ч* и *-жд* на месте общеславянских — *dj*, *-tj* (*-kt*), напр.: *межда*, *свѣшта*, *ноишь*; 4) начальное сочетание *-je(-к)*, напр.: *ѣдинъ*, *ѣлень*, *ѣзеро*; 5) начальное *-а* (в соответствии с русским *-я*), напр.: *азъ*, *агньць*; 6) сочетания слоговых плавных с неслоговыми *-ъ*, *-ь*, которые произносились за плавными в таких сочетаниях, как *скрѣбъ*, *тврѣдъ*, *влѣкъ*; 7) носовые гласные *-ж* и *-ѣ* (на месте которых в восточнославянских говорах были *-у* и *-а* (*'а*, *я*), напр.: *зжбъ*, *джбъ*, *им ѣ*, *м ѣ со*; 8) гласный *ѣ* (в восточнославянском языке *-ѣ*) в окончании родительного падежа единственного числа имен на *-а* после мягкого согласного (*земл ѣ*), в окончании винительного падежа множественного числа мужского рода с основой на *-о* после мягкого согласного (*конь*), а также и в этих формах прилагательных, местоимений, причастий (*добры ѣ*, *е ѣ* и пр.); 9) окончание *-омь* (*-емь*) в творительном падеже единственного числа в именах с основой на *-о* (*дворѣ*, *поле*); окончания членных прилагательных, напр.: *-ому* (в русском *-ому* в дат. падеже), *ы ѣ* (в русском *-оѣ*) и т. д.; 10) нечленные действительные причастия настоящего времени на *-ы* (вместо русского *-а*), напр.: *веды*; 11) причастия прошедшего времени на *-ь*, напр.: *любль* — *любивъ*; 12) формы дательного-местного падежа местоимений *-тебѣ*, *-себѣ* (вместо русских *-тебѣ*, *-себѣ*); 13) широкое использование сочетаний глагола с союзом *-да* (в значении конъюнктива, при выражении пожелания, приказания, предположения, цели), напр.: *Ѹто хошеши да ти створиъж; имъ ѣ* и *оуши слышати да слышитъ*; 14) в области

лексики также можно указать на ряд особенностей, характерных для южнославянской группы и в частности для древнеболгарского языка: см., напр., некоторые слова: *слаѦа* (в русском языке *иней*), *ковчегъ* (в русском языке *ящик*, *сундук*), *ланита* (в русском языке *щека*) и др.

§ 5. РАЗЛИЧНЫЕ ВЗГЛЯДЫ НА ПРОИСХОЖДЕНИЕ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

По вопросу о происхождении древнерусского литературного языка до сих пор нет единого мнения, и этот вопрос нельзя считать окончательно решенным. Высказывались и высказываются различные точки зрения, в том числе и диаметрально противоположные. Основной предмет спора и разногласий — это вопрос о роли и участии древнерусского (древневосточнославянского) и древнеболгарского языков в образовании, формировании древнерусского литературного языка, о соотношении восточнославянской (древнерусской) и церковнославянской стихий в истории русского литературного языка.

Различные взгляды на происхождение древнерусского литературного языка можно распределить по следующим шести категориям.

Первая. Высказывалось в разных вариантах мнение о том, что древнерусский язык был очень близок к языку древнеболгарскому (старославянскому). Вследствие этого А. С. Шишков, напр., считал, что не было церковнославянского и древнерусского языков, а были только два разных слога — «высокий и простонародный». В своей статье «Язык словенский и российский» А. С. Шишков пишет: «Отколе родилась неосновательная мысль сия, что словенский и русский язык различны между собой?». К. С. Аксаков писал о церковнославянском и древнерусском языках, что «эти два языка или лучше два слога смешивались иногда, когда смешивалось и самое содержание» (5, стр. 151). И. И. Срезневский считал, что до середины XIII в. народный русский язык еще очень близок к церковнославянскому. Различия между ними более заключаются в «привычках слога» (56, стр. 77). П. А. Лавровский принимает тезис Срезневского и пишет тоже о двух слогах (стилях) в пределах древнерусского языка (37, стр. 47).

Вторая. В разных вариантах высказывалось и другое мнение, ставшее постепенно традиционным взглядом на происхождение русского литературного языка. Е. Ф. Карский отмечал, что церковнославянский язык «зашедший к нам от болгар, . . . лег в основу русского литературного языка» (35, стр. 3). И. И. Срезневский писал об «утверждении старославянского наречия в русской письменности» (56, стр. 76). По убеждению А. А. Шахматова, «по своему происхождению русский литературный язык — это перенесенный на русскую почву церковнославянский (по своему происхождению древнеболгарский) язык, в течение веков сближавшийся с живым народным языком и постепенно утративший и утрачивающий свое иноземное обличье» (75, стр. 60). И. А. Бодуэн де Куртенэ утверждал, что «русский литературный язык обязан своим происхождением церковнославянскому

языку» (9, стр. 91). По мнению М. А. Максимовича, церковнославянский язык «составил собою основу всего письменного языка в Руси», «в Великой или Московской Руси постоянное, исключительнее сживалась с ним народная речь» (42, стр. 78). В. И. Истрин подчеркивал, что «в основание русского книжного литературного языка лег литературный болгарский язык» (34, стр. 65). В советское время подобного взгляда придерживались и придерживаются многие лингвисты и историки литературы. Г. О. Винокур писал, что «старославянский язык русской редакции был первым письменным языком восточных славян» (21, стр. 28). А. М. Селищев придерживался мнения, что русский литературный язык древней поры сформировался на основе церковнославянского языка. В. Д. Левин отмечает, что «древнерусский литературно-письменный язык образовался в процессе усвоения старославянской письменности» (39, стр. 16). Многие иностранные лингвисты также защищают эту позицию. Так, напр., в ряде своих работ Б. О. Унбегаун пишет о «церковнославянской природе литературного языка, лишь постепенно русифицировавшегося» (63, стр. 5).

Третья. Некоторые лингвисты говорят о древнерусском литературном двуязычии. Язык церковной (житийной, проповеднической) письменности и язык древнерусской деловой и светской (художественной) письменности — это разные, хотя и близкородственные языки, находившиеся в России в тесном смешении и взаимодействии до конца XVIII — начала XIX в. (16, стр. 4). По словам М. Т. Каченовского, «язык гражданский и общенародный всегда был у нас отличный от языка церковного» (36, стр. 20—23). Того же мнения о «двух отличных между собой наречиях» в составе древнерусской письменности придерживался Г. Глинка в «Рассуждении о русском языке» (Вестник Европы, 1813, ч. 70). А. И. Соболевский допускал существование в Древней Руси делового русского языка параллельно с церковнославянским (53, стр. 1). По мнению Е. Ф. Будде, XI—XVII вв. — это «время существования двух языков в Древней Руси: языка церкви и языка разговорного» (12, стр. 2). Подобные мысли развивают в своих трудах и некоторые советские лингвисты и историки литературы. Л. А. Булаховский, напр., пишет, что «рядом с восточнославянской основой письменности, главным образом, деловой, очень влиятельную роль осуществлял и славянский книжный язык» (13, стр. 11). Совершенно категорическим в этом отношении является утверждение Д. С. Лихачева: «Литературный язык Древней Руси не только не был единым, но он не был и одним. Литературных языков в Древней Руси было два: церковнославянский (как на Западе латинский . . .) и древнерусский литературный язык. Только в последнем можно выделить различные типы и стили» (41, стр. 98).

Четвертая. В 40—50-е годы XX в. выдвигается новая концепция, прямо противоположная концепции Шахматова, Селищева, Винокура и других лингвистов. На основе анализа нескольких памятников древнерусской письменности («Русская правда» — XI в., «Поучение Владимира Мономаха» — XII в., «Слово о полку Игореве» — XII в., «Моление Даниила Заточника» — XIII в.) С. П. Обнорский

выдвинул «положение о русской основе нашего литературного языка, да соответственно о позднейшем столкновении с ним церковнославянского языка и вторичности процесса проникновения в него церковнославянских элементов» (44, стр. 6). С. П. Обнорский пришел к выводу, что русский литературный язык старшей эпохи «был чужд каких бы то ни было воздействий со стороны болгарско-византийской культуры» (45, стр. 142—144). Те же общие предпосылки концепции С. П. Обнорского легли в основу работ П. Я. Черных, книги А. И. Ефимова, книги В. Б. Брэдской и С. О. Цаленчук, брошюры Г. И. Шкляревского, многочисленных статей и кандидатских диссертаций, посвященных отдельным вопросам истории русского литературного языка, исторической лексикологии, исторической стилистики или изучению языка некоторых памятников. По основному замыслу близкой к взглядам С. П. Обнорского является и концепция Л. П. Якубинского, который утверждал, что древнеболгарский язык сыграл определенную роль в самые первые моменты формирования древнерусского письменно-литературного языка, но уже в XI в. возобладали в нем живая восточнославянская устно-речевая стихия (77).

Пятая. В 50-ые годы XX в. была обоснована более динамичная трактовка проблемы происхождения древнерусского литературного языка. Р. И. Аванесов в 1955 г. в статье «Проблемы образования языка великорусской народности» доказывает наличие трех типов древнерусского письменно-литературного языка: а) деловой, б) литературно-книжный церковнославянский и в) собственно литературный русский язык (1, стр. 26). В 1956 г. вышла статья В. В. Виноградова «Образование русского национального языка», в которой автор обосновывает наличие также трех типов письменно-литературного древнерусского языка: «Древнерусская народность обладала тремя типами письменного языка, один из которых — восточнославянский в своей основе — обслуживал деловую переписку, другой — собственно литературный церковнославянский, т. е. русифицированный старославянский — потребности культа и церковно-религиозной литературы. Третий тип, по-видимому, широко совмещавший элементы главным образом живой восточнославянской народно-поэтической речи и славнизмы, особенно при соответствующей стилистической мотивировке, применялся в таких видах литературного творчества, где доминировали элементы художественные» (14, стр. 10). В. Д. Левин различает три стиля или, по его словам, три типа русского литературного языка Киевской эпохи: деловой, церковно-книжный и светско-литературный (39, стр. 19).

Шестая. В 1958 г. на IV Международном съезде славистов в Москве в своем докладе на тему «Основные проблемы изучения образования и развития древнерусского литературного языка» В. В. Виноградов предложил измененную трактовку проблемы образования и развития древнерусского литературного языка. Предварительно он ставит такой вопрос: можно ли говорить применительно к письменности эпохи древнерусской народности о двух литературных языках — цер-

ковнославянском языке русской редакции и литературно-обработанном народном восточнославянском языке, о двух языках — хотя и близко родственных, но все же различных и в грамматическом, и в лексическом, и в структурно-семантическом отношениях? Или же, принимая во внимание их близкое родство, наличие общих грамматических и лексико-семантических черт, их тесное взаимодействие, целесообразнее рассматривать их лишь как два типа древнерусского литературного языка? (16, стр. 37). В. В. Виноградов считает, что необходимо признать наличие двух основных потоков в составе древнерусской литературы и двух типов древнерусского литературного языка, находившихся в живом взаимодействии, в динамической координации (16, стр. 41). На основе древнеболгарского языка формировался книжно-славянский тип древнерусского литературного языка, а на основе древнерусского (восточнославянского) народно-литературный (литературно-обработанный народный) тип древнерусского литературного языка. Язык деловой письменности признается фактом письменно-делового языка, но не и литературного языка (16, стр. 79). Такого же мнения придерживается и Н. И. Толстой, который считает, что по отношению к периоду до XVII в. «мы можем обнаружить некоторую двойственность литературного языка или два «типа» . . .» (60, стр. 7). Концепция В. В. Виноградова о двух типах древнерусского литературного языка подробно разработана в книге А. И. Горшкова «История русского литературного языка». Однако в одном очень важном аспекте автор книги резко отклоняется от концепции В. В. Виноградова. В. В. Виноградов, напр., пишет о проникновении «на Русь старославянского языка и формирование на его основе (разрядка наша, П. Ф.) книжно-славянского типа древнерусского литературного языка» (16, стр. 37). А. И. Горшков опирается на высказанные в свое время соображения И. И. Срезневского в его известной работе «Мысли об истории русского языка и других славянских наречий» (1849) о том, что по крайней мере до середины XIII в. старославянский (древнеболгарский) язык и русский язык различались очень незначительно. Эти соображения И. И. Срезневского дали основание А. И. Горшкову утверждать следующее: «Можно сделать вывод, что дилемма старославянской или исконно русской основы древнерусского литературного языка ошибочна уже в самой своей постановке, так как невозможно доказать, что основы этих языков были различны. Элементарная логика подсказывает, что все переведенное и написанное в XI—XII вв. на Руси русскими книжниками было написано на русском языке, на родном языке авторов и переводчиков. В этом смысле древнерусский литературный язык мог иметь и действительно имел только русскую основу» (23, стр. 37—38). В этом отношении взгляды А. И. Горшкова в известной степени совпадают со взглядами С. П. Обнорского, который особо подчеркивал «положение о русской основе (разрядка наша — П. Ф.) нашего литературного языка».

Таким образом, факты свидетельствуют о том, что по вопросу о происхождении древнерусского литературного языка и до сих пор

нет согласия в мнениях. Причиной этого является, безусловно, сложность и многогранность самого процесса формирования письменного языка восточного славянства, процесса, отдаленного от нас промежуток времени почти в тысячелетие. Высказывались и высказываются разные точки зрения. Таких вариаций много в работах по истории русского литературного языка у русских, советских и зарубежных авторов. Отдельные точки зрения вызывают некоторые возражения, на которых следует остановиться, хотя бы вкратце.

Мнение о том, что древнерусский язык был особенно близок церковнославянскому (и древнеболгарскому) не может служить решающим доказательством того, что их основы были общими. С. П. Обнорский удачно отметил, что все славянские языки в старую пору, в IX—X вв., были относительно близки друг к другу, каждый вместе с тем характеризуясь совокупностью своих черт применительно ко всем сторонам языка. Вместе с тем именно старославянский язык, как книжный язык, сложившийся на базе переводов, язык жанрово-ограниченный, должен был представляться языком далеким в отношении к любому иному живому славянскому языку, в том числе и к языку русскому (44, стр. 5). Это дает основание говорить все-таки о разных основах древнерусского и древнеболгарского языков.

Взгляды И. И. Срезневского, А. А. Шахматова, Е. Ф. Карского и др. на происхождение русского литературного языка вошли в научный обиход и стали «на последующие десятилетия стереотипным взглядом». Мнение о том, что «по своему происхождению русский литературный язык — это перенесенный на русскую почву церковнославянский (по происхождению своему древнеболгарский) язык . . .» (44, стр. 60), опиралось преимущественно на общее положение о широком распространении древнеболгарской письменности, но не на конкретный анализ языка древнейших памятников древнерусской письменности. Эта теория слишком прямолинейно и до известной степени односторонне и неполно представляла сложный процесс взаимодействия древнерусского и древнеболгарского языков, которые вступили в разнообразные взаимоотношения в кругу разных жанров древнерусской литературы. Упускалось из виду, что древнеболгарский язык был по существу книжным, жанрово ограниченным языком и не мог сблизиться с народным древнерусским языком вплотную. С другой стороны, широкое общественное применение письменности у восточных славян не могло быть связано непосредственно только с церковнославянским влиянием. Не обращалось внимания на широту «включения живой восточнославянской речи в строй древнерусского литературного языка» (16, стр. 16), на значение языка фольклора в процессе формирования древнерусского литературного языка. Возникновение древнерусского литературного языка в X—XI вв. нельзя представлять только «как процесс заполнения пустого места чужим церковнославянским языком» (19, стр. 9). Ясно, что указанная теория не отражала глубоко сущности сложных процессов формирования древнерусского литературного языка.

Теория С. П. Обнорского «о происхождении русского литературного языка на русской базе», о том, что «русский литературный язык старшей формации был чужд каких бы то ни было воздейст-

вий со стороны болгарско-византийской культуры» (45, стр. 142) также слишком прямолинейно и односторонне представляла сложный характер процесса взаимодействия древнерусского и церковнославянского языков и, как и теория А. А. Шахматова, остается недостаточно аргументированной. Очевидно, что на основе анализа языка только четырех памятников древнерусской письменности не может быть составлена достоверная картина формирования древнерусского литературного языка. Ведь в XI в. было создано «Слово о законе и благодати» Иллариона, «Житие Бориса и Глеба», дошедшее в списке XII в., начальное летописание; в это время создавались на Руси переводы с греческого языка таких книг, как «Хроника» Георгия Амартола, «История иудейской войны» Иосифа Флавия, «Повесть об Акире премудром», оформлялись сборники, напр. «Изборник 1076 г.» и др. Церковнославянское воздействие, хотя и неодинаковое на язык этих оригинальных и переводных памятников древнерусской письменности, настолько бесспорно, что не требует доказательства (39, стр. 11—12). Кроме того, даже в языке четырех памятников, которые были подвергнуты анализу С. П. Обнорским, обнаруживается в той или иной степени воздействие церковнославянского языка, которое не согласуется с выводом ученого о чисто народной основе древнерусского литературного языка. В одной из своих последних статей Ф. П. Филин с основанием пишет: «С. П. Обнорскому не удалось доказать, что конструируемый им русский литературный язык старшей поры возник совершенно независимо от старославянского языка . . .» «Дело обстоит гораздо сложнее. Взаимодействие старославянской и древнерусской языковых стихий началось с первых же шагов древнерусской письменности» (65, стр. 64). Вопрос об исторических истоках и судьбах русского литературного языка, подчеркивает Ф. П. Филин, остается открытым.

В противовес противоречивым, не достаточно аргументированным, слишком прямолинейным и, в результате этого, односторонним концепциям А. А. Шахматова, С. П. Обнорского и др., отличающимся кроме того и известной абстрактностью, В. В. Виноградов, как было сказано выше, предложил более обоснованную и правдоподобную трактовку этой исключительно сложной проблемы происхождения древнерусского литературного языка. Согласно трактовке В. В. Виноградова, от периода возникновения, зарождения древнерусской письменности, т. е. с X—XI вв. вплоть до середины XVII в., существовали два основных типа русского языка. В. В. Виноградов обратил внимание на то, что два противопоставленных и непрестанно сопоставляемых типа древнерусского литературного языка — книжно-славянский и народно-литературный — выступают как две функционально разграниченные и жанрово-разнородные системы литературного выражения (16, стр. 60). Не все в концепции В. В. Виноградова нашло свое окончательное объяснение и разрешение. Не может не вызвать некоторых колебаний утверждение, что «два типа одного языка имели разную языковую основу» (23, стр. 31), а также то обстоятельство, что язык деловой письменности признается фактом только письменного языка. Сам В. В. Виноградов утверждал, что «в письменном языке могут

быть элементы литературности, та или иная степень ее. Поэтому история русского литературного языка не может быть оторвана от истории русской письменной речи» (16, стр. 79—80). Вызывают некоторое затруднение отдельные положения в одной из последних работ В. В. Виноградова — «Основные вопросы и задачи изучения истории русского языка до XVIII века». Так, напр., он пишет, что «в XII—XIII вв. возникают разные стили (разрядка наша — П.Ф.) древнерусского литературного языка» (20, стр. 7), а также, что богатое содержание и широкий состав древнерусской письменности «свидетельствуют о быстром развитии древнерусского литературного языка на церковнославянской основе (разрядка наша — П.Ф.), но с многообразными включениями в его структуру элементов восточного словесно-художественного творчества и выражений живой бытовой речи» (20, стр. 7). Но раньше В. В. Виноградов очень убедительно доказывал, что «едва ли к этим типам и разновидностям, напр., древнерусского литературного языка XI—XIII вв., применим термин «стили языка». Дело в том, что эти типы не уместаются в рамках структуры народного восточнославянского языка» (17, стр. 80). В. В. Виноградов подчеркивал, что «было бы совершенно неправильно с исторической точки зрения, по крайней мере до XVI—XVII вв., рассматривать два типа древнерусского литературного языка как стили, так как оба типа еще не были связаны внутренним единством своей структуры» (16, стр. 112). Раньше он считал, что «можно говорить о развитии соотносительных, функционально разграниченных типов литературного языка (напр., делового, литературно-художественного и церковно-книжного)» (16, стр. 80). В статье, написанной одиннадцать лет после его доклада на IV Международном съезде славистов («Основные проблемы изучения образования и развития древнерусского литературного языка»), в котором В. В. Виноградов обосновал теорию двух типов древнерусского литературного языка, используется то термин «тип», то термин «вид». Напр., «... внутри самого книжно-славянского типа речи разрабатывается тонкая и сложная синонимика...» (20, стр. 29), «... развитие и взаимодействие двух видов древнерусского литературного языка — книжно-славянского и народного олитературенного, обработанного — привело...» (20, стр. 33). Нет сомнения, что, если не окончилась бы жизнь В. В. Виноградова, он много объяснил бы и обосновал бы подробнее.

Учитывая соображения авторов, реальные исторические процессы развития древнерусского языка, характер языка древнерусской письменности и свидетельства истории культуры, мы можем принять с некоторыми несущественными изменениями и дополнениями трактовку проблемы происхождения древнерусского литературного языка, предложенную В. В. Виноградовым и Р. И. Аванесовым в статье «Русский язык» (в Большой советской энциклопедии, т. 37, издание 2). В сущности Г. О. Винокур еще в 1943 г. в своем историческом очерке «Русский язык» писал о трех типах или стилях древнерусского литературного языка, «о церковно-книжном, деловом и собственно-литературном стилях письменного языка древнейшей поры как его основных типических разновидностях» (21, стр. 44).

Процесс формирования древнерусского литературного языка определялся сложным взаимодействием и синтезированием четырех элементов: а) древнеболгарского (и церковнославянского) языка, б) народного древнерусского языка (и диалектных элементов), в) деловой, государственно-правовой речи и г) народно-поэтической речи. «Реальный состав сплава или смешения всех этих элементов зависел от жанра письменности и литературы» (19, стр. 10). Эти жанровые различия, тематическая многоплановость и разнообразное содержание произведений древнерусской литературы (письменности) обусловили различия в их языке, в характере соотношения указанных четырех элементов (речевых стихий). В зависимости от этого обособляются три типа древнерусского письменно-литературного языка: книжно-славянский (или церковно-книжный, церковно-литературный), народно-литературный (или светско-литературный, литературно-обработанный народный тип) и деловой.

Церковнославянский (русифицированный и продолжающий русифицироваться древнеболгарский) язык составляет основу книжно-славянского типа древнерусского письменно-литературного языка. Книжно-славянский тип обслуживал определенные сферы — потребности культа, церковно-религиозной, проповеднической, житийной и другой литературы. Народно-литературный тип древнерусского литературного языка имел народную восточнославянскую (древнерусскую) основу. Он широко совмещал элементы живой восточнославянской народно-поэтической речи, историко-мемуарной речевой традиции и церковнославянизмы. Народно-литературный тип употреблялся в жанрах художественной литературы в той мере, в какой последняя в то время выделялась среди общей массы письменности (1, стр. 26), а также в русских летописях (в особенности в их повествовательных частях). Деловой тип древнерусского письменно-литературного языка также имел народную восточнославянскую (древнерусскую) основу. Он обслуживал деловую переписку и вообще деловые отношения.

Итак, в составе древнерусского литературного языка выделяются три типа (в других работах пишут о двух типах или о трех стилях, двух видах, трех разновидностях, двух-трех сферах) как функционально-разграниченные и жанрово-разнородные системы литературного выражения. В своих контрастных, наиболее «чистых» концентрациях (16, стр. 60) (напр., богослужебная литература, с одной стороны, и деловая письменность, с другой) они представляют с генетической точки зрения разные «языки» (древнеболгарский и древнерусский). Но очень рано, на самой заре формирования древнерусского письменно-литературного языка, между двумя языками, отличающимися близким родством, наличием общих грамматических, лексико-семантических и фразеологических черт, возникает тесное взаимодействие. В. В. Виноградов особо подчеркивал, что процесс взаимодействия, взаимовлияния и сближения «структуры старославянского языка со строем восточнославянской речи происходил в XI в. (как свидетельствуют памятники) настолько интенсивно, что можно ставить вопрос о своеоб-

разной акклиматизации или ассимиляции старославянского языка на русской почве» (16, стр. 49). Русификация древнеболгарского языка и широкое проникновение элементов церковнославянского языка в народный восточнославянский (древнерусский) язык не привели в результате к формированию такого литературного языка, который представлял бы собой нечто среднее между двумя отдельными языками и равно обслуживал бы все сферы литературы и культуры древней Руси. Анализ языка древнерусской письменности показывает, что он (язык) не представляет единства. Взаимодействие различных речевых стихий и прежде всего церковнославянского и древнерусского языков обусловило, как было сказано, наличие (формирование) трех типов (разновидностей, видов) древнерусского письменно-литературного языка: книжно-славянского, народно-литературного и делового. Эти типы нельзя считать разными языками, так как они взаимопроникают и взаимодействуют не только в пределах древнерусской письменности в целом, но во многих случаях и даже в рамках одного памятника (произведения). Постоянное неограниченное проникновение иноструктурных элементов в один или другой тип обуславливает открытый характер их структуры, неопределенность границ ее варьирования. Вместе с тем, как обращает внимание В. В. Виноградов, это не разные стили одного и того же языка, так как они не уместаются в рамках одной языковой структуры (древнеболгарской или древнерусской), применяются в разных сферах культуры и с разными функциями (16, стр. 37—38). Кроме того, в этот период (XI—XVII вв.) они еще не были связаны внутренним единством своей структуры.

§ 6. РОЛЬ ДРЕВНЕБОЛГАРСКОГО (И ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКОГО) ЯЗЫКА В ФОРМИРОВАНИИ И РАЗВИТИИ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Древнеболгарский (и церковнославянский) язык сыграл значительную роль в формировании и развитии русского литературного языка.

Древнеболгарский (а тем самым и церковнославянский) язык получил широкое распространение в Руси в связи с принятием христианства в конце X в. в качестве (первоначально) языка церкви, богослужения, христианской, проповеднической, житийной и другой литературы. Огромное количество церковных книг переписывалось русскими писцами и книжниками, которые таким образом усваивали особенности древнеболгарского языка, одновременно внося в него некоторые специфические черты русского языка. А. А. Шахматов полагал, что все лица, прошедшие школы, основывавшиеся на Руси в XI в., не только знакомы, но даже говорили на древнеболгарском языке (75, стр. 82). И действительно, обучение грамоте на Руси вплоть до XVIII в. происходило по церковнославянским книгам, причем определенные тексты обязательно заучивались наизусть. Следовало бы подчеркнуть и большую близость древнерусского языка к родственному древнебол-

гарскому, который не воспринимался на Руси как «чужой». А. И. Горшков приводит любопытное указание в «Повести о Петре, царевиче ордынском», что в конце XIII в. в Ростове «в церкви святыя Богородица левый клирос гречески пояху, а правый русски» (23, стр. 39). Безусловно, в церкви пели на церковнославянском языке, но современники воспринимали его как русский. Эта близость двух славянских языков облегчала усвоение церковнославянского языка. Русские книжники, писцы и вообще грамотные люди успешно овладевали церковнославянским языком, начинали его употреблять для перевода различных книг религиозного характера (главным образом с греческого языка), а также и в собственных сочинениях. Именно в этих условиях широкого распространения на Руси церковных книг, а вместе с ними и церковнославянского языка, в условиях обязательного его изучения в школах и обучения грамоте на основе церковных книг, при наличии близости церковнославянского и русского языков и в результате активного использования церковнославянского языка на протяжении многих веков в определенных сферах: в церковной службе (в этой сфере он употребляется и в настоящее время) и в литературном русском языке в качестве одной из его разновидностей (XI—XVII вв.), одного из его стилей (XVIII в.) и одного из его стилистических ресурсов (XIX—XX вв.) — стало возможным разнообразное и глубокое взаимодействие церковнославянского и древнерусского языков. Именно эти обстоятельства обусловили и определенную роль древнеболгарского (и церковнославянского) языка в формировании и развитии древнерусского литературного языка. Именно они дают основание говорить о том, что «особенно велико значение церковнославянского языка в развитии русского литературного языка» (19, стр. 3).

Изучению отдельных особенностей взаимодействия церковнославянского языка с древнерусским посвящены некоторые работы таких выдающихся русских и советских славистов, как М. В. Ломоносов, А. Х. Востоков, И. И. Срезневский, А. А. Шахматов, А. И. Соболевский, Б. М. Ляпунов, Г. О. Винокур, А. М. Селищев, С. П. Обнорский, В. В. Виноградов, Ф. П. Филин и др. Несмотря на это, вопрос о роли церковнославянского языка в развитии русского литературного языка «еще очень далек от окончательного разрешения» (19, стр. 3). Но даже и на данном этапе изучения этой проблематики мы имеем уже ясное представление о сущности отдельных явлений.

1. Церковнославянский язык сыграл важную роль в формировании древнерусского литературного языка и в частности его стилистической системы. Тесное и разнообразное взаимовлияние двух языковых систем (древнерусской и древнеболгарской), близко родственных, но все же различных и в грамматическом, и в лексическом, и в структурно-семантическом отношении привело к формированию трех типов (видов, разновидностей, стилей) древнерусского письменно-литературного языка, находившихся в живом взаимодействии: книжно-славянский, народно-литературный и деловой типы. Книжно-славянский тип сложился на основе церковнославянского языка, который развивался на базе тра-

диции древнеболгарского языка. Книжно-славянский тип, как было подчеркнуто выше, обслуживал потребности культа, церковно-религиозной, житейной и проповеднической, а также частично научной, исторической, повествовательной и переводной литературы. Народный тип имел народную древнерусскую основу и развивался на базе традиции народно-поэтической речи. Роль церковнославянского языка выразилась в том, что этот народно-литературный тип широко совмещал как элементы народно-поэтической речи, так и элементы церковнославянского языка. Деловой тип также имел народную древнерусскую основу и развивался на базе традиции конструкций, формул и оборотов разговорных и других грамот. В этом случае роль церковнославянского языка выразилась в том, что заимствованный из церковных книг алфавит и навыки (образцы) письма, усвоенные русскими книжниками, оказались примененными к народному языку. Следовательно, церковнославянский язык участвовал активно в формировании древнерусского литературного языка и его типов (разновидностей).

Церковнославянский язык активно участвовал и в формировании новой стилистической системы русского литературного языка национального периода. В начальную эпоху формирования русской нации, к XVII в., система старых типов древнерусского литературного языка постепенно распадается, и языковые элементы, закрепленные за одним или другим типом, без всякого ограничения и норм начинают смешиваться в литературной практике того времени. Снова возникает вопрос о характере взаимодействия двух основных стихий (русской и церковнославянской) в новой системе русского литературного языка.

Стилистическая система трех стилей (высокого, среднего и низкого), обоснованная Ломоносовым, определила характер этого взаимодействия в XVIII в. Церковнославянский язык стал основой высокого стиля, который связывался с определенными жанрами (героические поэмы, оды, прозаические речи о важных материях). Использование церковнославянизмов допускалось и в среднем стиле. Следовательно, выделение трех стилей в русском литературном языке XVIII в. также основывалось на соотношении церковнославянских и русских речевых средств, на своеобразных синонимических параллелях (типа *хлад* и *холод*, *дщерь* и *дочь*, *днесь* и *сегдняя* и т.п.). На основе этого высокий стиль явно противопоставлялся низкому. Но теория трех стилей в силу ряда обстоятельств превратилась постепенно в тормоз широкого национального развития единой системы общелитературного русского языка на народной основе.

Необходимо было создание новой стилистической системы, объединяющей основные, значимые стилистические ресурсы, в том числе и церковнославянизмы, дающей возможность их принципиально новой группировки и употребления. Нужна была пушкинская широта, пушкинская свобода в употреблении различных стилистических пластов, чтобы покончить с остатками старой стилистической системы трех стилей (39, стр. 234). Гоголь необыкновенно точно сказал, что в Пушкине, как будто в лексиконе, заключилось все богатство, сила и гибкость

русского языка. Он более всех, он далее всех раздвинул ему границы и показал все его пространство. Пушкин раскрепощает языковые средства от зависимости стиля и жанра. Замкнутая система языковых средств церковнославянского языка, которые обслуживали высокий стиль, разрушается и они превращаются в один из стилистических слоев (ресурсов) русского литературного языка. К середине XIX в. церковнославянизмы, как особый стилистический слой, отгесняются на периферию русского литературного языка, но они сохраняют свою стилистическую значимость. Их употребление все более сокращается, но зато их использование становится все более мотивированным.

К стилистически значимым (маркированным) церковнославянизмам относились традиционно установленные слова и словоформы древнеболгарского происхождения, обладающие определенным стилистическим оттенком и употребляемые в соответствующих стилистических целях преимущественно в стилях художественной литературы и публицистики. Они стали принадлежностью пассивного словаря русского литературного языка и имели общеупотребительные, стилистически нейтральные русские соответствия. См., напр., *град* и *город*, *праг* и *порог*, *младость* и *молодость*, *злато* и *золото*, *древо* и *дерево*, *брег* и *берег*, *млеко* и *молоко*, *нощь* и *ночь*, *свеща* и *свеча*, *тысяща* и *тысяча*, *хощу* и *хочу*, *вижду* и *вижу*, *стражду* и *страдаю*, *даждь* и *дажь* (дай), *провождает* и *провождает*, *езеро* и *озеро*, *един* и *один*, *есень* и *осень*, *аз* и *я*, *агнец* и *ягнёнок*, *вертоград* и *сад*, *глагол* и *слово*, *ланита* и *щека*, *рыбарь* и *рыбак*, *пастырь* и *пастух*, *петел* и *петух*, *добрыя* и *доброй*, *отче* и *отец* и т.д.

2. Церковнославянский язык (точнее элементы церковнославянского языка) обогатили стилистические ресурсы художественной речи русского литературного языка, ее образно-выразительные возможности, средства речевой экспрессии, стилизации и метафоризации. Вышеуказанные стилистически значимые церковнославянизмы не свойственны общему литературному употреблению — разговорной, деловой, научной и прочим разновидностям речи. Они составляют отличительную особенность художественного языка (70, стр. 274).

Определенная часть церковнославянизмов использовалась активно в XVIII в. в высоких жанрах классицизма как экспрессивное средство, с помощью которого создается торжественность, лирический подъем, эмоциональное напряжение. См., напр., у М. В. Ломоносова в «Оде на взятие Хотина»:

Он так к своим *взирал* врагам,
Как к Готфским приливал *брегам*,
Так сильно *возносил десницу*.

Традиции «высокой поэзии» живы еще и в начале XIX в. Они подерживались творчеством декабристов и молодого Пушкина. См., напр., у А. С. Пушкина в «Медном всаднике»:

Прошло сто лет, и *исный град*
Полночных стран краса и диво,
Из тьмы лесов, из топи *блат*
Вознесся пышно, горделиво.

С подобным экспрессивным оттенком церковнославянизмы используются, хотя и в редких случаях, в стилях художественной литературы и публицистики XIX и XX вв.

См., напр., у Н. В. Гоголя в «Мертвых душах»: «И еще полный недоумения, неподвижно стою я, а уже главу осенило грозное облако, тяжелое грядущими дождями».

Ср. также и «Облако в штанах» В. В. Маяковского:

Где глаз обрывается куций
Главой голодных орд,
В терновом венце революций
Грядёт шестнадцатый год.

На базе лексики (в том числе и церковнославянской), закрепленной за высоким стилем, тщательно отобранной и ограниченной, в конце XVIII в. формируется так называемая поэтическая лексика, составившая своеобразие поэтического языка большого периода в истории русской литературы и русского литературного языка. «Старым словам, обладавшим в прошлом разного рода «высокой» экспрессией — то эмоциональной «громкости» и «пышности», то рассудочной отвлеченности, то гражданственности, теперь, под пером выучеников Муравьева и Карамзина, была сообщена экспрессия «сладостности», нежности, пластичности и музыкальности», — писал Г. О. Винокур (21, стр. 337). «Поэтическая лексика», в состав которой вошли и церковнославянизмы типа *озлатить, клад, длань, змия, ланиты, десница, куца, днесь, ночь, кошница, петел, брань* (война), *глас, глава, древо* и др., использовалась, главным образом, в стилях поэзии, но в начале XIX в. она получила распространение и в прозе. См., напр., у Н. М. Карамзина «Остров Борнгольм»: «... золотая осень побледнела»; «... зимний пух сыплется на ладную землю»; «... море, освещаемое золотыми его лучами, шумело»; «С ужасом видел я там образ ладной, безмолвной вечности» и т.д.

Традиции этой «поэтической лексики» оказались сильнее в поэзии. Церковнославянизмы с экспрессией поэтичности, музыкальности, нежности используются все еще активно в поэзии начала XX в. См., напр., у С. Есенина:

Звени, звени, золотая Русь,
Волнуйся, неуёмный ветер! (О, верю, верю, счастье есть).
На ветке облака, как слива,
Златится спелая звезда. (О, край дождей и непогоды).

На протяжении нескольких веков, и особенно в XIX и XX вв. церковнославянизмы могли использоваться и используются как экспрессивное средство, с помощью которого создается нарочитое снижение повествования. В этом случае церковнославянизмы обогатили ресурсы речевых средств юмора и сатиры. Во многих произведениях отдельных русских и советских авторов разнообразные комбинации церковнославянизмов и других речевых средств стали оригинальным приемом создания комического эффекта. См., напр., рассказ «Есть и та-

кие» известного советского фельетониста Г. Рыклина. Героиня рассказа, «... смиренная овца, готовясь в подружки пастыря, зазубрила на память несколько наиболее ходких в среде служителей культа выражений...»; «Девича, ласково взяв в свои персты длань жениха, завожжала, *аки сизая голубица*:

- Люби мя и ниспошли благодать свою на рабу твою.
- Ниспошло, — твёрдо обещал жених.
- Когда же, *отче*, под святой венец? Дондеже ожидать?»

Церковнославянизмы рассматриваемого типа обогатили сокровищницу речевых средств осуществления разных видов стилизации: стилизации исторической, стилизации жанровой и стилизации различных социально-речевых стилей.

При исторической стилизации с помощью церковнославянизмов (наряду с другими речевыми средствами) в художественном произведении создается языковая колорит соответствующей эпохи, воспроизводятся языковые особенности, бытовавшие в прошлом, типичные для различных исторических эпох в развитии общества и языка (32, стр. 95). См., напр., в романе «Петр I» Ал. Толстого: «*Понеже* от господина великого посла с товарищи первая явилась почта, ввалился я в такую компанию в те часы, и за здравие послов и храбрых кавалеров, а *паче* же за государское так подколотили...»

Использование церковнославянизмов при жанровой стилизации наблюдается в случаях, когда авторы подражают характерным для определенных жанров церковной литературы средствам и приемам выражения. В некоторых случаях подражание показывается в карикатурно-преувеличенной форме и превращается в пародию. Одним из интересных ранних примеров является «Служба кабаку» (1666), пародия на церковную службу. См.: «*Ныне отпуцаеши* с печи мене, *раба своего*, еще на кабак по вино и по мед и по пиво по глаголу вашему с миром, яко видеста очи мои *тамо* много пьющих и пьяных» (ср. Часослов: «Ныне отпуцаеши раба твоего, владыко, по глаголу твоему с миром, яко видеста очи мои спасение твое»).

Церковнославянский жаргон при стилизации различных социальноречевых стилей используется отдельными авторами как средство создания речевых портретов персонажей — выходцев из церковнобюрократической среды или причастных к ней. См., напр., в романе «Братья Карамазовы» Ф. М. Достоевского речевой портрет отца Ферапонта: «Ныне поганцы *рекут*, что поститься столь нечего»; «Я к игумену прошлого года во святую *пятидесятницу* *восходил*»; «— А видишь ли *древо сие*? — спросил отец Ферапонт. — ... Бывает в *нощи*. Видишь *сии* два сука? В *нощи* же и се Христос *руце* ко мне простирает».

Многие церковнославянизмы подвергались процессу метафоризации, которая является одним из важнейших способов создания переносных значений слов и выражений на основе какой-нибудь аналогии, сходства, сравнения. В большинстве случаев такие церковнославянизмы входят в состав сочетаний слов, отличающихся известной устойчивостью соединения. Это перифрастические выражения, описательно-метафорические сочетания и т.п. (25, стр. 4). В. В. Виноградов выделял

лексические «поэтизмы» (общие или особые для каждой эпохи), к которым относятся отстоявшийся и образовавшийся набор стандартизованных в поэтическом творчестве данного периода слов и оборотов (14, стр. 170). С одной стороны, это сочетания в той или иной мере семантически связанные, употребляющиеся для обозначения одного предмета или явления, с другой — сочетания свободные, семантически не связанные, не эквивалентные слову. См., напр., в художественной литературе XVIII — начала XIX в.: сын *персти* (человек), *обитель сует* (земля), *горний огонь* (вдохновение), дни весны *златые*, *пучина* влажная, *чадо* суеверия, *твердь* небесная, селение *горнее*, *брани* жар, *свещи* раздора, *врата* вечности, *врата* Авроры, *врата златые* Востока, *врата* восточные, *дщерь* Петрова, *дщерь* ночи, уродливые *дщери* неба (тучи), *дщери* Севера, *дщери* мглы, *дщерь* воздуха, *дщерь* весны, сын *полунощи*, сын *хладного* заката, *полунощные* страны, *чада* пророка, *чада* земные, *чада* природы, огонь *брани*, пожар *брани*, нести пламя *браней*, жар *ланит*, пламень *ланит*, мрак *нощи*, тьма *кромешная* и пр. См. также у А. С. Пушкина: *дерево* смерти, *врата* спасения, *праг* вечности, *хлад* земного свода, житейская *бразда*, *брег* жизни, буря *брани*, возраст *златой*, *чадо* весны, *чело* луны и т.д.

Итак, церковнославянизмы типа *агнец*, *аз*, *аки*, *аще*, *блато*, *брещи*, *бразда*, *вежды*, *вечеря*, *вертоград*, *впереди*, *вран*, *глад*, *горний*, *град*, *длань*, *десница*, *деяние*, *дщерь*, *един*, *злато*, *кладезь*, *ланита*, *млат*, *мрежа*, *несть*, *обаче*, *плещи*, *пещь*, *рамена*, *перси*, *питие*, *праг*, *рыбарь*, *свещица*, *седмица*, *скудель*, *стогна*, *твердь*, *телец*, *царствие*, *чадо*, *чреда*, *юдоль* и т. д., которые имели общенародные русские лексико-семантические соответствия, на протяжении всей истории русского литературного языка использовались русскими авторами в определенных стилистических целях (как языковые средства одного из типов древнерусского литературного языка, в частности, книжно-славянского типа, а частично и народно-литературного типа; как средства высокого стиля; как средства, при помощи которого достигают соответствующей экспрессии и т. д.). В таком смысле это церковнославянизмы, которые играли определенную стилистическую роль, неодинаковую в отдельные периоды истории русского литературного языка, в разных стилях, литературных школах, в произведениях отдельных авторов, но отличающиеся одной общей чертой — все они обогатили стилистические ресурсы русского литературного языка, расширили богатство его художественно-изобразительных запасов.

3. Древнеболгарский (и церковнославянский) язык сыграл значительную роль в обогащении словарного состава русского литературного языка (а в известном смысле и народно-диалектного). Древнеболгаризмы (и церковнославянизмы) этого типа не имели русских лексико-семантических соответствий. Они обязаны своим проникновением в систему лексики русского литературного языка потребностями его в средствах для выражения определенных понятий, для обозначения новых для коллектива предметов, «реалий», явлений, они связаны со смысловой, «понятийной» стороной языка (39, стр. 23). Это преимущественно обозначения отвлеченных понятий из области религии, философии, науки

и др. См., напр., *алчный*, *бдение*, *бисер*, *благо*, *блаженство*, *блуждать*, *брак*, *будущее*, *буква*, *вертеп*, *вдохновение*, *верховный*, *ветрило*, *вещество*, *взыскать*, *виноград*, *витать*, *вкус*, *влагать*, *владыка*, *влияние*, *вместить*, *внешний*, *вникнуть*, *военачальник*, *возбуждать*, *возвеличать*, *возвращение*, *возвысить*, *возгласить*, *воздержание*, *воздух*, *возлагать*, *возможный*, *возмуцать*, *возникнуть*, *возраст*, *воин*, *волноваться*, *волшебный*, *воплотить*, *вопрос*, *восклицать*, *воскресенье*, *восприятие*, *восстановить*, *восток*, *восторг*, *восхищение*, *восход*, *вратарь*, *врач*, *время*, *вручить*, *всадник*, *вселенная*, *всемирный*, *всемогущий*, *вторник*, *вышний*, *действие*, *доблесть*, *досада*, *достигнуть*, *древний*, *едва*, *единый*, *жертва*, *жестокый*, *жилище*, *жрец*, *забвение*, *завет*, *здание*, *злак*, *ибо*, *изверг*, *извратить*, *излияние*, *изнемогать*, *пространство*, *убеждать* и т.д.

К церковнославянизмам этого типа относится большая масса лексических единиц, которые представляют собой кальки с греческих слов, напр.: *безумие*, *безропотный*, *безнадёжный*, *безмерный*, *бездушный*, *бездна*, *безлеласный*, *бесконечный*, *бесплотный*, *безмерный*, *бесстрашный*, *бесстрастный*, *бесценный*, *бесчестие*, *благоволение*, *благовонный*, *благодарить*, *благодеяние*, *благоприятный*, *благородный*, *богословие*, *великодушие*, *великолепный*, *величать*, *веселье*, *внушать*, *достоверный*, *естественный* и т.п.

Через посредство церковнославянского языка проникли в систему лексики древнерусского литературного языка и многие слова, заимствованные главным образом из греческого языка (в более редких случаях из латинского и других языков), напр.: *август*, *ад*, *алтарь*, *анафема*, *ангел*, *антихрист*, *апостол*, *апрель*, *аромат*, *василиск*, *декабрь*, *дьявол*, *ехидна*, *идол*, *икона*, *трапеза* и пр.

Некоторые церковнославянизмы данного типа получили распространение и в диалектах. В отдельных случаях они функционируют там в таких значениях, которые не засвидетельствованы (возможно, пока), по словам Л. П. Якубинского, ни в литературном языке XVIII—XIX вв., ни в более ранних литературных памятниках. Это обстоятельство может быть объяснено либо тем, что эти церковнославянские слова получили свое особое автономное по отношению к литературному языку семантическое развитие уже в самих диалектах, либо тем, что в более древнюю эпоху они существовали с соответствующими значениями в разговорном языке русских книжных людей, откуда и проникли в диалекты (78, стр. 112—118). См. *благой* (хороший, удачник), *блажить* (безобразничать), *развратный* (не пригодный к употреблению), *дерево*, *младень*, *супретить*, *средник* (не хороший), *хладь* (небольшой холод) и т.д.

Усвоение этой лексики «явилось для русского языка событием исключительной важности. Она отвечала насущным потребностям русской культуры и русского языка, отражала те культурно-исторические сдвиги, которые переживала древняя Русь в связи с принятием христианства» (39, стр. 25—26).

Эти слова проникли в систему лексики русского литературного языка и показывают все признаки освоенности. Они приспособились к фонетической системе русского языка, для них характерны семанти-

ческая самостоятельность, функциональная активность, регулярность употребления в речи. Основную роль в процессе вхождения этих церковнославянизмов в лексическую систему русского литературного языка сыграло отсутствие полных семантических тождеств на русской почве. В результате этого они распространились в качестве семантически полноценных слов, необходимых как средство общения, вошли в определенные взаимоотношения с остальными словами и подчинились системности их связей. В процессе взаимодействия в отдельных случаях изменялись семантические и синонимические отношения, происходила перестройка синонимических рядов. Так, напр., на русской почве изменилась семантическая структура ряда церковнославянизмов, см., напр., *восхищение, возбуждать, гражданин, общество, обитель, воскресить, смущение, запрещение, изящный, просвещение, возрождение* и т.д.

4. Выделяется и еще одна категория церковнославянизмов, которые сыграли определенную роль в древнерусском литературном языке, и то в книжно-славянском типе. Это значительная масса церковнославянизмов, большинство из которых отличается своим книжным характером, редким использованием и ограниченной сферой употребления (только в рамках книжно-славянского типа литературного языка). Многие из них являются до известной степени искусственными образованиями и несут на себе отчетливую печать греческого влияния — поскольку они, как правило, представляли собой книжные новообразования из славянского материала, возникшие в процессе поисков эквивалентов соответствующих греческих слов» (39, стр. 24). Такие слова не могли получить широкого распространения и задержаться долго в употреблении. Очевидно, значение этого типа церковнославянизмов состояло в том, что они расширили состав книжной лексики в определенный исторический момент жизни русского литературного языка. К этой категории церковнославянизмов можно отнести, напр.: *беспощадный, бесприобидный, благообращение, бестуждый, господоубийственный, денонощие, одиночный, единоестественный, единосуиций, единоприсносуиций, единосуиственный, жестоконеистовый, злопощадный, немощновати, нощеденица, обнощевати, общеседалище, присносуиций, презищество, священнотайный, сгорячатися, священнодостояние, тождемогий, тождестрастный* и т.д.

5. Древнеболгарскому языку была свойственна богатая и разнообразная синонимика, напр.: *любодей* и *блудник, вожделение* и *похоть, ударение* и *заушение, демон* и *кумир, гигант* и *шуд, язык* и *страна, возвысити* и *вознести, искренний* и *ближний, книгочий* и *книжник, алкати* и *поститися* и др. Эта богатая синонимика древнеболгарского языка переходила в древнерусский литературный язык и, по словам В. В. Виноградова, подверглась здесь изменениям, отражая своеобразный процесс развития книжно-славянского типа русского литературного языка (16, стр. 46). Синонимические пары взаимодействовали с русскими семантическими эквивалентами, образуя новые синонимические ряды или расширяя состав существующих. Так, в переводной Хронике Георгия Амартола одно и то же греческое слово передавалось

целой серией синонимов: *aisthanesthai* — через *мынети, обоняти, разумети, сведети, услышати, чути*; *diēnos* — через *зол, лих, лукав, лют; εἴποια* — через *домысл, домышление, замышление, мысль, помысл, размышление, разум, разумение, смысл, ум, чувство* и т.п.

Под влиянием древнеболгарских моделей в древнерусском литературном языке появилось значительное количество новообразований (славяно-русизмов). В. В. Виноградов специально обратил внимание на то, что древнеболгаризмы (старославянизмы по терминологии В. В. Виноградова), вливаясь в речь не только русского духовенства, но и других грамотных слоев древнерусского общества, здесь создавали модели для образования новых слов из восточнославянского лексического материала. Морфологические элементы, восходящие к древнеболгарскому (старославянскому) языку, могли вступать в новые сочетания с чисто русскими морфемами. Таким образом возникли разряды с л а в я н о - р у с и з м о в (16, стр. 50). В. В. Виноградов предполагает, что уже в XI в. вырастает самостоятельная школа восточнославянских переводчиков и литераторов, которые свободно пользуются древнеболгарским (старославянским) лексическим инвентарем и на основе разнообразных комбинаций древнеболгарских (старославянских) и восточнославянских элементов вырабатывают новые слова и фразеологические обороты для выражения новых понятий и оттенков. Эта категория слов, образованных на русской почве по моделям церковнославянизмов и на основе сочетания древнеболгарских и русских морфологических элементов, нашла отражение как в «Материалах для Словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского, так и в академическом «Словаре церковно-славянского и русского языков» (1847). В предисловии к этому словарю упоминается о «славяно-российском наречии». Оно характеризуется там, как «наречие, состоящее из смеси слов и оборотов церковнославянских с русскими, . . . не имело постоянных правил, всегда было шатко и распадалось на разные отрасли», как «наречие книжное, независевшее от произвола писателей, не подлежащее законам развития, свойственного живым языкам». К разряду этих славяно-русизмов можно отнести такие образования: *негодование, одиночество, грехолюбодейство, градодержец, одиночисленный, единоелетний, беспрестанно, честолюбие, неправный, перебраниваться, обезвреживать* и т. д., индивидуальная судьба которых не была одинаковой.

6. Церковнославянский язык содействовал в известной мере расширению грамматического инвентаря русского литературного языка. Расширился состав аффиксов присоединением некоторых суффиксов и префиксов древнеболгарского происхождения. Необходимо иметь в виду, однако, что морфологическое заимствование невозможно без заимствования лексического, без соответствующего накопления и распространения в языке иностранной лексики, характеризующейся определенными структурными признаками. Г. Пауль подчеркивал, что слова «заимствуются всегда целиком, отдельные словообразовательные суффиксы и окончания никогда не заимствуются. Однако при заимствовании большого пласта слов, содержащих один и тот же суффикс, эти слова точно так же, как и слова родного языка с одинаковым суф-

фиксом, могут образовать группу, которая со временем может стать продуктивной» (46, стр. 469). Вообще, морфологическое, структурно-синтаксическое заимствование и калькирование предполагают широкое распространение языка, из которого заимствуются лексемы, словоформы и синтаксические обороты, в заимствующей среде и ее хорошее знакомство с лексико-семантической системой и грамматическим строем этого языка. Точно так обстояло дело с древнеболгарским (и церковнославянским) языком, из которого были заимствованы (вместе с лексическими заимствованиями): а) префиксы *воз (вос)*, *из (ис* — с выделительным значением), *низ (нис)*, *пре, пред, со, чрез* и др. См. *возбранять, возвращение, воздух, возлагать, возблажить, возгласие, возливать, изверг, издыхать, изувер, исполин, истукан, извилие, изобразить, испирати, низлагать, ниспадать, ниспровергать, ниспослать, нисхождение, преграда, пресекать, перевозить, перевозождать, превращение, премена, преподобие, пребывалище, предвестник, предвидети, предтеча, предвозвещать, предрекать, собор, соблюдать, согласить, сохранить, чрезмерный* и т.д.; все эти слова с указанными древнеболгарскими префиксами имели разную судьбу в русском литературном языке; б) суффиксы *-иц(-яиц-)*, *-уиц(-юиц-)*, с помощью которых образуются действительные причастия настоящего времени, напр.: *извергающий, представляющий, алчущий, страждущий* и т.п.; *-ви, -ни*, с помощью которых образуются действительные причастия прошедшего времени и страдательные причастия прошедшего времени, напр.: *ниспославший, преградивший, запрещенный, преображенный* и т.д.; *-айи, -ейи*, с помощью которых образуются формы превосходной степени, напр.: *кратчайший, дражайший, высочайший* и т.д.; в) окончания членных прилагательных *-аго, -уму* и пр., русифицированная форма родительного падежа единственного числа женского рода личного местоимения *она -ея* (и русифицированная *-ой*), напр.: *святаго, ея* и т.д.; окончания *-ши* (для второго лица единственного числа настоящего — будущего простого времени глаголов), напр.: *отпущаеши, победиши, преидеши* и др.; г) конструкции типа «дательный самостоятельный» и т.д.

7. В различных способах образования слов (сложения) участвовали и участвуют активно и компоненты древнеболгарского происхождения, напр., в сложениях с подчинительным отношением основ (типа *Ленинград, младочехи*), с опорной основой глагола (типа *богомалец, серебрялюбец*), с опорной основой существительного (типа *благодущие, единовластие*) и т.д. См. *благодарить, благонравие, властолюбивый, добронравие, праздномыслие, сладострастие, хладнокровный, чревоуцание, богословие, крестопоклонный, священнослужитель, злодеяние, брадобрей, велегласный, градоначальник, градостроитель, Целиноград, Волгоград, златоверхий, златоконанный, златоуст, стоглавый, седовласый* и т.д.

8. Церковнославянизмы и компоненты церковнославянского (и древнеболгарского) происхождения в составе разного типа образований встречаются в русском литературном языке и в качестве терминов. В этом случае образования такого типа содействовали увеличению богатства русской терминологии. См., напр., термины и терминологичес-

кие образования типа *младогегельянцы, младотурки, хладокомбинат, хладотранспорт, градостроитель, древонасаждения, здравпункт, млекопитающие, агнец пасхальный, агнец непорочный, агновы ветвы, древесные лягушки, древодидный папоротник, дланевидный лист, дланесидный белокопытник, двуногие твари, злаковые растения, Млечный путь, млечные железы, придорожные тернии, созвездие Тельца, среброносная порода, скудельный дом, страстная седмица* и т.д.

9. Значительна роль древнеболгарского (и церковнославянского) языка в расширении состава русской фразеологии.

Фразеологические единицы и выражения, которые восходят к библейским источникам (тексты Ветхого и Нового завета) и церковнославянской литературе (молитвы, церковные песни, проповеди, жития и т.п.), занимают значительное место в системе русской фразеологии. Традиция и преемственность, пишет А. М. Бабкин, удержала их в языке послереволюционной поры (6, стр. 151). Изменяясь и преобразуясь в смысловом и стилистическом отношении, они получили широкое распространение и сделались неотъемлемой принадлежностью изобразительного речевого репертуара русского литературного языка. См., напр.: *альфа и омега; бросать камень; бросать слова на ветер; вера без дел мертва есть; во многих мудрости много печали; вложить персты в язвы; выпить чашу до дна; глас вопиющего в пустыне; зарыть талант в землю; столпотворение вавилонское; камень преткновения; знамение времени; козел отпущения; злоба дня; кость от костей и плоть от плоти; не о хлебе едином жив человек; не от мира сего; отрясти прах от ног своих; посыпать голову пеплом; перековать мечи на орала; соль земли; святая святых; всевидящее око; до скончания века; хождение по мукам; вечная память; где будет труп, там соберутся орлы; кто не работает, тот не ест; жатвы много, а делателей мало; кто сеет ветер, пожнет бурю; кто не со мной, тот против меня; много званых, мало избранных* и т.д.

Некоторые фразеологические единицы и выражения, возникшие на базе различных библейских мифов, легенд и образцов, формировались на русской почве в церковно-книжных стилях русского литературного языка, напр.: *волк в овечьей шкуре; запретный плод; избивение младенцев; манна небесная; Фома неверный; блудный сын; отсылать от Понтия к Пилату; Иуда — предатель; отделять плевелы от пшеницы* и т.д.

В большинстве случаев эти фразеологизмы и выражения утратили свою церковно-культурную окраску и приобрели иное звучание (*всевидящее око*). Многие из них, которые в источниках имели буквальное значение, наполнились новым, переносным смыслом (*посыпать пеплом главу*), другие оторвались от своей старой нравственно-философской основы и приобщились к новой общественно-политической обстановке (*кто не работает, тот не ест*).

Процесс формирования фразеологических единиц на основе церковнославянской фразеологии протекал постепенно в истории русского литературного языка. Так, на основе фразеологической единицы *бросать слова на ветер* возникает *бросать деньги на ветер*; на основе *крат-*

кий агнец — ласковый агнец; на основе отделять плевелы от пшеницы — очищать что-либо от плевелов и т.д. Общественное употребление утверждает некоторые из новообразованных единиц и они входят в общий фразеологический фонд русского литературного языка. Другие единицы остаются в сферах индивидуальных окказиональных образований авторов. Так, напр., на основе библеизма *не приемли имени господа бога твоего всуе* под пером В. И. Ленина возникло *всуе приемлет имя марксиста*.

Следовало бы обратить внимание и на еще одну категорию устойчивых образований. Они содержат в своем составе церковнославянизмы, которые имели общеупотребительные русские соответствия в свободном употреблении. Речь идет о словах древнеболгарского происхождения в составе цитат, которые с течением времени стали крылатыми словами, напр.: *растекаться мыслью по древу*; *погибша, аки обри*; «*Всё куплю*», — *сказало злато*, «*Всё возьму*», — *сказал булат*; *глагол времён, металла звон*; *глаголом жги сердца людей*; *нам не надо златого кумира*; Так тяжкий *млат*, *дробя стекло*, *кует булат*; *Что день грядущий мне готовит?*; на *диком бреге* и т.д. Церковнославянизмы встречаются и в составе устойчивых сочетаний, которые восходят к фольклору, а также в поговорках и пословицах, напр.: *злато — серебро*; *млад светел месяц*; *брашно добро на пашне*; *мудрость глаголет твоими устами*; *устаи младенца глаголет истина* и т.д. Подобные церковнославянизмы сохранились в составе устойчивых единиц, которые употребляются и в современном русском языке. Следовательно, даже и те церковнославянизмы, которые остались в пассивном запасе лексики русского литературного языка, не исчезли бесследно. Именно в составе таких устойчивых единиц они остались в употреблении и в настоящее время. См., напр.: *глас народа — глас божий*; *взыскующий вышнего*, *неведомого града*; *царские врата*; *во чреве матери*; *препоясать чресла*; *аз есмь*; *земная юдоль*; *на поле брани*; *семя и овамо*; *змий — искусила*; *стар и млад*; *сомянуть вежды*; *денно и ночью*; *неопалимая купина*; *терновый венец*; *во главу угла ставить*; *стольный град*; *глад и мор*; *яко тать в нощи*; *усекновение главы*; *златой телец*; *метать бисер перед свиньями*; *разодрать ризы своя* и т.д.

10. Роль древнеболгарского (и церковнославянского) языка в развитии русского литературного языка выразилась и в том, что церковнославянский язык, традиции которого восходят к древнеболгарскому языку, отличающемуся своим совершенным грамматическим строем, богатой лексикой, развитой системой словообразования образно-выразительных средств, орфографии и норм (правил) литературного выражения, явился мощным стимулом осознанного отношения к явлениям родного языка и формирования его твердых норм.

Итак, активное участие древнеболгарского, а затем и церковнославянского языка в развитии русского литературного языка дает полное основание говорить о прогрессивной роли указанных языков в этом развитии. «Влияние старославянского языка ускорило и облегчило процесс образования древнерусского государственного языка». «Старославянский язык влил в русский язык мощную струю отвле-

ченной лексики и фразеологии. Он внедрил в русскую грамматическую систему разнообразные приемы образования слов» (11, стр. 36, 40). С. П. Обнорский, со своей стороны, подчеркивал, что не следует преувеличивать воздействие древнеболгарского языка. Оно, по мнению ученого, было односторонним и почти не затронуло общих структурных основ древнерусского литературного языка. Оно отсутствует в слоях лексики, связанных с определенными сферами жизни, напр., в юридической терминологии, в лексике, относящейся к земледелию, охоте, рыболовству и т.п. Все это «нисколько не умаляет великого организующего значения старославянского языка в истории русского литературного языка» (11, стр. 33); вообще, писал В. В. Виноградов, «было бы ошибочно недооценивать роль воздействия болгарской культуры и старославянского языка в образовании древнерусской письменности» (16, стр. 16—17).

§ 7. КНИЖНО-СЛАВЯНСКИЙ ТИП ДРЕВНЕРУССКОГО ПИСЬМЕННО-ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА (XI—XIV вв.)

Дифференциация типов древнерусского письменно-литературного языка опиралась прежде всего на различия церковнославянского и древнерусского языков.

Книжно-славянский тип древнерусского литературного языка оформился на основе церковнославянского (русифицированного древнеболгарского языка). Этот тип (вид) древнерусского литературного языка обслуживал прежде всего потребности культа, церковно-богослужбной литературы и науки. Его использовали при создании произведений житийной, проповеднической, апокрифической и другой религиозно-дидактической литературы. В сущности церковно-религиозная литература составляла в эту эпоху значительную массу древнерусской письменности, поскольку «верховное господство богословия во всех областях умственной деятельности было в то же время необходимым следствием того положения, которое занимала церковь в качестве наиболее общего синтеза и наиболее общей санкции существующего феодального строя» (43, стр. 360). Среди массы данной литературы выделяются, с одной стороны, канонические тексты, предназначенные для церковного богослужения. Эти древнейшие русские списки евангелия, псалтыри, апостола и др. с древнеболгарских переводов (с греческого в незначительной степени) подвергались процессу русификации, поскольку древнерусские писцы механически переписывали древнеболгарские тексты и переводы. Многие историки русского языка с основанием сомневаются в целесообразности привлекать эти памятники как материал для характеристики русского языка. К ним относят, напр., «Остромирово евангелие» (1057), «Служебные Минеи» (1095—1097) и др. С другой стороны, выделяются произведения религиозного характера, созданные или переведенные русскими книжниками. Многие из этих произведений являются яркими образцами книжно-славянского типа и дают ясное представление о характере усвоения древнеболгарского языка,

об его ассимиляции на русской почве. Среди них выделяются следующие виды литературы: а) проповедническая, поучительная литература, пропагандировавшая основные догматические и нравственные положения христианской веры, напр.: «Слово о законе и благодати» митрополита Илариона, «Послания к пресвитеру Фоме» Климента Смолятича, «Слова», «Поучения» и «Молитвы» Кирилла Туровского, «Слово и Поучение» Луки Жидяты; б) житийная литература, прославлявшая русских святых и авторитет русской церкви, см., напр.: «Сказание и страсть и похвала . . . Бориса и Глеба» неизвестного автора, «Чтение о житии и о погублении . . . Бориса и Глеба», «Житие Феодосия Печерского» Нестора, «Киево-Печерский патерик»; в) паломническая литература, отражающая стремление молодой русской церкви к общению с христианским Востоком; такое общение не только удовлетворяло религиозные чувства, но повышало авторитет русской церкви, включая ее в сферу междухристианских отношений (26, стр. 108), напр. «Хождение игумена Даниила» и некоторые другие сочинения.

В состав той части древнерусской литературы, которая была связана с пропагандированием основных нравственных положений христианства, значительное место принадлежало переводной литературе. Большая часть ее с точки зрения языка была тоже ориентирована на книжно-славянский тип древнерусского литературного языка. Г. О. Винокур объяснял, что «для переводов естественно было прибегать к языку ученому и образованному, а не бытовому» (21, стр. 45). К переводной церковной литературе относилась: а) апокрифическая литература (легендарно-религиозная литература, которая, будучи тематически тесно связана с канонической, т.е. с истинной, заслуживающей полного доверия религиозно-церковной литературой, в трактовке ее отдельных сюжетов заключала «еретические» элементы), напр.: «Хождение Богородицы по мукам», «Откровение ап. Павла», «Беседа трех святителей», «Мучения трех отроков и Даниила» и др.; б) житийная (агиографическая) литература, при посредстве которой церковь стремилась дать своей пастве образцы практического применения отвлеченных христианских положений (26, стр. 30), напр. «Жития» Николая Чудотворца, Антония Великого, Иоанна Златоуста, Василия Нового, Алексея — человека божия и др.; переводные жития были известны на Руси как в отдельных списках, так и в составе «Сборников», напр. так называемых «Четьих Миней» (Четьи Миней — это книги, предназначенные для чтения и располагавшие материал по числам месяца), в составе «Прологов», а также «Патериков» или «Отеников» (это переводные сборники кратких новелл, повествовавших о каком-либо назидательном эпизоде из жизни христианского подвижника); из «Патериков» особенно популярны были два — «Луг духовный» («Синайский патерик») Иоанна Мосха и «Египетский патерик»; в) патристическая литература, т.е. сочинения отцов церкви — Иоанна Златоуста, Ефрема Сирина, Григория Богослова, Иоанна Лествичника, Иоанна Дамаскина и др. Светские разновидности переводной литературы в одной или другой степени тоже были связаны с идеями христианской религии, что определяло их связь с книжно-славянским типом древнерусского

литературного языка. Среди них выделяются сочинения церковно-исторические, напр.: «Хроника Иоанна Малалы», «Хроника Георгия Амартола», «Хроника Константина Манассии» и др.; средневековые «естественно-научные» энциклопедии, как «Шестоднев» (т.е. книга, излагающая историю шести дней творения) и «Физиолог» (т.е. книга, сообщающая сведения о животных, действительных и воображаемых, о фантастических камнях и деревьях), сочинения повествовательные, напр.: «Александрия», «Девгениево деяние», «Повесть о Варлааме и Иоасафе» и т.д.

Следующие отрывки из сочинений и переводов русских авторов могут дать некоторое представление о характере книжно-славянского типа древнерусского литературного языка (27).

См. отрывок из «Слова в новую неделю после пасхи» Кирилла Туровского: «Ныня реки апостольския наводняются, и язычныя рыбы плод пушают, и рыбаи, глубину божия вчеловечения испытавшы, полную церковную мрежу ловитвы обретают . . . Ныня вся добро, гласныя птица церковных ликов гнездящися веселяться».

См. отрывок из «Слова о законе и благодати» митрополита Илариона: «Вера бо благодатнаа по всей земле распрострема, и до нашего языка русскаго дойде, и законное езеро пресыше, евангельский же источник наводився. Хвалит же похвальными гласы Римская страна Петра и Павла».

См. отрывок из «Хождения игумена Даниила»: «Пребродих на ону страну Иордана, много походихом по берегу его . . . Есть же по сей стране Иордана на купели той, яко леси древо не высоко, аки вербе подобно есть . . . И то все благодатию божнею видехом очима своими грешными и недостойными».

См. отрывок из «Сказания о Борисе и Глебе»: «Вы ми будете господие мои, аз ваш раб. Не пожнете мене, от жития не созрела! Не пожнете класа, не уже созревша, но млека безлобия носяща!»

См. отрывок из «Киево-Печерского патерика»: «И плывущем нам, бы буря велия, яко всем отчаятися своего живота. И начах вопити: «господи, прости мя, яко сего ради пояса умираю днесь, понеже взях от честнаго твоего человеколюбия».

См. отрывок из «Жития Алексея — человека божия»: «Вошедшу же ему в град, прода все, еже име, и раздасть и нищим и облечеса в худу ризу и седе аки нищии проситель в притворе церковнем владычице нашея Богородица, постыся прилежно от неделя до неделей».

См. отрывок из «Александрии»: «Си слышав, Александр рече всем: «просите у мене что хотите, и аз дам вам». И воспиша вси, глаголюще: «даи нам бесмертие». Рече же Александр: «сим аз не владею, аз бо смертен есмь»».

См. отрывок из «Физиолога»: «Финикс красна птаха есть, паче всех . . . Венец носит на главе и сапоги на ногу, якоже царь; есть же близ Индея, близ солнечна града. Лежит же лет 500 на кедрех ливанских без брашна».

Даже самый беглый анализ языка отрывков из оригинальной и переводной древнерусской литературы, связанной непосредственно и кос-

венным образом с идеями христианства, показывает ее ориентировку на книжно-славянский тип древнерусского литературного языка. В языке этих сочинений отразились характерные особенности этого типа древнерусского литературного языка: отчетливое и последовательное преобладание церковнославянских единиц в случаях, где был возможен выбор между русскими и церковнославянскими словами и формами (т.е. при наличии соотносительных русских и церковнославянских слов и форм), напр.: *мрежа* и русское *мережа*, *сеть*; *древо* и *дерево*, *брег* и *берег*, *клас* и *колос*, *хоцете* и *хочете*, *хотите*; *аки* и *как*, *живот* и *жизнь*, *днесь* и *сегодня*, *понеже* и *потому что* и др.; характер синтаксического строя произведений, который отличался богатством разнообразных типов сложных предложений, конструкций (напр. дательный самостоятельный), развитостью подчинительных связей, преимущественным использованием в конструкциях подчинительного типа союзов церковнославянского происхождения, упорядоченным словорасположением, синтаксической и логической стройностью, организованностью, напр.: *пловуцем нам, вошедшу ему; господи, прости мя, яко сего ради пояса умираю днесь, понеже взях; си слышав, Александр рече* и т.д.; широкое использование книжной, абстрактной лексики, сложных слов, книжных новообразований из церковнославянского материала, заимствованных из греческого языка слов и др., напр.: *вчеловечение, беззлобие, человеколюбие, благодатный, евангельский* и пр.; привлечение значительного лексико-фразеологического пласта, семантически связанного с религиозной сферой, оторванного от конкретной русской действительности; по этому поводу Д. С. Лихачев отмечает: «употребление церковнославянского языка явно подчинялось в средние века этикету, церковные сюжеты требовали церковного языка» (41, стр. 102), напр.: *владычица наша, божие вчеловечение, апостольския реки, благодать божия* и т.д.; частое употребление слов и выражений в переносном, отвлеченно-метафорическом значении, которое было обусловлено характером сюжетов, содержанием соответствующих религиозно-учительных текстов, напр.: *язычные рыбы; рыбаки полную церковную мрежу ловитвы обретают; млеко беззлобия; не пожнете класа, не уже созревша; законное езеро пресыше; евангельский источник наводился* и др.; активное использование различных приемов и средств художественной изобразительности и выразительности, которое было обусловлено спецификой слога, художественной манеры и вообще образного строя соответствующего памятника. В этом отношении внутри книжно-славянского типа древнерусского литературного языка наблюдаются различные манеры изложения: в одних случаях проявлялось стремление авторов к изысканности, риторичности и украшенности слога (напр. «Слова и проповеди Илариона» Кирилла Туровского), в других — к большей простоте и повествовательности (напр. «Поучение Луки Жидяты», «Хождение игумена Даниила»). См., напр., *аки вербие подобно; и седе аки нищий проситель; венец носит на главе, якоже царь; яко леси древо; видехом очима своими грешныма; честное человеколюбие* и т.д.

В отдельных памятниках древнерусской письменности указанные

характерные особенности книжно-славянского типа древнерусского литературного языка могут проявляться не в одинаковой степени. В зависимости от содержания, от сюжета, от предназначения произведений, от образованности авторов, от манеры их изложения и т.д. могли быть активизированы одни или другие черты в рамках книжно-славянского типа древнерусского литературного языка.

§ 8. НАРОДНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ТИП ДРЕВНЕРУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА (XI—XIV вв.)

Народно-литературный тип древнерусского литературного языка имел народную, восточнославянскую основу. Он обслуживал сферы, жанры, в которых доминировали элементы повествовательные и художественные. Это прежде всего жанры *х у д о ж е с т в е н н о й л и т е р а т у р ы* в той мере, в какой последняя в то время выделялась среди общей массы письменности, и *л е т о п и с и* (особенно в повествовательных их частях).

В эпоху средневековья светская литература не могла получить, конечно, такого распространения, какое получила религиозно-дидактическая. В. В. Виноградов отмечает, что гораздо труднее составить точное представление об общем количестве и составе обращавшихся в Древней Руси светских, обиходно-деловых и художественных произведений: «точных данных об объеме литературно-светской продукции в Древней Руси до XV—XVI вв. у нас почти нет» — писал он (16, стр. 40). Все-таки состав и самобытность путей эволюции древнерусской литературы оказали благоприятное воздействие на развитие народно-литературного типа древнерусского письменно-литературного языка. Дело в том, что широта включения живой восточнославянской речи в строй древнерусского литературного языка — даже на начальных этапах его становления и развития — была обусловлена, по мнению В. В. Виноградова, составом древнерусской литературы. Уже в начальный период своей истории она культивировала, кроме религиозно-философских, также и повествовательные, исторические, народно-художественные жанры.

Образцами народно-литературного типа древнерусского литературного языка являются такие памятники, как, напр., наиболее ранний из дошедших до нас летописных сводов «Повесть временных лет», «Повесть о походе Игоря Святославича на половцев» (по Киевской летописи), «Повесть о походе Игоря Святославича на половцев» (по Суздальской летописи), «Поучение Владимира Мономаха» (в списке XIV в., включенное в «Повесть временных лет»), знаменитое «Слово о полку Игореве» (дошедшее до нас в копиях с позднейшего, видимо, XVI в. списка), осуществленный в XI или XII в. перевод с греческого языка «Истории иудейской войны» Иосифа Флавия и др. Следующие отрывки из указанных произведений могут дать некоторое общее представление о характере народно-литературного типа древнерусского литературного языка (27).

См. отрывок из «Повести о походе Игоря Святославича на половцев» (по Киевской летописи): «Князь же Игорь прием во сердце совет их и возиска бежати: не бяшет бо ему лзе бежати в день и нощь, им же сторожеве стережахут его, но токмо и верема такого обрете в заход солнца. И посла Игорь к Лаврови конюшого своего».

См. отрывок из «Повести о походе Игоря Святославича на половцев» (по Суздальской летописи): «И по малых днех ускочи Игорь у половцев: не оставит бо господь праведнаго в руку грешницю, очи бо господни на боящаяся его, а уши его в молитву их; гониша бо по нем, и не обретоша. Яко же и Саул гони Давыда, но бог избави и, тако и сего бог избави из рук поганых».

См. отрывок из «Слова о полку Игореве»: «Прысну море полунощи; идут сморци мглами. Игореви князю бог путь кажет из земли Половецкой на землю Русскую к огню злату столу. Погасоша вечеру зари. Игорь спит. Игорь бдит. Игорь мыслию поля мерит от великаго Дона до малаго Донца. Комонь в полуночи Овлур свисну за рекою; велит князю разумети. Князю Игорю не быть. Кликну; стукну земля, вшуме трава, вежи ся половецкии подвизашася. А Игорь князь поскочи горностаем к тростию и белым гоголем на воду».

См. отрывок из «Поучения Владимира Мономаха»: «Господь наш, владея и животом и смертию, согрешенья наша выше главы нашея терпит и паки и до живота нашего, яко отец, чадо свое любя, бья, и паки привлачит е к себе. Также и господь наш показал ны есть на враги победу. . .»; «. . . А се в Черниговедеял есмь. . . Тура мя 2 метала на розех и с конем, олень мя один бол, а 2 лоси, один ногами топтал, а другой рогома бол. . . И с коня много падах, голову си розбих дважды, и руже и нозе свои вередих».

См. отрывок из «Повести временных лет»: «Рече Святослав к матери своей и к боляром своим: «не любо ми есть в Киеве быти, хочу жити в Переяславци на Дунаи, яко то есть середя земли моей, яко ту вся блага сходятся: от грек злато, паволоки, вина и оwoцове различные, из угорь сребро и комони, из руси же скоро и воск, мед и челядь»».

Анализ языка этих небольших отрывков из народно-повествовательной, повествовательной и исторической литературы показывает ее явную ориентировку на народно-литературный тип древнерусского литературного языка. В языке такого рода произведений нашли отражение характерные особенности указанного типа древнерусского литературного языка.

Это прежде всего отсутствие очевидного и последовательного преобладания в языке таких памятников одной из двух стихий (церковнославянской или восточнославянской), образующих здесь сложное единство. Степень употребительности, а в некоторых случаях и преобладания русских или церковнославянских языковых фактов в различных произведениях может заметно колебаться. Это можно легко доказать, если сопоставить язык отдельных памятников. Очень характерно то, что различия и колебания обнаруживаются даже в рамках одного произведения. Показательно в этом отношении «Поучение Владимира Мо-

номаха». В случаях, где сюжет связан с бытовыми ситуациями, Мономах использует преимущественно русские единицы (в кругу соотносительных русских и церковнославянских слов и форм), напр.: *олень, розбих, вередих, топтал* и т.п. В обращении Мономаха к детям и в отрывках, заключающих религиозные размышления его, активизированы церковнославянизмы, напр.: *владея, животом, согрешенья, паки* и др.

Следовательно, разная концентрация церковнославянизмов может создавать стилистически неоднородные контуры внутри произведений, ориентированных на народно-литературном типе языка. Уместно подчеркнуть, что в то же время, очевидно, было бы безнадежным делом пытаться стилистически объяснить и оправдать каждый случай употребления в этого рода произведениях того или иного слова, тем более формы, из синонимической пары. В этом случае прежде всего важно то, что авторы владеют как русскими, так и церковнославянскими средствами языка и могут свободно комбинировать и чередовать их. Очевидно, писатели средневековья не могли избежать влияния церковнославянского языка, явившегося продуктом развития на Руси христианской культуры и проводником этой культуры (77, стр. 321).

Памятники народно-литературного типа отражают процесс освоения, подчинения, «национализации» в русском литературном языке церковнославянских элементов. Церковнославянские элементы, писал Л. П. Якубинский, выступают как определенный слой, поступивший на службу древнерусскому литературному языку, обогащая его стилистические возможности (78, стр. 327).

Отсутствие преобладания церковнославянской или восточнославянской стихии в составе народно-литературного типа древнерусского литературного языка обусловило и свободное использование как церковнославянизмов, так и русизмов в кругу соотносительных слов и форм, напр.: *полунощи* и *полуночи*, *яко* и *как*, *паки* и *опять*, *един* и *один*, *злато* и *золото* и др. Г. О. Винокур утверждал, что выбор той или иной из соотносительных единиц кажется делом случая, словно, составителю текста было совершенно все равно, как написать — *злато* или *золото*, *страна* или *сторона*. Нет сомнения, подчеркивает он, что очень часто мы действительно находимся перед результатом чистой случайности, в котором обращает на себя внимание лишь то, что составители древних литературных текстов не считали такую пестроту лексики предосудительной и во всяком случае не избегали ее (21, стр. 53). Необходимо иметь ввиду и то, что нередко в памятниках древнерусской литературы наблюдается и сознательный выбор именно той, а не другой из соотносительных единиц. Так, напр., использование соотносительных единиц *забрало* и *забороло* в «Слове о полку Игореве» несомненно обусловлено ритмическим строем произведения. См. «Ярославна рано плачет в Путивле на забрале» и «Ярославна рано плачет Путивлю городу на забороле». Г. О. Винокур обращает внимание на соотносительные единицы *враг* и *ворог*, подчеркивая их стилистическую обусловленность в таких контекстах, как, напр.: «То есть ворог нама и Рустей земли» и «Яко господь избави ни есть от враг наших» (21, стр. 54). С. П. Обнорский пишет о соотношении в кругу слов *голова* и

глава. Русизм *голова* употребляется во фразах, связанных с источниками народно-поэтического характера, см. «Тяжко ти головы кроме плечю», а древнеболгарский вариант во фразе «высокого» стиля, см. «Хощу главу свою приложити» (44, стр. 192).

Другая особенность народно-литературного типа — это его связь с народной словесностью, с устно-поэтическими традициями, восходящими к далеким дописьменным эпохам. «Слово о полку Игореве» является прекрасным примером в этом отношении. С традициями народного творчества связана символика «Слова», выражающаяся в сопоставлении людей с животными, птицами, напр.: «Игорь поскочи горностаем»; «Гзак бежит серым волком», «полете соколом под мглами» и т.д. Можно указать на характерные «постоянные эпитеты», напр.: *великий Дон, малый Донец, черный ворон, борзые комони, серый волк* и др.; на тавтологические обороты (плеоназмы, т.е. сочетания однокоренных слов), напр.: *трубы трубят; свет светлый; о, ветре, ветрило; светлое и пресветлое солнце* и пр. Тесно связаны с традициями народной поэзии и отрицательные сравнения, напр.: «А не сороки встрекоташа, на следу Игореве ездит Гзак»; «Не буря соколы занесе чрез поля широкая, галици стады бежат к Дону великому»; песенность и ритмический строй «Слова», повторяющиеся зачины и рефрены, синтаксический параллелизм и т.д. — все это раскрывает глубокие связи с народной поэзией, ср., напр., «что ми шумит, что ми звенит?»; «Игорь спит, Игорь бдит»; «Комони ржут за Сулою, звенит слава в Киеве»; «Трубы трубят в Новеграде, стоят стязи в Путивле» и пр.

К особенностям народно-литературного типа относится и преобладание в составе лексики и фразеологии пластов, связанных с русской жизнью, культурой, бытом, природой, напр.: *земля русская, взяти город на щит, боярский двор, вещий Боян, испити шеломом Дону* и пр.

Широкое употребление лексики, отличающейся своим конкретным, «предметным», «действенным» характером, является тоже отличительной чертой народно-литературного типа. С. П. Обнорский обращал внимание на то, что в указанных памятниках доминирующие слова лексики принадлежат категории существительных и глаголов (44, стр. 181), ср. *прысну море, идут сморци, погасоша зари, комонь свисну, стукну земля* и пр.

Характерная особенность народно-литературного типа — это наличие и значительного слоя художественных образов (метафор, поэтических символов, сравнений и пр.), сформированных на базе указанной лексики. И. П. Еремин правильно утверждает, что «метафоры «Слова», в отличие от метафор церковного красноречия прежде всего замечательны по тому реализму, с каким отражают они местную, русскую действительность» (30, стр. 117). См., напр., «ту пир докончаша храбри русичи, сваты напоиша, а сами полегаша за землю русскую», «себо два сокола слетаста с отня стола злата»; «Игорь князь поскочи белым гоголем на воду» и пр.

Важной отличительной чертой народно-литературного типа является и синтаксический строй, сформированный на базе традиции живой, устной речи и народно-поэтического творчества. На эти истоки указы-

вают такие факты, как, напр., преобладание бессоюзных, сочинительных и присоединительных связей в сложных предложениях, см., напр., «Прысну море полунощи; идут сморци мглами»; «не любо ми есть в Киеве быти, хочю жити в Переяславци»; наличие подчинительных связей, которые выражаются или помощью сочинительных союзов, или средствами союзов собственно подчинительных, ср. «взлелей, господине, мою ладу ко мне, а бых не слала к нему слез на море рано»; «Аже сокол к гнезду летит, соколича ростреляеве» и др.; употребление бес-субъектных предложений разного типа, ср. «быти грому великому», «князю Игорю не быти» и др.; использование, как в народно-поэтическом творчестве, повторяемости союзов, наречий, предлогов, частиц, ср. «На реце на Каляе тьма свет покрыла»; «Не мало ти величия, а Кончаку нелюбия, а Русской земли веселия» и т.д.

Итак, лексика, синтаксический строй, образная система произведений, которые относятся к народно-литературному типу древнерусского литературного языка, имеют глубоко народные, устно-поэтические истоки. Свободное и широкое использование элементов церковнославянской лексики и образной системы свидетельствуют о тесных взаимоотношениях народно-литературного типа древнерусского литературного языка с книжно-славянским типом и вообще с книжной традицией. Все это раскрывает высокую культуру древнерусского литературного языка.

§ 9. ЛИТЕРАТУРНО-ПИСЬМЕННЫЙ ЯЗЫК ДЕЛОВОГО ТИПА

Литературно-письменный язык делового типа основан на живой речи восточных славян. Он развивается на базе древней, уходящей глубоко в дописьменную эпоху, общенародной по языку традиции синтаксических конструкций, формул и фразеологии посольских, воинских и разного рода грамот, а также формул обычного права (1, стр. 25). Этот тип письменно-литературного языка обслуживал деловую переписку, делопроизводство, законодательство, судопроизводство. Образцы его представлены в «Мстиславовой грамоте» (ок. 1130), в договорных грамотах Мстислава Давидовича с Ригой и Готским берегом (1229), Новгорода с Ярославом Ярославичем (1264—1265), Александра Невского с немцами (1262—1263), в «Духовном завещании новгородца Климента» (до 1270) и в ряде еще грамот (договорных, купчих, жалованных и пр.), а также особенно ярко в знаменитом юридическом памятнике Древней Руси «Русская правда» (дошедшем до нас в списке XIII в. в составе «Новгородской кормчей», 1282).

Некоторые лингвисты, как было подчеркнuto еще в первом разделе (всущности вопрос остается все еще открытым, потому что дискуссии продолжаются), признают язык деловой письменности фактом письменного, но не литературного языка. В. В. Виноградов обратил внимание на то, что переход на письмо восточнославянской бытовой речи самого разнообразного характера повлек за собой развитие деловой письменности, закрепление норм и практики обычного права, офор-

вление договоров, распространение государственных документов, грамот и грамотиц (20, стр. 3 — 4). Но между этим «письменным языком», а тем более бытовой, обиходной, деловой речью, зафиксированной на письме, и литературным языком часто не проводится никакой разницы. «Литературный язык в собственном смысле этого слова даже по отношению к древнерусской эпохе нельзя смешивать и отождествлять с «письменным языком» или с «письменно-деловым языком», т.е. с письменно-деловой речью» (16, стр. 78). А. И. Горшков пишет, что различие «делового языка» от литературного в эпоху Киевской Руси обусловлено следующими причинами: разграниченностью сфер функционирования этих двух разновидностей древнерусского языка — литературный функционировал в литературных произведениях, предназначенных для чтения, а «деловой язык» функционировал в документах, назначение которых было чисто практическим; различием в содержании — содержание литературных произведений было очень разнообразным, в то время как содержание деловых документов было ограничено сферой законодательства, судопроизводства, делопроизводства; отличиями в самой структуре литературного и делового языка — древнерусский литературный язык характеризовался исключительным богатством лексики, фразеологии, многотипностью синтаксических конструкций, обилием художественно-образительных средств, различиями в манере выражения, в то время как «деловой язык» имел семантически ограниченный лексический состав, использовал однообразные синтаксические конструкции, в нем не употреблялись художественно-образительные средства, манера выражения была однообразной (23, стр. 91—92).

Признавая своеобразие «делового языка», ограниченность его функций, отсутствие стремления к художественности, однообразие используемых лексико-фразеологических единиц и синтаксических конструкций, мы присоединяемся к мнению тех авторов, которые считают все же возможным говорить, хотя и условно, о деловом языке, как об одном из трех типов (видов, разновидностей, стилей) письменно-литературного языка. Язык деловой письменности не является только простым отражением устной речи на письме. В. В. Виноградов сам утверждает, что в письменном языке могут быть элементы литературности, та или иная степень ее (16, стр. 79). Деловому языку Киевского государства нельзя отказать в определенных элементах литературной обработки. В нем вырабатывались в процессе его функционирования определенные, ставшие со временем традиционными, нормы и специфические особенности. Более того, если исходить «из собственно структурных моментов, то противопоставленными друг другу окажутся именно церковно-книжная и деловая разновидности языка, в то время как светско-литературный его тип обнаружит отсутствие устойчивых самостоятельных признаков» (39, стр. 20). Именно эти качества языка деловой письменности (наличие элементов литературной обработки, определенная функциональная нагрузка, формирование устойчивых специфических норм, структурная определенность) обуславливают возможность условно рассматривать его в качестве одного из типов литера-

турного языка. Некоторое представление о характере делового типа древнерусского письменно-литературного языка могут дать следующие отрывки из памятниковой деловой письменности Киевской Руси.

См. отрывок из «Русской правды»: «Аже холоп ударит свободна мужа, а убежит в хором, а господин его не выдасть, то платити за нь господину 12 гривне, а за тем, аче где налезет удареный своего истча, кто его ударил, то Ярослав был уставил и убити, но сынове его уставиша по отци на куны, любо и бити розвязавше или взяти гривна кун за сором».

См. отрывок из «Договорной грамоты Смоленского князя Мстислава Давидовича с Ригю и Готским берегом» (1229): «Аже будет свободеный человек убит, 10 гривен серебра за голову. Аже буду холоп убит, одна гривна серебра заплатити. У Смоленск тако платити и у Ризе, и на Готском березе. Око, рука, нога или ино что любо, по пяти гривен серебра от всякого платити».

См. отрывок из «Договорной грамоты Новгородца с великим князем Ярославом Ярославичем» (1264 или 1265): «Благословление от владыки, поклоняние от посадника Михаила и от тысяцкаго Кондрата и от всего Новгородца . . . А дар имати тебе от тех волости, а без посадника тебе не воздавати, а кому раздаял, волости, брат твой Александр или Дмитрии с новгородци тебе тех волости без вины не лишати».

См. отрывок из «Духовного завещания новгородца Климента» (до 1270): «Во имя отца и сына и святаго духа. Се аз раб божии Климянт даю рукописанье святому Георгию . . . , а Калисту есмь дал Микшинское село с огородом, а Воинову сынови Андрею даю Самуиловское село».

Даже и беглый анализ показывает, что язык деловой письменности был очень близок к живой народной речи, которая пронизывает весь строй языка этой письменности. В памятниках деловой письменности нашли отражение основные характерные черты письменно-литературного языка делового типа: ярко выраженное преимущественное использование восточнославянских единиц (слов и форм) в случаях, где был возможен выбор между русскими и церковнославянскими словами и формами, напр.: *сором* (ср. церковнославянское соответствие *срам*), *голова* (*глава*), *берег* (*брег*), *серебро* (*сребро*); очень слабая связь с традицией книжно-славянского языка; встречающиеся отдельные церковнославянизмы, напр.: *среда*, *вражда*, *аз*, *владыка*, *благословение*, *раб божий* и др., указывают на то, что книжное влияние оказывало определенное воздействие, хотя и в различной степени, на всю систему литературно-письменного языка, в том числе и на его деловой тип. Знакомство русских книжников и образованных людей с языком церковного богослужения и официальной религии объясняет наличие церковнославянских даже и в деловой письменности. В большинстве случаев церковнославянские встречаются в зачинах и в концовках грамот, они являются преимущественно трафаретными, традиционными зачинами и концовками, напр.: *се аз*; *се аз раб божий*; *написано в граде*; *во имя отца и сына и святаго духа* и т.д.; встречаются церковнославянские и в тех местах грамот, в которых обнаруживается церковно-рели-

гнозное содержание — обращение к богу и т.п., а также в формулах заклинаниях. Незначительное количество церковнославянизмов в памятниках деловой письменности «лишь подчеркивает жанровую, стилистическую ограниченность старославянского влияния, нетипичность этого рода языковых фактов для деловой письменности» (39, стр. 43); наличие богатой, преимущественно русской по своему происхождению, юридической терминологии, почти свободной от книжного церковнославянского влияния; использование отдельных терминов германского, скандинавского происхождения и др. не противоречит этой констатации, поскольку это единичные слова, которые проникли в русский язык не книжным путем, а в результате живых торговых и иных связей, напр.: *гривна* (денежная единица), *голова* (убитый человек), *головник* (убийца), *старый мир* (согласно прежнему договору), *вина* (причина), *суд* (судебный устав), *на руже* (на поношение), *послух* (свидетель), *пересуд* (пересмотр дела), *переступити* (нарушить), *дати правду, порядити ся* (заключить договор), *вира* (штраф за убийство) и др.; широкое использование лексики, относящейся к сферам русской общественно-политической, экономической жизни, быта и т.п., напр.: *свободный муж* (свободный человек), *муж* (приближенный князя), *холоп* (раб), *гость* (иноземный купец), *мечник* (княжеский дружинник), *ведати* (управлять), *венovati* (давать вено, приданое), *бортник* (пчела, пчельник), *свобода* (поселок, слобода), *словенин* и т.д. Эта до известной степени ограниченность отбора лексических средств объясняется специфическими качествами и содержанием памятников деловой письменности; морфологические и синтаксические особенности, отражающие главные черты живой народной речи, напр. взаимодействие разных типов склонения существительных, ср.: *сыну* (дат. пад. ед. ч.), *солоду, гороху, на торгу* (местн. пад. ед. ч.), *на пиру* и др.; активное употребление бессубъектных конструкций, ср.: *мстити брат брату; видока ему не искати; платити ему продажю; привести ему видок*; условные конструкции, выражающиеся бессоюзным путем (44, стр. 23), ср.: *убьет муж мужа; то мстити брат брату*; конструкции с именительным прямым объектом, ср.: *взяти гривна, взяти куна*; сложные предложения с сочинительной связью, которая выражается путем преимущественного использования союзов *а, и, любо, или* и т.д.; отсутствие проявления художественности и стремления к использованию образно-выразительных средств (эпитетов, метафор, сравнений и др.). В памятниках деловой письменности по существу отсутствует система средств художественной изобразительности, почти не используются переносно-фигуральные, образно-метафорические значения слов.

Итак, древнерусская народность в эпоху Киевской Руси обладала тремя типами (видами, разновидностями, стилями в условном смысле) письменно-литературного языка. Книжно-славянский тип, народно-литературный тип и деловой тип древнерусского литературного языка обособились в единой системе литературного языка, как функционально-разграниченные и жанрово-разнородные системы литературного выражения в результате активного взаимодействия двух языковых стихий

(древнерусской и церковнославянской). Между этими типами древнерусского литературного языка (точнее между книжно-славянским и народно-литературным) происходило постоянное взаимодействие. Церковнославянский язык, получивший широкое распространение в христианской Руси, и древнерусский язык имели одинаковую общеславянскую языковую основу. Главная масса лексических, фразеологических и грамматических единиц (грамматических форм и конструкций) совпала в обоих языках и свободно использовалась во всех типах древнерусского письменно-литературного языка. Особенно существенно и то, что большинство различий между русским и церковнославянским языками — соответственно между разными типами (видами) русского литературного языка — было таково, что обнаруживало сходство в самом этом различии, ср.: *хлад* и *холод*, *младость* и *молодость*, *брег* и *берег*, *нощ* и *ночь*, *свеща* и *свеча*, *хощу* и *хочу*, *вижду* и *вижу*, *сажда* и *сажа*, *езеро* и *озеро*, *един* и *один*, *аз* и *я*, *петел* и *петух*, *рыбарь* и *рыбак*, *пастырь* и *пастух* и т.д. Эта близость церковнославянского языка к русскому языку обеспечивала древнерусскому литературному русскому облику (39, стр. 69), понятность и доходчивость его, облегчала распространение литературного языка (в том числе и книжно-славянского его типа) среди широких слоев народа, обусловила проникновение в его систему определенного слоя церковнославянизмов и дала возможность использования в стилистических целях другого слоя церковнославянизмов (типа *злато, днесь*). Все это определило единый, цельный характер древнерусского литературного языка, независимо от обособления отдельных типов (видов) в его системе. Этот древнерусский письменно-литературный язык, исключительно богатый, функционально разнообразный, стилистический разветвленный и единый, был огромным культурным достоянием Древней Руси. В его сфере возникло глубокое и сложное взаимодействие между двумя братскими славянскими языками — русским и церковнославянским (древнеболгарским в своей основе).

§ 10. ДРЕВНЕРУССКИЙ ПИСЬМЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК В ПЕРИОД ФЕОДАЛЬНОЙ РАЗДРОБЛЕННОСТИ (XIII—XIV вв.)

Процесс постепенного ослабления единого древнерусского государства к середине XII в. усиливается. Он сопровождался, с одной стороны, экономическим, политическим и территориальным дроблением Древней Руси и, с другой, экономическим развитием и укреплением отдельных княжеств, а наряду с этим и ослаблением непосредственных связей между ними. Это привело к образованию ряда обособленных удельных княжеств (своего рода полуфеодальных государств). Киевское государство перестало играть важную роль и превратилось в столицу небольшого такого княжества. Все это знаменовало собой переход к феодальной раздробленности, способствующей дальнейшему развитию и углублению диалектных различий.

Диалектные различия охватывали разные территории в соответ-

ствии с изменяющимся характером экономических, политических и культурных связей между отдельными княжествами (экономические связи, политические объединения и т.д.). Так, напр., на юге древнерусской языковой территории этимологические *-o* и *-e* перед слогом с утратившимися *-ъ* и *-ь* подвергались удлинению и дифтонгизации (ср. северноукраинские *нӯос*, *пїеч*, украинские литературные *ніс*, *пїч* с гласным *-і*, который развился из дифтонгов *-yo*, *-ie*) в отличие от остальной территории, где они сохранились (ср. в русском и белорусском *нос*, *печь*). На той же территории (и на северо-западе) редуцированные *-ъ* и *-ь* после плавных *-р* и *-л* между согласными дали разные результаты в зависимости от гласного следующего слога: перед слабыми редуцированными (или как еще их называют глухими) *-ъ* и *-ь* они изменились в *-o*, *-e*, *-a*, перед остальными гласными (и сильными редуцированными) в *-ы* и *-и* (ср. при древнеобщеславянском *кръвъ*, *кръвавъ* украинское *кров*, *кривав* и белорусское *кроў*, *крываў*). На остальной территории судьба редуцированных была независима от гласного следующего слога (ср. русское *кровь*, *кровав*). К этому времени можно отнести и истоки важного диалектного различия русского языка — аканья (т.е. совпадения в безударных слогах гласных *-o* и *-a* (см. и другие точки зрения, 65). Диалектные различия постепенно увеличивались и охватывали разные территории. Все это приводит к тому, что уже в первой половине XIII в. на тех территориях Древней Руси, где впоследствии были распространены русские (великорусские) говоры, формировались несколько диалектов: *н о в г о р о д с к и й*, *п с к о в с к и й*, *с м о л е н с к и й*, *р о с т о в о - с у д а л ь с к и й*, позднее — акающий диалект верхнего и среднего Поочья и междуречья Оки и Сейма. Диалекты этой поры отличались друг от друга главным образом фонетическими особенностями, но постепенно между ними начали увеличиваться и лексико-грамматические различия (2, стр. 429—431).

Однако, несмотря на рост диалектных различий, которые постепенно увеличивались с наступлением эпохи феодальной раздробленности, несмотря на существование большого количества отдельных княжеств, языковое единство древнерусской народности еще не разрушается. Бедствия Древней Руси, связанные с обрушившимся татарским игом, с посягательствами на ее границы шведов, ливонских рыцарей, Литвы, в то же время пробуждали в еще большей степени сознание единства русской земли и необходимости сотрудничества всех живых сил народа для отпора врагу. Этим поддерживалось назревание объединительных тенденций в государственной жизни, стремление к объединению (26, стр. 165).

Русский литературный язык в этот период не был подвергнут особым изменениям. Достигнув высокой степени совершенства в литературе Киевской Руси, он сохраняет богатую киевскую традицию и продолжает обслуживать литературу и последующего периода. Эта литература в основном также развивается на базе литературных традиций Киева.

Начавшееся оскудение Киевской Руси и разгром Киева татарами привели к середине XIII в. к ослаблению в ней литературной продук-

ции. С середины XIV в. Южная Русь (за исключением Галиции) вместе с Западной входит в состав Лито-вского государства. Между тем литературная традиция на севере и северо-востоке Руси не ослабевает и пополняется новыми памятниками. Появляются ряд повестей, жития, проповеди, летописи и т.д. К числу памятников XIII—XIV вв., которые имели наибольшее значение, относятся «Моление Даниила Заточника», «Повесть о разорении Батыем Рязани», «Слово о погибели Русской земли», «Житие князя Александра Невского», «Житие Авраамия Смоленского», «Проповеди и поучения» Серапиона Владимирского, «Галицко-Волынская летопись», «Сказание об Индийском царстве» (переводная повесть), «Послание новгородского архиепископа Василия к тверскому епископу Федору о земном рае» и т.д.

Литература XIII—XIV вв. развивалась, как было подчеркнуто, на основе богатых традиций, выработанных разнообразной литературой киевского периода. Продолжал богатые традиции древнерусского литературного языка киевского периода и литературный язык. По этому поводу В. М. Истрин писал: «Литературный язык продолжает свою историю здесь в новой обстановке, но сохраняя свой старый облик». «... Эта характеристика вполне применима к языку литературы не только северо-восточной, но и любой другой территории Руси XIII—XIV вв.» (34, стр. 82—83). Особую роль играл церковнославянский язык, который отличался своим наддиалектным характером и, находясь в составе древнерусского литературного языка в качестве одного из его типов, содействовал сохранению единства литературного языка, охранял его от центробежных воздействий со стороны диалектов.

В период феодальной раздробленности продолжали функционировать т р и т и п а (разновидности, вида, стили) русского литературного языка: *к н и ж н о - с л а в я н с к и й*, *н а р о д н о - л и т е р а т у р н ы й* и *д е л о в о й*.

1. *К н и ж н о - с л а в я н с к и й* т и п древнерусского литературного языка (XIII—XIV вв.).

Образцами книжно-славянского типа древнерусского литературного языка эпохи феодальной раздробленности являются «Проповеди и поучения» Серапиона Владимирского, «Житие Александра Невского», «Послания новгородского архиепископа Василия к тверскому епископу Федору», переводное «Сказание об Индийском царстве» и др. Следующие отрывки из этих произведений могут дать некоторое представление о характере книжно-славянского типа в этот период.

См. отрывок из «Проповедей» Серапиона Владимирского («Слово святаго преподобнаго Сирапиона»): «Но паки зверье жадают насытиться плоти, тако и мы жадаем и не престанем, абы всех погубити, а горкое то именье и кровавое к собе пограбити; зверье едше насыщаются, мы же насытитися не можем, того добывше, другого желаем. За праведное богатство бог не гневается на нас, но еже речено пророком с небеси призри господь видети, аще есть, кто разумевая или взискаая бога, вси уклонишася вкупе и прочее».

См. отрывок из «Жития Александра Невского»: «Егда прииде

князь Александр Ярославич ко граду Пскову, и сретоша его со кресты игумены и попове в ризах, народ мног пред градом, подавающе хвалу богови, поюще песнь, и славу государю, великому князю Александру Ярославичю: «Пособивый, господи, кроткому Давиду победити иноплеменики . . .»

См. отрывок из «Послания о земном рае архиепископа Василия к тверскому епископу Федору»: «Егда господь наш явится в светлости божества своего на земли и силы небесные двинутся, ангели престанут от дел своих и явят светлость свою сотворенную от бога; то есть, брате, мысленный рай, егда вся земля просвещена будет светом неизреченным, исполнена радости и веселия».

См. отрывок из «Сказания об Индийском царстве»: «Сторон того креста несут блюдо злато велико, на нем же едина земля: на землю зряще поминаем, яко от земля есми созданы и паки в землю поити имамы, а се с другую страну блюдо несут другое злато, на нем же драгии камень».

Анализ языка этих небольших отрывков из памятников показывает, что их авторы ориентировались на книжно-славянский тип, следуя традиции книжно-славянского типа древнерусского литературного языка киевского периода. К характерным особенностям книжно-славянского типа древнерусского литературного языка этого периода (XIII—XIV вв.), как и в киевский период, можно отнести: преобладание церковнославянизмов в случаях, где был возможен выбор между русскими и церковнославянскими единицами (словами, формами, оборотами), напр.: *аки и как, аще и если, город и град, вкупе и вместе* и пр.; предпочтение церковнославянских словоформ, конструкций, синтаксических оборотов, сложных предложений, подчинительных связей и т.д.; широкое использование книжной, абстрактной лексики, сложных слов, напр.: *жадают, праведное, гневается, светлость, сотворенную, взискаая, свободити, иноплеменики, иноязычных* и т.д.; преобладание лексико-фразеологического материала, связанного с религиозной сферой, с церковным бытом, напр.: *пророк, бог, кресты, попове, в ризах, мысленный рай, силы небесные, игумены, господь, божества* и т.д.; широкое использование самых различных приемов и средств художественной изобразительности, напр.: *аки зверье, жадают; праведное богатство; вся земля просвещена; будет светом; в светлости божества; праведное богатство* и т.д.

2. Народнo-литературный тип древнерусского литературного языка (XIII—XIV вв.).

Образцами народно-литературного типа древнерусского литературного языка эпохи феодальной раздробленности (XIII—XIV вв.) являются «Моление Даниила Заточника», «Повесть о разорении Батыем Рязани», «Повесть о битве на реке Калке», «Галицко-Волынская летопись», «Слово о погибели русской земли» и др.

См. отрывок из «Моления Даниила Заточника»: «Не лепо у свинии в ноздрех рясы (украшения) златы, тако на холопе порты дороги . . . Лучше бы ми вода пити в дому твоём, нежели мед пити в боярцем дворе; лучше бы ми воробей испечен приимати от руки тво-

ея, нежели боранье плечо от государей злых. Многажды обретаются работные хлебы аки пельнь (попынь) во устех, и питие мое с плачем растворяхом».

См. отрывок из «Повести о разорении Батыем Рязани»: «И рече братии своей: «О господия и малая братиа моа, аще от руки господня благая прияхом, то злая ли не потерпим? Лучше нам смертию живота купити, нежели в поганой воли быти. Се бо я, брат ваш, наперед вас изопью чашу смертную» . . .»

См. отрывок из «Повести о битве на реке Калке»: «И послашася в Володимир к великому князю Юргю, сыну Всеволожу, прося помочи у него; он же посла к ним благочестиваго князя Василька, сыновца своего, Константиновича, с ростовци, и не утягну (не успел) Василько прити к ним на Русь».

См. отрывок из «Галицко-Волынской летописи»: «Постави же Баты пороки (стенобитные орудия) городу подле врат Лядских, ту бо беаху пришли дебри (подступили горние сколны); пороком же беспрестани бьющим день и ночь, выбиша стены, и возидоша горожаны на избыты стены, и ту беаше видити лом копейны . . .»

Анализ языка отрывков из указанных произведений показывает ориентировку их авторов на народно-литературный тип древнерусского литературного языка, в котором тоже продолжались киевские традиции. Народно-литературный тип древнерусского литературного языка эпохи феодальной раздробленности, как и в киевский период, отличался следующими особенностями: свободным употреблением как церковнославянизмов, так и соответствующих русизмов в тех случаях, где был возможен выбор, напр.: *златы, аки, пельнь, питие, рече, аще, живот, ночь; плечо, наперед, воробей, помочи, володимир* и др.; отсутствием последовательного преобладания одной из двух речевых стихий (церковнославянской или древнерусской), см., напр., в одном и том же отрывке: *питие мое с плачем растворяхом и нежели боранье плечо от государей злых; не лепо у свинии в ноздрех рясы златы и тако на холопе порты дороги* и т.д.; богатством лексики, связанной с русским бытом и вообще действительностью, напр.: *холопе, в боярцем дворе, горожаны, сыновца, ростовци* и пр.; преимущественным использованием лексики, отличающейся своим конкретным, «предметным» характером, напр.: *порты, рясы, воробей, дом, дебри, стены, пельнь* и пр.; синтаксическим строем, сформированным на базе традиции живой, устной речи, напр.: *вода пити; лучше бы ми воробей приимати, нежели боранье плечо* и т.д.; использованием образно-выразительных средств, восходящих как к живой речи и народному творчеству, так и к книжным источникам, напр.: *лучше нам смертию живота купити, нежели мед пити в боярцем дворе; от руки господня благая прияхом* и пр.

Очевидно, в образцах народно-литературного типа древнерусского литературного языка манеры изложения разные. В одних случаях манера изложения отличается большей образностью и эмоциональностью (напр. «Моление Даниила Заточника»), в других — немногословием, фактографическим характером (напр. «Повесть о битве на реке Калке»).

3. Деловой тип древнерусского литературного языка (XIII—XIV вв.)

Образцы делового типа древнерусского литературного языка эпохи феодальной раздробленности можно найти в многочисленных грамотах того времени, напр.: «Грамота новгородского князя Андрея Александровича» (1294), «Грамота новгородского князя Андрея Александровича и посадника Семена» (1301), «Договор тверского князя Михаила Ярославича с новгородцами» (около 1294—1301), «Грамота полоцкого епископа Иакова к рижанам» (около 1300), «Договорная торговая грамота Полоцка с Ригой» (около 1330) и т.д. Отрывки из отдельных грамот и договоров могут дать общее представление о характере делового типа древнерусского литературного языка.

См. отрывки из «Грамоты новгородского князя Андрея Александровича»: «От великого князя Андрея, от владыки благословение, от посадника Андрея, от тысяцкого, от всего Новгорода ко коровымо мужмо в Колывань, что есте присылали послы ко князю и ко всему Новугороду с любовию и с ласкою князь великий послал к вамо своего сына, а вашего племянника Володимира . . .»

См. отрывки из «Договора тверского князя Михаила Ярославича с новгородцами»: «А чего будет искати мне и моим бояром и моим слугам у новгородцев и у новотожцев и у волчан, а тому всему суд дати без перевода (без перерешения), а холопы и должники и поручники (поручители), выдавати по исправе (разбор дела), а кто будет закладень позоровал (числиться, принадлежить) ко мне, а живя в новгородской волости, тех всех отступил ся есмь Новугороду».

См. отрывок из «Грамоты полоцкого епископа Иакова к рижанам»: «. . . что вам было надобе, то было ваша, а ныне что детям моим надобне того им не бороните, а ныне а бысте пустили жито у Полотеско, а яз кланяю ся и благословляю и бога молю за вас дети свое».

Деловой тип древнерусского литературного языка эпохи феодальной раздробленности тоже сохранил свои основные качества, характерные для него в киевский период. Феодальная раздробленность не привела к созданию деловой письменности, отличающейся различными диалектными чертами в отдельных удельных княжествах. «Киевские традиции объединяли «деловую письменность» всех русских земель» (23, стр. 96). Язык приведенных выше отрывков принципиально не отличается от языка деловой письменности киевского периода. В этих грамотах и договорах отражается живая народная речь, преимущественное употребление русизмов в случаях, где был возможен выбор, напр.: *королевымо, выдавати, волости, не бороните, Володимира* и т.д.; незначительное церковнославянское влияние и воздействие со стороны книжно-славянского типа, напр.: *благословение, владыка, бога молю* и пр.; богатая, преимущественно русская по происхождению, юридическая терминология, напр.: *суд дати, без перевода, выдавати по исправе, должники, поручники* и др.; конкретная лексика, относящаяся к сфере общественно-политических и других отношений русских людей, напр.: *князь великий, послы, от тысяцкого, бояром, волости* и пр.; синтаксические черты, свойственные живой разговорной речи, напр.: *а чего будет*

искати мне; а тому всему суд дати без перевода; а кто будет закладень позоровал ко мне, а живя в новгородской волости; а ныне бысте пустили жито у Полоско, а яз кланяю ся и т.д.; отсутствие проявления художественности и стремления к использованию образно-выразительных средств и др.

Итак, феодальная раздробленность не привела к разрушению единства древнерусского литературного языка (XIII—XIV вв.). Богатые киевские традиции содействовали сохранению единства и характерных особенностей его старых трех типов: книжно-славянского, народно-литературного и делового.

Особую роль в этом отношении сыграл церковнославянский язык, отличающийся своим наддиалектным характером, в качестве одной из разновидностей (книжно-славянской) древнерусского литературного языка.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Р. И. Аванесов, Проблемы образования языка великорусской народности. Вопросы языкознания, 1955, № 5.
2. Р. И. Аванесов, В. В. Виноградов, Русский язык. БСЭ. т. 37. Второе издание.
3. Д. А. Авдусин, М. Н. Тихомиров, Древнейшая русская надпись. Вестник АН СССР, 1950, № 4.
4. Академик В. В. Виноградов, Вопросы языкознания, 1971, № 1.
5. К. С. Аксаков, Ломоносов в истории русской литературы и русского языка, М., 1846.
6. А. М. Бабкин, Русская фразеология. Ее развитие и источники, Л., 1970.
7. А. В. Арциховский, Археологические открытия в Новгороде. Вестник АН СССР, 1951, № 12.
8. Б. Ст. Ангелов, К вопросу о начале русско-болгарских литературных связей. Труды Отделения древнерусской литературы, 1958, 14.
9. И. А. Бодуэн де Куртене, Избранные работы по общему языкознанию, М., 1963, т. 3.
10. В. Б. Бродская, С. О. Цаленчук, История русского литературного языка, Львов, 1957, ч. I.
11. В. В. Виноградов, Великий русский язык, М., 1945.
12. Е. Ф. Будде, Очерк истории современного русского литературного языка (XVII—XIX вв.). Энциклопедия славянской филологии, СПб., 1908, вып. XII.
13. Л. А. Булаховский, Курс русского литературного языка. Исторический комментарий, Киев, 1953.
14. В. В. Виноградов, Образование русского национального литературного языка. Вопросы языкознания, 1956, № 1.
15. В. В. Виноградов, Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика, М., 1963.
16. В. В. Виноградов, Основные проблемы изучения образования и развития древнерусского литературного языка, М., 1958.
17. В. В. Виноградов, Итоги обсуждения вопросов стилистики. Вопросы языкознания, 1955, № 1.
18. В. В. Виноградов, Русская наука о русском литературном языке. Ученые записки МГУ, 1945, вып. 106.
19. В. В. Виноградов, О новых исследованиях по истории русского литературного языка. Вопросы языкознания, 1969, № 2.

20. В. В. Виноградов, Основные вопросы и задачи истории русского языка до XVIII в. Вопросы языкознания, 1969, № 6.
21. Г. О. Винокур, Избранные работы по русскому языку, М., 1959.
22. А. И. Горшков, Старославянский язык, М., 1963.
23. А. И. Горшков, История русского литературного языка, М., 1969.
24. Б. Д. Греков, Киевская Русь, М.—Л., 1944.
25. А. Д. Григорьева, Поэтическая фразеология конца XVIII — начала XIX века. Сб. Образование новой стилистики русского языка в пушкинскую эпоху, М., 1964.
26. Н. К. Гудзий, История древнерусской литературы, М., 1950.
27. Н. К. Гудзий, Хрестоматия по древней русской литературе, М., 1952.
28. Н. М. Дылевский, Очерк исторической грамматики русского языка, София, 1965.
29. A. Dostal, Staroslověština jako spisovný jazyk. Bull. Vysoké školy guského jazyka a literatury. III, Praha, 1959.
30. И. П. Еремин, «Слово о полку Игореве» как памятник политического красноречия Киевской Руси. Сб. Слово о полку Игореве, М.—Л., 1950.
31. А. И. Ефимов, История русского литературного языка, М., 1971.
32. А. И. Ефимов, Стилистика художественной речи, М., 1961.
33. В. В. Иванов, Историческая грамматика русского языка, М., 1964.
34. В. М. Истрин, Очерк истории русской литературы домосковского периода, Пг., 1922.
35. Е. Ф. Карский, Значение Ломоносова в развитии русского литературного языка, Варшава, 1912.
36. М. Т. Каченовский, Взгляды на успехи российского витийства в первой половине нынешнего столетия. Труды Московского Общества любителей словесности. 1812, ч. I.
37. П. А. Лавровский, О языке северных русских летописей, СПб., 1852.
38. В. Д. Левин, А. Д. Григорьева, Вопрос о происхождении и начальных этапах русского литературного языка. Ученые записки МГПИ им. В. П. Потемкина, 1956, т. 51.
39. В. Д. Левин, Краткий очерк истории русского литературного языка, М., 1964.
40. Д. С. Лихачев, Возникновение русской литературы, М.—Л., 1959.
41. Д. С. Лихачев, Поэтика древнерусской литературы, Л., 1971.
42. М. А. Максимова, Собрание сочинений, Киев, 1880, т. III.
43. К. Маркс, Ф. Энгельс, Сочинения, М., 1956, т. 7.
44. С. П. Обнорский, Очерки по истории русского литературного языка старшего периода, М.—Л., 1946.
45. С. П. Обнорский, «Русская правда» как памятник русского литературного языка. Кн. С. П. Обнорский. Избранные работы по русскому языку, М., 1960.
46. Г. Пауль, Принципы истории языка, М., 1960.
47. Русская диалектология под ред. Р. И. Аванесова и В. Г. Орловой, М., 1965.
48. Б. А. Рыбаков, Ремесло Древней Руси, М., 1948.
49. Б. В. Сапунов, Некоторые соображения о древнерусской книжности XI—XIII в. Труды Отдела древнерусской литературы, 1955, т. XI.
50. А. М. Селищев, Старославянский язык, М., 1951, ч. I.
51. А. М. Селищев, О языке «Русской правды» в связи с вопросом о древнейшем типе русского литературного языка. Вопросы языкознания, 1957, № 4.
52. А. И. Соболевский, Особенности русских переводов домонгольского периода. Русский филологический вестник, 1911, № 2.
53. А. И. Соболевский, Ломоносов в истории русского литературного языка, СПб., 1911.
54. М. Н. Сперанский, Откуда идут старейшие памятники русской письменности и литературы.

55. И. И. Срезневский, О договорах князя Олега с греками. ИОРЯС. т. I, вып. 7, 1852.
56. И. И. Срезневский, Мысли об истории русского языка, СПб., 1887.
57. М. Н. Тихомиров, Древнерусские города, М., 1946.
58. Н. И. Толстой, Роль кирилло-мефодиевской традиции в истории восточно- и южнославянской письменности. Кн. Пятый Международный съезд славистов. Доклады советской делегации, М., 1963.
59. Н. И. Толстой, К вопросу о древнеславянском языке как общем литературном языке южных и восточных славян. Вопросы языкознания, 1961, № 1.
60. Н. И. Толстой, Роль древнеславянского литературного языка в истории русского, сербского и болгарского литературных языков. Сб. Вопросы образования восточно-славянских национальных языков, Л., 1952.
61. И. С. Улукханов, О судьбе славянизмов в древнерусском языке (на материале глаголов с приставкой *-pre*). Сб. Памятники древнерусской письменности, М., 1958.
62. Б. А. Унбегаум, Русское и древнеславянское в юридической терминологии. Четвертый Международный съезд славистов. Материалы и дискуссии, М., 1958.
63. Б. А. Унбегаум, Язык русской литературы и проблемы его развития. Communications de la délégation française et de la délégation Suisse, Paris, 1968.
64. Ф. П. Филин, Образование языка восточных славян, М.—Л., 1962.
65. Ф. П. Филин, С. П. Обнорский. Русский язык за рубежом, 1972, № 3.
66. Ф. П. Филин, Происхождение русского, украинского и белорусского языков, Л., 1972.
67. П. Д. Филкова, Из историята на руско-българските езикови връзки, София, 1963.
68. П. Д. Филкова, К истории взаимодействия церковнославянских и восточнославянских элементов в русском литературном языке (слова с *-щ* и *-ч* из *-tj*, *-kt'*, *-gt'*). Годешник на Софийския университет, 1970, т. 64, 1.
69. П. Д. Филкова, Слова с сочетанием *-жд* в звуковой форме в истории русского литературного языка. Годешник на Софийския университет, 1968, т. 62.
70. П. Д. Филкова, Църковнославянска фразеология в съветската художествена и обществено-публицистична литература. Годешник на Софийския университет, 1965, т. 59, 2.
71. Р. М. Цейтлин, Из истории употребления полногласных и неполногласных слов-вариантов в русской художественной речи XVIII — начала XIX века. Сб. Образование новой стилистики русского языка в Пушкинскую эпоху, М., 1964.
72. П. Я. Черных, К вопросу о гнездовской надписи. Известия ОЛЯ АН СССР, 1950, т. 9, вып. 5.
73. П. Я. Черных, Происхождение русского литературного языка и письма, М., 1950.
74. П. Я. Черных, Историческая грамматика русского языка, М., 1952.
75. А. А. Шахматов, Очерк современного русского литературного языка, М., 1941.
76. А. А. Шахматов, Введение в курс истории русского языка, Пг., 1916, ч. I.
77. Г. И. Шкляревский, Введение в историю русского литературного языка, Харьков, 1959.
78. Л. П. Якубинский, История древнерусского языка, М., 1953.

Глава вторая

ДРЕВНЕРУССКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК В ЭПОХУ МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА (XIV — НАЧАЛО XVII в.)

§ 1. ОБРАЗОВАНИЕ ЯЗЫКА ВЕЛИКОРУССКОЙ (РУССКОЙ) НАРОДНОСТИ

Обособление Северо-Восточной Руси от Руси Западной и Южной в условиях феодальной раздробленности, в условиях усиления отдельных княжеств, татаро-монгольского нашествия и монгольского ига и захвата (с XIV в.) западных и южных земель Литвой, Польшей и Венгрией, которые оказались оторванными от остальных русских земель на несколько столетий, привело к расчленению древнерусской (древневосточнославянской) народности и приостановило дальнейшее развитие единого древнерусского (древневосточнославянского) языка.

Образование новых политических, экономических и культурных центров, усилившийся процесс развития языковых особенностей территориальных диалектов в условиях феодальной раздробленности и (в зависимости от этого) их перегруппировка способствовали формированию и развитию в XIV—XVI вв. на базе старой общей древневосточнославянской (древнерусской) народности трех восточнославянских народностей — великорусской (русской), украинской и белорусской, а вместе с тем и трех языков этих народностей — великорусского (русского), украинского и белорусского.

В Северо-Восточной Руси, где стала формироваться русская народность, уже со второй половины XIV в. наблюдается значительное оживление в экономической, политической и культурной жизни. Развитие и укрепление экономических связей между отдельными русскими областями приводило к постепенному преодолению существующей раздробленности. Куликовская битва 1380 г., в которой принимали участие почти все русские северо-восточные княжества и которая привела к победе русских войск, содействовала политическому сплочению русской народности. Литературный подъем отразился благоприятно на развитии культурных связей русской народности с южнославянскими землями и с Византией.

Основными центрами, где развивалась русская (великорусская) народность, были Владимир, Ростов, Суздаль, а затем Москва. Колыбелью этой народности была область Ростово-Суздальская, на почве которой выросло Московское государство. В течение двух столетий (XIV—XVI вв.) Москва объединила все северновеликорусские области и восточную половину южновеликорусских княжеств. Москва стала их центром и столицей Русского государства. Местные говоры различных центров постепенно начинают функционировать как диалекты формирующегося русского языка. Руководящая роль в системе этих говоров принадлежала ростово-суздальскому диалекту. «Складываясь на ростово-суздальской и владимиро-московской основе, язык великорусской народности уже с конца XIV — начала XV в. оказывает заметное регулирующее влияние на язык других частей Московского (Русского) государства. Несмотря на свое диалектное многообразие, язык великорусской народности был единым во всех своих элементах фонетической системы, грамматического строя и словарного состава. В структурном отношении язык великорусской народности XV—XVI в. уже значительно ближе к современному русскому языку, чем язык древнерусской народности» (7, стр. 11).

В области фонетики произошло изменение *-e* в *-o* в определенной позиции (ср. *лед* — *л'од*, *береза* — *бер'оза*), установилась современная система противопоставления согласных по твердости — мягкости, глухости — звонкости (ср. *вес* — *весь*, *том* — *дом*). В области морфологии в живом народном языке наблюдаются значительные изменения: а) утрата старой системы прошедших времен, в частности, утрата имперфекта (ср. *несях*, *несяше* и т.д.), аориста (ср. *знах*, *зна* и т.д.), плюсквамперфекта (ср. *бях пришел*, *бяше пришел* и т.д.), разрушение перфекта (ср. *велел есмь*, *велел еси* и т.д.); б) объединение (унификация) различных типов склонения (ср. *сокол* и *сын*, *учитель* и *гость*, *село* и *слово* и др.); в) унификация некоторых старых различий твердых и мягких основ (ср. местн. пад. ед. числа *столь* и *кони*, *жень* и *земли* и пр.); г) утрата двойственного числа и замена его множественным (ср. *женама*, *столома*); д) расширение круга предложных конструкций на месте беспредложных и т.п.

В этот период возникают, развиваются и распространяются ряд специфических явлений русского языка в области фонетической системы, грамматического строя и системы лексики, которые приводят к дальнейшему обособлению русского языка от украинского и белорусского. В области фонетики произошло распространение на великорусской территории изменения слабых редуцированных после плавных между согласными в *-o*, *-e* (ср. *кровав*, *слеza*), изменения *-ый*, *-ий* в *-ой*, *-ей* (ср. *злой*). В области морфологии следует отметить: а) утрату звательной формы (ср. *учителю*, *жено*); б) выравнивание основ на *-г*, *-к*, *-х* в склонении и спряжении (т. е. замену свистящих заднеязычными) (ср. *руке* вместо *руце*, *беги* вместо *бези* и пр.); в) развитие формы именительного падежа множественного числа на ударяемое *-а* от имен существительных мужского рода (ср. *города*, *берега*); г) образование

формы повелительного наклонения от глаголов I-го спряжения на *-ите* вместо *-ете* (ср. *несите, идите*) и т.д. В XIV—XVI вв. происходят изменения и в словарном составе языка великорусской народности. Появляется ряд слов, которые первоначально не употребляются в памятниках немосковского происхождения, но с XVI в. становятся общими для языка всей великорусской народности, напр.: *крестьянин* (ср. новгородское *смерд*), *деньги* (ср. новгородское *векша, куна*), *лавка* (в значении торгового заведения), *мельник, пашня* (ср. украинское *нива* или *рилля*), *пугавица, деревня, кружево* и др. Все это свидетельствует об интенсивном процессе оформления языка великорусской народности. Общенародный великорусский язык начинает оказывать, особенно с XVI в., все усиливающееся влияние на развитие русского литературного языка. Взаимодействие литературного языка с народным к указанному периоду расширяется и углубляется.

Какова эволюция литературного русского языка московского периода и судьба старых трех типов литературного языка киевского периода в условиях складывания великорусской (русской) народности и ее государства, культуры и языка. Письменно-литературный язык Русского государства в условиях феодализма не был единым для разных видов письменности и в разных местах обширной страны (2, стр. 37). Разные типы письменно-литературного языка предшествующего периода не остались неизменными. В их развитии сказались различные экстралингвистические и внутрилингвистические факторы. Деловой тип письменно-литературного языка, напр., развивался под воздействием изменения структуры живого русского языка, а развитие книжно-славянского письменно-литературного языка (и отчасти народно-литературного) было тесно связано с процессами, которые известны под названием «второго южнославянского влияния».

§ 2. ВТОРОЕ ЮЖНОСЛАВЯНСКОЕ ВЛИЯНИЕ

Сложный комплекс определенных явлений и процессов в истории русской культуры, литературы и литературного языка в конце XIV и особенно в XV в., который условно обозначается термином «второе южнославянское влияние», был обусловлен как южнославянским влиянием, главным образом, в сфере письменности (литературы и языка), так и внутренними процессами развития идеологической и культурной жизни Московского государства.

XIV в. был для южнославянской литературы временем большого оживления. Старые переводы с греческого, по словам А. И. Соболева-ского, один за другим были подвергнуты пересмотру и исправлению на основании сличения с оригиналами. Между ними были тексты и священного писания, и святоотеческих творений, и житий святых, и хронографов. Вместе с тем явился ряд новых переводов различных произведений греческой литературы (богослужбных песнопений, сочинений святых отцов, светских писателей). Появились и некоторые оригинальные труды (главным образом жития) южнославянских авторов.

В это время возобновились прерванные в эпоху татарского ига культурные связи с южнославянскими землями. В монастырях Константинополя и Афона, где завелись колонии русских монахов, развились оживленные сношения между русскими и болгарскими книжниками. В связи с турецкими завоеваниями в Россию переселились многие южнославянские книжники, напр.: митрополит Киприан, иеромонах Святой Горы — Пахомий Логофет, митрополит Григорий Цамблак, которые оказали известное влияние на развитие русской литературы и литературного языка.

К этому времени у русских накопились богослужебные книги и вообще сочинения религиозного характера, которые, благодаря частому переписыванию и отсутствию какого-нибудь наблюдения за исправностью переписки, значительно изменили свой первоначальный вид под пером многочисленных русских переписчиков. Начиная с конца XIV в. в Москве началась правка (редактирование) церковных книг с целью восстановить во всей чистоте церковно-книжную письменность, устранить разночтения, ошибки, отклонения от первоначального облика древнеболгарских переводов греческих церковных книг. Эта правка (редактирование или, еще точнее, реформа письменности), проводившаяся под руководством митрополита Киприана, условно называется вторым южнославянским влиянием. Первое южнославянское влияние относится к периоду, когда на Руси после принятия христианства распространилась церковнославянская письменность.

Киприановская реформа письменности по замыслу должна была сблизить русскую письменность с южнославянской. Ориентируясь на древние образцы письма, Киприан и его сотрудники осуществили ряд преобразований: а) была введена вновь уже утраченная к XV в. буква *юс* большой (*ж*) для обозначения звука *-у* наряду с буквами *-у, -оу, -ю;* б) был устранен *йот* после гласных перед *-а* (т.е. вместо *новая* стали писать *новаа*); в) было введено древнеболгарское написание редуцированных *-ѣ* и *-ѣ* после плавных *-р* и *-л* в таких словах, как *слѣнце, прѣвый* (ср. написание в русском языке *слѣнце, прѣвый*); г) было введено, по сербскому образцу, написание *-ѣ* вместо *-ѣ* в конце слов, напр. *умѣ*; д) написание *-ѣ* вместо *-ѣ* или *-е* в корнях, напр. *прѣстѣ* (ср. *пѣрстѣ*); е) было установлено правильное употребление — *ѣ, -ѣ*, двух *-г* вместо *-нг* в словах греческого происхождения (напр. *аггел*); ж) было восстановлено написание буквы *-оу* (для обозначения звука *-у*); з) получило распространение церковнославянское смешение *-ѣ* и *-ѣ* в таких словах, как *стогна* (до конца XIV в. — *стѣгна, стегна*), *зодчий* (старинное славянское *зѣдчий*) и др. Именно в этот период вообладало начальное *-ю* (*-ју*) над *-у* в таких словах, как *юноша, юность, юница, юдоль, юг, юродивый*. В области морфологии получили распространение формы *-ея* (*-еа*) (вместо *-ѣ*), напр. *моа* вместо *моѣ*; окончание прилагательных *-ый* (*злый* вместо *злой*); возраждается употребление таких архаических форм спряжения, как *супин*, формы простого тематического аориста.

В эпоху второго южнославянского влияния проявляется тенденция к преимущественному использованию в литературном языке (прежде всего в книжно-славянском типе, а отчасти и в народно-литературном)

церковнославянских слов и форм, главным образом, слов с неполногласием, напр.: *злато*, *град* и пр., с сочетаниями *-жд*, *-щ* на месте русских *-ж*, *-ч*, напр.: *хождение*, *помощь* и пр., а также некоторых церковнославянских форм вместо русских, напр. *доброй* вытесняется другой формой для род. падежа ед. числа — *добрыя* и т.д. Исследователи указывают и на рост отвлеченной лексики в этот период. Тогда укрепились в русском языке ряд слов, напр.: *имущество*, *преимущество*, *могущество*. Быть может, пишет В. В. Виноградов, волной второго южнославянского влияния занесены в русский литературный язык такие слова, как *сусевер*, *сусеверие*, *рукоплескание*, *земеродный*, *громогласный*, *тленотворный*, *вероломство*, *любожестивый* и др. (8, стр. 110). Некоторые церковнославянские «носили на себе отпечаток торжественной несколько странной экспрессии. Азбуконники рассматривали их среди ученых малопонятных для широкого круга читателей иностранных слов» (8, стр. 106). Таковы, напр., были *достояние* (наследие, обладание отцовым именем), *зодчий* (здатель, делатель храминам), *жупел*, *извальный*, *искренний* (ближний), *истый* (праведный, подлинный), *коварен* (любопремудростванен, смыслен), *ков* (лесть), *клеверет* (сработник), *кормило ветренное* (парус), *лепта*, *нарекание* и др.

Под воздействием южнославянских образцов в этот период второго южнославянского влияния активизируются и специфические приемы словообразования и словосложения, образования на *-ствие*, получают распространение ряд отвлеченных имен существительных сложного типа, новых форм словосложения и т.д. В памятниках XV—XVII вв. встречаются многие такие сложные слова искусственного книжного характера, напр.: *светлозрачный*, *богокованный*, *злораспалемый*, *бесоростный*, *благодатноименный* и т.д.

Под влиянием южнославянской (главным образом житийной) литературы получает развитие и расцветает новый литературный витийственный стиль «плетение (извитие) словес», пышный, риторический слог (т.е. манера выражения). Создается теория, согласно которой в житийном стиле должно воспроизводиться идеальное святое, а значит вечное. О святом и писать нужно особым образом. Обычное, обыденное слово бессильно воспеть деяния героя. Необходимы «витийства словесные». «Пышность» стиля так же необходима для возвышенного сюжета, как необходим драгоценный оклад на особо чтимой иконе (8, стр. 103). Стиль этот, по мнению Д. С. Лихачева, не может, однако, характеризоваться только своими внешними признаками и не определяется только стремлением к пышности и витиеватости. Стиль этот имеет глубокие основания в новых мировоззренческих явлениях эпохи Восточного Предвозрождения и явственно приспособлен к передаче того нового эмоционального мира, который открылся писателям и художникам конца XIV и начала XV в. (25, стр. 31).

Этот пышный, риторический стиль, как и вообще южнославянское влияние могли распространиться и оказать определенное воздействие в результате того, что они были созвучными внутренним тенденциям, процессам развития русской литературы и, в более широком аспекте, идеологической и культурной жизни Московского государства. Успеш-

ная борьба русского народа против татарского ига, экономическое, политическое и культурное развитие Московской Руси и объединительные тенденции Московского государства, с одной стороны; укрепление централизованной монархии и рост авторитета великокняжеской власти и московской церкви на фоне идеологии самодержавной власти, которая нашла защиту и поддержку в среде высшего духовенства, с другой; распространение идеи преемственности Москвы по отношению к Византии и идеи о Москве как о новом центре православного славянского мира, нашедшей выражение в формуле «Москва есть третий Рим», как и восприятие византийского церковно-политического влияния, византийской пышности и великолепия (11, стр. 105), с третьей; бурный подъем национального самосознания и широкое развитие в связи с этим житийного, публицистического и исторического жанров, в которых прославлялось героическое прошлое и настоящее Руси, возвеличались образы великих князей и святых, с четвертой, — все это «определило быстрое усвоение панегирического, торжественного, риторического стиля, отличающегося крайней пышностью и великолепием, живописностью и украшенностью, стиля книжного, архаического, насыщенного славянскими в лексике, морфологии и синтаксисе» (23, стр. 81).

В результате редактирования церковных книг, восстановления многих устаревших приемов письма, грамматических форм и слов и тенденции к преимущественному использованию церковнославянских, а не живых русских соответствий, в литературном языке (главным образом в его книжно-славянском типе и частично в народно-литературном) произошла известная а р х а и з а ц и я. В то же время второе южнославянское влияние, отличавшееся своим книжным характером, не могло оказать существенного воздействия на русский народный язык, который был подвергнут значительным изменениям и постоянно развивался. Это привело к некоторому отрыву книжного, письменного-литературного языка от живого народно-разговорного языка. Такой отрыв, безусловно, тормозил до известной степени общее развитие языка. Но не только этот отрицательный результат определил сущность второго южнославянского влияния. Оно сыграло и определенную положительную роль в истории русского литературного языка. В литературной жизни возникает чрезмерное умственное возбуждение. Переписчики, переводчики, писатели создают новые рукописи, списывают или ввозятся редактированные в Болгарии переводы и рукописи, создаются новые переводы и произведения. «Перед нами очень крупное явление умственной жизни», «связанное с идеями эпохи Предвозрождения» (24, стр. 47—48). Размеры приходившей со славянского юга литературной продукции были очень значительны. «По окончании южнославянского влияния русская литература оказалась увеличившеюся почти вдвое», писал А. И. Соболевский (30, стр. 15), указывая на ряд произведений, которые получили распространение, напр.: сочинения Исаака Сирина, Григория Синаита, Симеона Богослова, Григория Паламы, Германа, патриарха Константинопольского, Иоанна Зла-

тоустаго, на Толковое Евангелие Феофилакта Болгарского, на житие Григория Омирита и др. В результате второго южнославянского влияния значительно повысился интерес к проблемам языка и специально к орфографии. Об этом свидетельствуют данные различных азбуковников, в которые включались статьи по орфографии и грамматике. Редактирование церковных книг и возникновение нового литературного стиля заставляли авторов, переводчиков и вообще книжников внимательно относиться к слову, к значениям слов и к оттенкам значений, к эмоциональной стороне слова, к ритмике речи и ее звучанию. Второе южнославянское влияние оказало заметное воздействие на развитие книжно-славянского типа древнерусского литературного языка. Сферы употребления этого типа языка широко распространяются. В книжно-славянском типе именно расцветает пышный, риторический слог (манера выражения) «извитие словес». Этот новый слог (новый литературный стиль) «сыграл большую положительную роль в развитии искусства слова, в выработке богатых и разнообразных форм художественной выразительности» (25, стр. 32). В процессе редактирования церковных книг Киприан и его сотрудники старались сблизить русскую письменность с южнославянской и таким образом унифицировать славянскую орфографию, почерк рукописей, осмыслить развитие славянских литературных языков как единый процесс.

§ 3. КНИЖНО-СЛАВЯНСКИЙ ТИП РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА В XIV — НАЧАЛЕ XVI в.

Книжно-славянский тип русского литературного языка продолжает функционировать и в XIV — начале XVI в. В этот период расширились, раздвинулись его жанровые рамки. На книжно-славянский тип ориентировались не только церковно-религиозная, житийная и проповедническая литература, как раньше, но часть светской повествовательно-исторической и публицистической литературы, что находит объяснение в некоторых особенностях развития русской литературы, культуры и общественной жизни этого времени. Общий подъем национального самосознания, рост и укрепление Русского государства, возникновение идеи о Москве как о новом центре православного мира, стремление возвеличить историю Руси и прославить жизнь князей и святых, как было подчеркнуто, могли найти соответствующее отражение в литературе, способной передать торжественность тем, святость и недосыгаемость предмета изображения, высокий подъем чувств времени. Все это создало благоприятные условия для возникновения новых жанров в литературе (напр. жанр витиеватых и пышных похвал), для быстрого распространения на Руси «южнославянского витийственного стиля» «плетение словес». Книжно-славянский тип русского литературного языка «начинает претендовать на исключительное значение в сфере «высокой» литературы. В нем все сильнее выступает тенденция к созданию единых, архаических славянизированных форм. Новая, так называемая «вторая» струя южнославянского влияния усиливает ритори-

ческую изощренность («плетение словес») славянизированного высокого слога» (7, стр. 12). Вообще, язык высокой литературы возводился в ранг священного. Языку этой литературы отводилась первенствующая роль в познании мира. Это определило важное значение и расширение сфер употребления книжно-славянского типа литературного русского языка.

В эпоху второго южнославянского влияния книжно-славянский тип литературного языка подвергается некоторым изменениям. Произошла известная архаизация письма в результате редактирования церковных книг и восстановления устаревших способов написания слов. В этот тип языка глубоко проникают кальки с греческого, построенные по образцу греческих конструкций обороты. «Приводились в движение и ставились в новые соотношения элементы системы славянизированного типа» (8, стр. 101). В. В. Виноградов указывает на то, что в многих произведениях, связанных со стилистическими традициями второго южнославянского влияния, устранились отражения разговорной и диалектной речи. Слова с экспрессией разговорности или диалектной окраской заменяются книжными оборотами. Так, напр., в «Житии Михаила Клопского» (Тучковская редакция, 1537) слово *сенцы* уступает место слову *преддверие*, фраза «пойде вода и ударится с упругом из земли» у Тучкова читается так: «Изыде вода выспрь, яко трубою». Вместо *тоня*, *налога*, *ширинка* употребляются *мрежа*, *нужа*, *убрус* (8, стр. 101—102). Тучков опускает целый ряд слов и выражений, напр.: *жары*, *жонка*, *назем*, *с тех мест* и т.д.

Новый витийственный стиль «плетение словес» оказал заметное влияние на манеру изложения, на стилистические приемы употребления речевых единиц. Особенности этого стиля подробно проанализированы Д. С. Лихачевым. «Плетение словес», подчеркивает Д. С. Лихачев, основано на внимательном отношении к слову, к его звуковой стороне (аллитерации, ассонансы и т.п.), к этимологии слова (сочетание однокоренных слов, ср. *насытите сытых до сытости*), к тонкостям его семантики (напр. сочетания синонимические, тавтологические и пр.), на любви к словесным новообразованиям, составным словам, калькам с греческого и т.д. Язык высокой церковнославянской литературы средневековья обособлен от бытовой речи. Он должен был быть приподнятым и в известной мере абстрактным. Привычные ассоциации высокого литературного языка средневековья характерны тем, что они отделены от обыденной речи, возвышены над нею и оторваны от конкретного быта и бытовой речи. Отсюда, переходящее через все средневековье стремление сделать язык высокой литературы языком «священным», ученым, не всем доступным. Из таких произведений по возможности изгонялась бытовая, политическая, военная, экономическая, юридическая и т.д. терминология, ср. вместо *посадник — владетелин той земли, вельможа некий, стратиг* и пр. (24, стр. 52—54). Избегаются собственные имена и «грубые», «ззорные» слова. Внутри книжно-славянского типа разрабатывается тонкая и сложная, по словам В. В. Виноградова, синонимика церковнославянских слов и оборотов, придающая стилю повышенную экспрессивность. Синонимы вы-

страиваются в цепи присоединений и перечислений. «Перечени синонимических или относящихся к одной и той же семантической сфере слов и перифраз создают словесную «сытость» или полноту стиля (ср. в «Житии Стефана Пермского»: *кумиры глухи, болваны безгласны, истуканы бессловесны* и т.п.)» (8, стр. 103). Характерными приметами этого стиля являются также пристрастие к обветшалым церковнославянизмам и обилие условно-приподнятых трафаретов и цитат из церковно-богослужебной литературы; широкое употребление отвлеченной лексики, сложных слов искусственного книжного характера с церковнославянскими словообразовательными элементами и разного рода неологизмов; частое использование восклицаний, внутренних монологов; повтораемость образов, сравнений, эпитетов, метафор и т.п. Игра слов, их «извитие» должна придать изложению значительность, ученость и приподнятость.

Развитие книжно-славянского типа русского литературного языка привело к такому его обогащению, подчеркивала В. А. Перетц, что в XIV в. южнославянские реформаторы литературного языка предлагали взять за образец русский литературный язык того времени, признавая его наиболее совершенным (3, стр. II). Они признавали конструктивной основой нового общеславянского церковно-книжного языка именно русскую книжную его редакцию. Показательно, что сделанные в период второго южнославянского влияния переводы с греческого, независимо от их языка, обыкновенно называются в русских списках переводами на русский язык. Очевидно, книжно-славянский тип русского литературного языка и русская народная речь осознавались как типы единого русского языка, употребление которых было обусловлено характером эстетических, стилистических и идеологических заданий.

Расхождения между архаизованным книжно-славянским типом русского литературного языка, расширившим свои жанровые рамки и функции в данную эпоху, и быстро изменяющимся общеразговорным языком великорусской народности все больше углублялись. Это дает основание многим исследователям говорить о «двуязычии» Московской Руси: книжный, церковнославянский язык и живая, народная речь достаточно четко противопоставлены друг другу (23, стр. 78).

Необходимо иметь в виду, однако, что в среде демократических кругов общества высокий славянизированный слог насыщался некоторыми элементами живой народно-разговорной речи, фольклора и новообразований, которые обогащали его ресурсы. Следовательно, книжно-славянский тип русского литературного языка не был единен в различных произведениях, которые ориентировались на его использование.

Образцами книжно-славянского типа русского литературного языка являются такие произведения конца XIV — начала XVI в., как «Житие Стефана Пермского» и «Житие Сергия Радонежского» Епифания Премудрого, анонимная повесть «Слово о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича» (Житие Дмитрия Донского), «Повесть о взятии Царьграда» Нестора Искандера, «Повесть о путе-

шествии Иоанна Новгородского на бесе в Иерусалим», «Повесть о Вавилон граде», «Сказание о князех Владимирских», «Повесть о Новгородском белом клобуке» и др.

См. отрывок из «Жития Стефана Пермского», написанного Епифанием Премудром: «Се уже секира при корени древа лежит; всяко древо, не творящее плода добра, посекаемо бывает и во огонь вметаемо; боюся господя, рекшего: «всякую розгу, не творящую о мне плода, собирают и в огонь влагают и згарают»; боюся апостолу глаголющу: «не послушницы (слушатели) закона правы будут, но делатели» . . . «Того ради с доброгласением молю вы и с умилением припадаю, и со смиренномудрием мил ся дею (умоляю)» . . . »

См. отрывок из «Слова о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича»: «Что ли нареку день той, день многия туги и скорби, и слез и вздыхания? Народ глаголаше: «О горе нам, братие! Царь царем умре, господин владычествующим, солнце помрачается . . . Кому уподоблю великого сего князя Дмитрия Ивановича, царя Русския земля, и настольника великому княжению, и собирателя христианского? Приидите любимци, церковнии друзи, к похвалению словеси, по достоянию похвалити держателя земли Русской. Ангела ли ты нареку? но во плоти сущи ангелски положил еси. Человека ли? но выше человеческого существа дело совершил еси» . . . »

См. отрывок из «Повести о путешествии Иоанна Новгородского на бесе в Иерусалим»: «Святый же рече: «кто еси и како семо приде?» Дьявол же рече: «аз есмь бес лукавый; и придох смутити тя, мнях бо, яко человек устрашишия и от молитвы упразднишия; ты же мя зле заключи в сосуде сем; со бо яко огнем палим есмь зело: горе мне окаянному! како прелстихся, како внидох семо: недоумеюся! Ныне же пусти мя, рабе божий, и отселе не имам приити семо!» . . . »

См. отрывок из «Повести о взятии Царьграда»: «Сам поиде со всеми чины врат своих во врата святого Романа к великой церкви, в нюже бяху собраны патриарх и весь клирик . . . Пришед на поле у великия церкви, слезе с коня и пад на землю лицом, взя персть и посыпа главу, благодаряще бога и почюдився оному великому зданию . . . »

См. отрывок из «Сказания о князех Владимирских»: «От своя же царския выя снимает животворящий крест от самого животворящего древа, на немже распяты владыка Христос, снимает же от своя главы царский венец и поставляет его на блюде злате; повелевает же принести крабейцу сердоликову . . . »

См. отрывок из «Повести о Новгородском белом клобуке»: «И плувшим им по морю пять дний, и яко в полунощи всех сон объят, и приде глас глаголяще сице: «Иеремее! Утвержайся о господе бозе; и почитай святая честне, и храни еже носиши, спасен будеши от моря». Иеремея же услышав глас и воспрянув от сна . . . »

В этих небольших отрывках нашли известное отражение основные особенности книжно-славянского типа русского литературного языка в XIV—XVI вв.: последовательное использование церковнославянизмов в случаях, где был возможен выбор между ними и русскими соответствиями, ср. *древо, глаголющу, рече, аз, семо, яко, злате* и пр.; пре-

имущественное употребление старых грамматических форм (спряжения, склонения), одинаковых в древнерусском и церковнославянском языках в киевский период, но в данную эпоху подвергнутые изменениям в народной русской речи, ср. *вы* (вас), *носиши*, *Иеремее*, *придох*, *совершил еси*, *князех* и пр.; развитость синтаксического строя, который отличался богатством разнообразных типов сложных предложений, конструкций, подчинительных связей и т.д.; широкое использование книжной, абстрактной лексики, сложных слов, книжных новообразований, заимствованных из греческого и других языков слов и т.п., ср. *доброглашением*, *смиреномудрием*, *существа*, *патриарх*, *клирик* и др.; привлечение значительного лексико-фразеологического пласта, семантически связанного с религиозной сферой, ср. *молитвы*, *апостола*, *животворящий крест*, *святой* и т.д.; частое употребление слов и выражений в переносном, отвлеченном, метафорическом значении, ср. *не послушницы закона правы будут, но делатели* и др.; богатая система средств художественной изобразительности, которая в зависимости от манеры изложения внутри самого книжно-славянского типа была более или менее выразительной. В эпоху второго южнославянского влияния в книжно-славянском типе наблюдается очень оригинальное и интересное использование «плетения, извилия словес». Авторы прибегали, как уже подчеркивалось, к тавтологическим оборотам, внутренним монологам, восклицаниям, к нагромождению синонимических конструкций, сложных сравнений, перифраз и т.п., ср. *с умилением припадаю, со смиреномудрием мил мя дею; день многия туги и скорби, и слез и вздыхания и пр.*

Итак, книжно-славянский тип русского литературного языка и в период XIV—XVI вв. продолжает предшествоующие традиции древнерусского литературного языка. Наряду с этим в его развитии наблюдаются некоторые характерные новые черты: а) расширение его жанровых рамок и сфер употребления в литературе повествовательной и исторической; б) обогащение его лексико-фразеологических, семантических и стилистических ресурсов; в) развитие внутри его системы нового слога, литературного стиля (манеры изложения) «плетение словес»; г) возрождение и активизация в результате второго южнославянского влияния некоторых обветшалых или редко употребительных церковнославянизмов, архаизация орфографии, сохранение грамматических форм и конструкций, которые в киевский период были употребительны как в книжно-славянском типе, так и в народном русском языке, а в московский период уже выходили из употребления в народно-разговорном языке; д) углубление в результате этого расхождений между книжно-славянским типом (и в более широком аспекте между литературным языком) и народно-разговорной речью.

§ 4. НАРОДНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ТИП РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА В XIV — НАЧАЛЕ XVI в.

В период XIV—XVI вв. в системе русского литературного языка все еще выделяется и народно-литературный тип. В соответствии со своей народной русской основой, тесно связанной с народно-поэтическим языком, он продолжал функционировать в связи с живой народной речью и фольклором, используя так же и традиции книжно-славянского типа.

Некоторые историки русского языка считают, что в условиях широкого распространения книжно-славянского типа литературного языка в эпоху второго южнославянского влияния и углубления расхождений между литературным языком и народным языком «исчезла основа для развития того светско-литературного стиля литературного языка, характерной особенностью которого было органическое слияние, переплетение живой русской речи и элементов книжного языка» (23, стр. 78). Г. О. Винокур отмечал, что по сравнению с первой эпохой письменности в стилистической системе русского литературного языка московского периода «недостает среднего члена, то есть такого стиля письменной речи, который представлял бы собой результат скрещивания» (10, стр. 67) книжно-славянского и делового типов русского языка.

Неясны контуры этого типа литературного языка в работе А. И. Ефимова (15). Бегло представлены они и в работах В. В. Виноградова (8), А. И. Горшкова (11) и др. Очевидно, этот период функционального столкновения и перераспределения сфер употребления между книжно-славянским и народно-литературным типом русского литературного языка остается во многом еще неопределенным. Вообще, соотношение и противопоставление основных двух типов литературного языка, писал В. В. Виноградов, в эту эпоху осложнено все усиливающимся разнообразием стилистических форм и разновидностей литературной речи, возникающих в результате их взаимодействия и смещения (7, стр. 12). По существу народно-литературный и книжно-славянский типы литературного языка не были ясно противопоставлены. Язык ряда художественных и публицистических произведений, а также и сочинения исторического характера сближался с языком церковной, религиозной и научной литературы. И все же в этот период были созданы произведения, которые дают основание считать, что народно-литературный тип как определенная система выражения функционировал и сохранил свои главные особенности и в XIV—XVI вв. Безусловно, стилистические отношения в эту эпоху были уже другими по сравнению с киевским периодом. Место народно-литературного типа в системе литературного языка и сами приемы взаимодействия с книжно-славянским типом в киевский период, в условиях большей близости между письменно-литературным языком и живой народной речью, были иными, чем позже, в московский период, в условиях расхождения между ними.

Н а р о д н о - л и т е р а т у р н ы й т и п я з ы к а в X I V — X V I в в . сохранил до известной степени традиции киевской эпохи. В резуль-

тате этого он долго использовал и многие особенности, уже утраченные в народно-разговорном языке, напр. старые формы склонения, спряжения, старую систему прошедших времен и т.д. В народно-литературном типе, как и в киевский период, свободно использовались церковнославянизмы. Второе южнославянское влияние оказало известное воздействие и в этом отношении. Использование церковнославянизмов в случаях, где был возможен выбор между церковнославянскими и русскими единицами, расширяется, но активизация в употреблении церковнославянизмов представлена неравномерно в отдельных памятниках народно-литературного типа языка. Второе южнославянское влияние нашло отражение и в известном усложнении орфографии. Эти черты сближают народно-литературный тип языка с книжно-славянским типом (11, стр. 113). В то же время в народно-литературном типе не нашла особого отражения риторическая манера изложения «плетение словес». Вообще манеры изложения внутри каждого типа разнообразные, но в смысле риторики, пышности, витийства и изукрашенного «плетения словес» народно-литературный тип языка оставался независимым. Лексика и фразеология, отражающие русскую действительность новой эпохи, использование некоторых свойств синтаксиса народно-разговорного языка и тесные связи как с народно-поэтическим словесным творчеством и деловой речью, так и с книжно-славянским типом языка определили облик народно-разговорного типа русского литературного языка. Главные новые тенденции, обнаруживающиеся в его развитии в XIV—XVI вв. в основных чертах сводятся к более глубокому взаимодействию и взаимопроникновению с книжно-славянским типом литературного языка, к известному сужению сфер его функционирования, к дальнейшему сближению с языком деловой письменности и с народным языком, к проникновению и распространению новой лексики и фразеологии, отражающих развитие русской действительности.

Народно-литературный тип русского литературного языка продолжал функционировать частично в жанрах художественной и историко-повествовательной литературы, как напр. «Задонщина», «Сказание о Мамаевом побоище», «Хождение за три моря» Афанасия Никитина, «Повесть о Петре и Февронии», «Повесть о Мутьянском воеводе Дракуле», «Сказание о Псковском взятии» и т.д.

См. отрывок из «Задонщины»: «И тогда яко сокол отлетеша на быстрый Дон. То те не соколи полетеша за быстрый Дон, поскакивает князь Дмитрий со своими полки за Дон со своею силою. И рече: «... Наступаем, брате, со своими сильными полки на рать поганых». Тогда князь поля наступает. Гремят мечи булатные о шеломы хиновския, поганый покрывша руками главы своа».

См. отрывок из «Хождения за три моря»: «И тут есть Индейская страна, и люди ходят все наги, а голова непокрыта, а груди голы, а волосы в одну косу плетены, а все ходят брюхаты, дети родят на всякий год, а детей у них много, а мужи и жены все черны; яз куды хожу, ино за мною людей много, дивятся белому человеку. А князь их — фота на голове, другаа — на бедрах; а бояре у них ходят — фота на плеще, а другаа на бедрах».

См. отрывок из «Повести о Петре и Февронии»: «Они же злочестивии бояре даша им суды на реце, — бяше бо градом тем река, глаголаемая Ока. Они же пловуще по реце в судех. Некто же бе человек у блаженныя княгини Февронии в судне, его и жена в том же судне бысть. Той же человек, приим помысл от лукаваго беса, возрев на святую с помыслом».

См. отрывок из «Повести о Мутьянском воеводе Дракуле»: «Некогда же прииде купец гость некий от Угорския земли в его граде. И по его заповеди остави воз свои на улице града пред полатою и товар свои на возе, а сам спаше в полате. И пришед некто, украде с воза 160 дукат злата».

См. отрывок из «Сказания о Псковском взятии»: «И в ту пору псковичем сердце уныло, а на четвертый день по той грамоте поехали к Новгороду 9 посадников, да и купецкие старосты всех рядов, а князь великий управы им никакой не даст, а говорит так: «копитесь вы, жалобные люди, на крещение господне, и яз вам управу подаю»...»

Эти небольшие отрывки дают в самых общих чертах некоторое представление о главных особенностях, характерных для народно-литературного типа языка в XIV—XVI вв., которые в одних случаях сводятся к продолжению старых традиций, а в других — раскрывают новые тенденции развития этого типа. Можно отметить следующие особенности: свободное использование как церковнославянизмов, так и соответствующих русизмов в тех случаях, где был возможен выбор между церковнославянскими и русскими единицами, ср. *яко, рече, главы, градом* и пр., с одной стороны и *шеломы, голова, волосы, хожу, я* и пр., с другой; связь народно-литературного типа языка с устно-поэтическими традициями, которые используются неравномерно в различных памятниках, ср. *быстрый Дон, то не соколи полетеша* и пр.; широкое употребление лексики, которая отличается своим конкретным, «предметным» характером, ср. *люди, голова, воз, купец* и т.д.; преобладание лексики и фразеологии, семантически связанной с конкретной русской действительностью, ср. *купецкие старости, управу подаю, посадники* и пр.; средства художественной выразительности, созданные на базе этой лексики; синтаксический строй, отражающий традиции живой народно-разговорной речи, а также народно-поэтического творчества, до известной степени и традиции книжного языка; отсутствие пышных риторических украшений слога; использование по традиции и в результате более углубленных связей с книжно-славянским типом литературного языка ряда книжно-архаических грамматических форм, ср. на *реце, спаше*, со своими *полки, в судех* и пр.; отражение, хотя и в ограниченных рамках, новых грамматических форм, которые проникли из живого народного языка и указывают на постепенное сближение народно-литературного типа языка с народным языком, ср. *детей, посадников, рядов, бояре* и пр.; наличие определенного слоя лексики и фразеологии, отражающих развитие русской действительности, ср. *князь великий, жалобные люди* и пр.; дальнейшее сближение с языком деловой письменности, ср. распространение слов и оборотов типа *управу подаю, купецкие старости* и т.д.

Итак, сферы функционирования народно-литературного типа русского литературного языка в XIV—XVI вв. сужаются, но его контуры очерчены в системе литературного языка. Взаимодействие этого типа литературного языка с остальными типами (и особенно с книжно-славянским) углубляются, но он сохраняет живые связи с народной речью и отражает некоторые ее изменения.

§ 5. ДЕЛОВОЙ ТИП ПИСЬМЕННО-ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА В XIV — НАЧАЛЕ XVI в.

Традиции делового типа письменно-литературного языка Киевской Руси, культивировавшегося с XII в. в Северо-Восточной Руси, продолжают развиваться и в Москве с XIV в. Интенсивное экономическое, политическое и культурное развитие молодого Русского государства влекло за собой расширение сфер употребления делового типа письменно-литературного языка и его дальнейшее развитие. Он обслуживал все возрастающие потребности усложнявшейся государственной переписки, делопроизводства, законодательства, судопроизводства и т.п. Московской Руси. Д е л о в о й («приказный» от названия канцелярий — приказов) тип письменно-литературного языка развивался на основе московского говора. Он вбирал в себя как элементы говора Москвы и диалектов окружающей его этнографической среды (7, стр. II), так и элементы живого разговорного народного языка. Однако, как и всякий письменный язык, деловой тип письменно-литературного языка Московской Руси отличался известной литературной обработкой, организованностью и нормализацией. Он служил прежде всего для выражения разного рода правовых актов, отражающих все более усложняющиеся общественные отношения. «Поэтому деловой язык Русского государства XV—XVI вв. не может быть принят за непосредственное и полное отражение живой общенародной речи своего времени» (2, стр. 38).

В начальный период функционирования делового типа письменно-литературного языка Московского государства заметное влияние на его развитие оказывали традиции делового типа письменно-литературного языка Киевской Руси. В силу традиционности многих жанров письменности одни и те же застывшие сочетания и формулы, фразеологические обороты, писал В. В. Виноградов, передавались из столетия в столетие (9, стр. 19). Как и в Киевской Руси, в деловом типе письменно-литературного языка Московской Руси наблюдается: преимущественное использование русизмов в случаях, где был возможен выбор между ними и соответствующими церковнославянизмами; очень слабая связь с традицией церковнославянского языка; церковнославянизмы представлены в нем лишь отдельными единицами, устойчивыми зачинами и концовками; наличие разнообразной, преимущественно русской по происхождению, терминологии (юридической, торговой, государственно-административной и т.п.); морфологические и синтаксические особенности, отражающие главные черты народной

речи; частое использование, как и в живом народном языке, выражения синтаксических отношений путем простого соположения соотносящихся элементов, без формального выражения синтаксической зависимости одного от другого (паратакис), напр. «надеюсь, ты знаешь» (ср. надеюсь, что ты знаешь); повторения определяемых слов, предлогов, напр. «Из села из Федороского»; употребление именительного прямого объекта при инфинитиве, напр. *дать полтина* и еще ряд других синтаксических явлений делового типа письменно-литературного языка.

Наряду с этим именно в деловом типе письменно-литературного языка Московской Руси раньше всего нашли отражение изменения в произносительных нормах, в словарном составе и в грамматическом строе русского языка.

В орфографии деловой письменности нашла отражение такая яркая черта, как аканье, закрепившееся к XVI в. в московском говоре. Памятники деловой письменности Московской Руси фиксируют появление ряда новых слов и устойчивых словосочетаний с терминологическим значением, а также употребление некоторых слов с новыми значениями. Исследователями приводятся такие слова, как *пашня*, *бархат*, *мельник*, *кружево*, *изба*, *крестьянин*, *блюдец*, *пуговица* и т.д.; устойчивые сочетания типа *целование служити*; *приезжати торгом*; *держати суд*; *держати нелюбие*; *челом бити*; *ходити по грамоте*; *хлеб заемный*; *суд обчий*; *грамота деловая*; *земля черная* и др. (12, стр. 3—7); слова с новыми значениями, ср. *очистити* (выяснить, установить принадлежность тому или другому феодалу), *знати* (исполнять и быть подведомственным), *стѣхати* (перейти от одного князя к другому), *жаловать* (благоприятствовать) и т.п.

В памятниках деловой письменности Московской Руси нашло отражение постепенное развитие грамматического строя русского языка. Так, напр., в них воплощена изменяющаяся система склонения существительных (появление унифицированных форм *-ам*, *-ами*, *-ах* в дат., твор., предл. падежах множественного числа существительных); рост форм на *-у* наряду со старыми *-а* и *-е* в род. и предл. падежах ед. числа существительных мужского рода; новая система прошедших времен с универсальной формой прошедшего времени, развившейся из старого перфекта и т.д. Использование некоторых старых грамматических форм и вообще архаических элементов в деловой письменности Московской Руси связано с традициями делового языка Киевской Руси и с известным воздействием книжного языка, ср. окончание *-ом* в дат. падеже множ. числа существительных мужского и среднего рода, окончание *-ы* в твор. падеже множ. числа существительных мужского и среднего рода и др.

Особенности делового типа письменно-литературного языка Московского государства (в XIV — начале XVI в.) представлены в разнообразных московских, новгородских, псковских, двинских грамотах, напр. «Духовная грамота Московского князя Ивана Даниловича Калиты» (1327—1328), «Духовная грамота Московского князя Дмитрия Ивановича» (до 1378), «Правая грамота Троицкому Сергиеву монастырю на Верхний и Долгий новолоки в Костромском уезде» (около 1490),

«Грамота Новгородских наместников Ивана и Василия в Юрьев» (XIV—XV вв.), «Грамота Псковского князя Ивана Александровича» (1463—1465), «Двинские грамоты» (XV в.) и т.д.; эти особенности представлены также и в так называемых «Судебниках» и др.

См. отрывок из «Духовной грамоты Московского князя Ивана Даниловича Калиты»: «... а что есмь придобыл золото что ми дал бог и коробочку золотую а то есмь дал княгини своей с меньшими детьми. А ис порт из моих сыну моему Семену кожух черленый женчужный».

См. отрывок из «Опасной грамоты Феодосия Новгородскому архиепископу Ионе для приезда в Москву»: (1462) «... и яз, по вашему челобитью, дал сию грамоту опасную архиепископу Новагорода и Пскова владыце Ионе, что ему ко мне приехати и отъехати добровольно, по божию изволению».

См. отрывок из «Псковской судной грамоты» (XV в.): «... да и межников возмут, и тои отведут у стариков по своей купной грамоте свою часть, ино ему правда дати на своей части, а целованью быть одному, а поцелует во всех сябров, ино и ему судница дать на часть, на которой поцелует».

См. отрывок из «Двинских грамот»: «Се купи игумен Василей и Родивон стареч и вси чернци Никольский село на Лукини береги за озером у Григория у Иванова сына дворище...»

См. отрывок из «Судебника» (1497): «А который человек умрет без духовные грамоты, а не будет у него сына, ино статок весь и земли дочери; а не будет у него дочери, ино взяти ближнему от его рода».

Даже и на материале этих небольших отрывков можно прийти к выводу, что в развитии делового типа письменно-литературного языка Московского государства, который формировался на основе московского говора (XIV—XVII вв.), сказались преемственность и традиция делового типа письменно-литературного языка Киевской Руси. Они нашли выражение, в преимущественном употреблении русизмов в случаях, где был возможен выбор между ними и соответствующими церковнославянизмами, ср. *золото, коробочку, стариков, береги, озеро, дочери* и пр.; в наличии семантически ограниченной конкретной, «предметной» лексики и терминологии, относящихся главным образом к сфере общественно-политической жизни, деловых отношений, судопроизводства и т.п., ср. *село, кожух, челобитью, наместник, купной грамоте, грамоту опасную* и т.д.; в употреблении простых синтаксических конструкций, в повторении предлогов и определяемых слов, в использовании именительного прямого объекта при инфинитиве и пр., ср. «а целованью быть одному, а поцелует во всех сябров, ино ему и судница дать...»; «у Григория у Иванова» и др.; в отсутствии метафоричности и художественно-образительных средств; в наличии некоторых традиционных книжных элементов (главным образом в зачинах или концовках), ср. *се купи, есмь дал* и пр. В указанных отрывках нашли отражение и новые грамматические формы и лексические единицы, напр.: *от наместников; к послам; за озером; у дочери; дать; судница дать; межников; сябров* и пр. Новая богатая юридическая терминология не только отражалась, но и в значительной мере вырабатывалась в деловой письменности Москвы.

Нет сомнения, что в деловом типе письменно-литературного языка Русского государства происходил известный отбор языковых средств из живой речи, обусловленный наличием его связей с определенными литературными традициями. Эти традиции проявляются не только в орфографии, но и в лексике (использование книжных слов), в морфологии (употребление книжных форм), в синтаксисе (выработка различных способов подчинительных связей). Говоря о книжном влиянии в деловом типе, мы должны учитывать и его неравномерность в разных жанрах деловой письменности. Так, напр., духовные грамоты подвержены этому влиянию в большей степени, светские грамоты (договорные, купчие, жалованные, правые, спасные, отводные и пр.) ближе к разговорной речи. Вообще, грамоты «менее нормализованы, чем крупные документы типа судебных» (23, стр. 94).

Деловой тип письменно-литературного языка Московского государства сыграл важную роль в дальнейшем развитии русского литературного языка. Деловой тип ясно выделяется в его системе. В период XIV—XVI вв. деловой тип письменно-литературного языка постепенно расширяет сферы функционирования. В нем раньше всего находят отражение изменения в живом народном языке.

Итак, в эпоху XIV—XVI вв. происходят существенные изменения как в системе древнерусского народного языка, так и в системе русского литературного языка.

В эту эпоху на базе старой общей древневосточнославянской народности формируются и развиваются три восточнославянские народности (великорусская или русская, украинская и белорусская), а вместе с тем и три языка этих народностей (великорусский или русский, украинский и белорусский).

В языке великорусской (русской) народности, который, несмотря на свое диалектное многообразие, был единым в свих элементах фонетической системы, грамматического строя и словарного состава, происходят значительные изменения. Они находят отражение в литературном языке.

Система трех типов русского литературного языка сохраняется и в XIV—XVI вв. Киевские традиции литературного языка продолжают. Но по сравнению с киевским периодом в этой системе происходят тоже существенные изменения.

В результате второго южнославянского влияния, которое оказалось созвучным внутренним тенденциям развития идеологической и культурной жизни Московского государства, книжно-славянский тип, с одной стороны, получает широкое распространение и раздвигает свои жанровые рамки, а, с другой, подвергается известной архаизации, приводящей к определенному отрыву его от живого народного языка.

В условиях широкого распространения книжно-славянского типа народно-литературный тип языка сужает сферы употребления. Его связи с книжно-славянским типом углубляются. Наряду с этим живые связи с народной речью сохраняются и ее изменения находят известное отражение в нем.

Изменения в живом народном языке находят более полное отражение в деловом типе письменно-литературного языка. Деловой тип подвергается дальнейшей литературной обработке и взаимодействию с остальными типами литературного языка.

§ 6. ПИСЬМЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА В XVI — НАЧАЛЕ XVII в.

Три типа письменно-литературного языка продолжают функционировать и в XVI — начале XVII в. Особые изменения в их структуре и в сферах функционирования еще не наблюдаются. Но на фоне общего развития общественной жизни русского народа и его языка этот отрезок времени выделяется некоторыми своими особенностями.

Именно в XVI — начале XVII в. создаются исторические предпосылки для преобразования великорусской народности в нацию. В XVI в. происходит объединение территорий, занимаемых великорусской народностью. В конце XVI — начале XVII в. завершается государственное устройство великорусской территории со строго централизованной и вместе с тем разветвленной системой местного управления, вытеснившей права верховной власти местных феодалов. Тогда возникают предпосылки для образования всероссийского рынка. «Разбросанные по всей территории Русского государства городские и сельские рынки связаны между собой непрерывным товарообменом» (5, стр. 41—42).

В этих условиях объединения территорий, развития государства, выхода торговли за рамки феодальных границ, складывания единого всероссийского рынка и консолидации нравов и воззрений создаются и исторические предпосылки для образования единой системы национального общенародного разговорного языка. Возникают некоторые изменения в соотношении диалектов. В XV—XVI вв. при образовании централизованного государства к Москве постоянно присоединяются многие другие южновеликорусские территории. Ростово-суздальский диалект постепенно утрачивает свое ведущее значение в дальнейшем развитии русского языка. Ведущее значение приобретает московский говор, северновеликорусский по своему происхождению, который с течением времени проникается южновеликорусскими элементами и развивается в средневеликорусский (2, стр. 40). Московская разговорная речь с ее средневеликорусским обликом и в ее сложном многообразии оказывается одним из существенных факторов, важной предпосылкой в процессе формирования общенародного разговорного языка. Она оказывает заметное влияние на развитие делового типа письменно-литературного языка и на местные диалекты. Под ее воздействием и на ее основе постепенно начинают формироваться нормы национального языка. Таким образом в этот период возникают начальные процессы образования общенародного, национального языка. «Закрепленный на письме и обработанный на основе предшествующей традиции развития народно-литературного типа языка, такой общенародный язык посте-

ленно расширяет свои не только государственные, но и общественные и литературные функции, воспринимая и перерабатывая как любые влияния диалектов, особенно в сфере словаря, так и книжно-литературную стихию (8, стр. 125).

В этот период возникают и предпосылки образования новой системы трех стилей русского литературного языка. Эта система «начинает складываться на почве урегулирования соотношения славянизмов и русизмов» (7, стр. 13), на базе образования синонимических соответствий в структуре древнерусского литературного языка донациональной эпохи. В процессе взаимодействия книжно-славянского и народно-литературного типов, а также частично и делового типа письменно-литературного языка, с одной стороны, и взаимодействия системы письменно-литературного языка (главным образом его народно-литературный и деловой типы) с системой народно-разговорного языка, с другой, возникают разнообразные формы грамматической и лексико-фразеологической синонимии между ними. В лексиконе Ф. Поликарпова «Лексикон трехязычный...» (1704) нередко для церковнославянизмов приводятся синонимические параллели из живого русского языка, ср. *виллица* — небольшая вилка; *вопреки* — противно; *вратарь* — приворотник, сторож; *главоболие* — головная боль; *говядарь* — пастух над рогатым скотом; *дивый* — лесной, дикий; *днесь* — ныне; *жеребий* — жеребий, доля; *зле* — худо; *како* — как, каким образом; *ковач* — кузнец; *кокши* — курица; *ланица* — щека; *ластовица* — ласточка; *лжа* — ложь; *мраз* — мороз; *мышца* — плечо; *младость* — молодость; *рамо* — плечо; *срачица* — рубаха; *слана* — роса смерзлая; *славий* — соловей; *рыбарь* — рыбак; *смад* — вонь и т.д. Процесс образования системы трех стилей сопровождался и формированием общего структурно-грамматического и словарного ядра литературного языка на народной великорусской речевой основе, но с широкими расходящимися кругами синонимических и других соответствий (8, стр. 120).

В такой ситуации в XVI — начале XVII в. функционирует и развивается русский литературный язык и его типы.

§ 7. КНИЖНО-СЛАВЯНСКИЙ ТИП ПИСЬМЕННО-ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА В XVI — НАЧАЛЕ XVII в.

В XVI — начале XVII в. были созданы ряд произведений, которые ориентировались на книжно-славянский тип языка. Сферы функционирования этого типа литературного языка были все еще широкими. Он представлен как в церковно-религиозной, нравоучительной, философской, проповеднической литературе, так и в научной, частично в исторической, повествовательной, публицистической и пр. литературе. Характер литературы, которая отражала идейную атмосферу этой эпохи, поддерживал использование книжно-славянского типа. Величие и непререкаемость политических и религиозных ценностей, по словам Н. К. Гудзия, прочно и незыблемо закрепившихся в собравшем всю

русскую землю Московском государстве, их превосходство, несмотря на сознание частных недостатков в жизненной практике, над всем тем, что создавалось когда-либо в других землях, явились руководящими мотивами русской литературы XVI в. Ценности эти осознавались как полное и законченное выражение и воплощение традиций, которые вели свое начало от исконной старины — от героического прошлого Киевской Руси, мыслившегося как органическое преддверие к Московскому царству (13, стр. 335). Литературные произведения, созданные в эту эпоху, возвеличали и закрепляли московские политические и церковные традиции. Отсюда и торжественная риторичность изложения в многих культурно-исторических памятниках этого времени.

Образцы книжно-славянского типа русского литературного языка можно найти в таких произведениях XVI — начала XVII в., как «Слова и Послания» (догматические, поучительные, нравоучительные, полемические, публицистические, лирические, похвальные и пр.) Максима Грека, «Слова и Послания» (догматическо-обрядовые и нравственно-бытовые) митрополита Даниила, «Великие Четьи Миней» митрополита Макария (это грандиозное двенадцатитомное собрание наличной духовно-религиозной литературы собрал в себя книги «священного писания», патристическую литературу, проповедь, поучения и т.д.), «Книга степенна царскаго родословия», составленная, видимо, царским духовником Афанасием (располагала свой материал по степеням великокняжеских колен), «Письма к Ивану Грозному» и «История о великом князе Московском» князя Андрея Курбского, «Беседа преподобных Сергия и Германа, Валаамских чудотворцев», «Повесть о приходе короля литовского Стефана Батория в лето 7085 (1577) на великий и славный град Псков» («Повесть об осаде Пскова Стефаном Баторием»), «Повесть о смерти воеводы М. В. Скопина-Шуйского и др.

См. отрывок из «Слова инока Максима Грека, пространне излагающего, с жалостию, нестрения и бесчиния царей и властей последнего жития»: «Слыши убо внятно, елика желаеши слышати от мене. Аз убо, о преходниче, едина есмь от благородных и славных дочерей всех царя и создателя и владыки, от негоже сходит всяко деяние благо и всяк дар совершен на сыны человеческия, ищущих его всякими праведными деянии и чистым житием, от негоже всяко отечествие на небеси и на земли».

См. отрывок из «Поучения» (Наказания 12) митрополита Даниила: «Господь заповеда река: «Блюдите, да не отягчают сердца ваша обидением и пианством». Ты же обидеаешия яко скот и пианствуеши день и нощь, многажды до блевания, яко же и главою болети и умом пленитися. Нещь сие христианскаго закона, нещь сие ищущих царства небеснаго».

См. отрывок из «Книги степенной царскаго родословия»: «Днесь во преславном граде Москве у великого князя Василия Васильевича родился сын, князь великий Тимофей, сущее же имя ему Иван. И той будет всему Российскому царствию наследник и всем окрестным страшен будет и сего вашего Великаго Новяграда обладает и гордыню вашу упряднит».

См. отрывок из «Краткого отвещания князя Андрея Курбского на зело широкую епистолию великого князя Московского»: «И умыслих и лучше рассудих зде в молчании пребыти, а тамо глаголати пред маестатом Христа моего со дерзновением, вкупе со всеми избиенными и сгонимыми от тебя, яко и Соломон рече: «тогда, рече, станут праведнии пред лицем мучащих», — тогда, егда Христос приидет судити, и возглаголют со многим дерзновением со мучащими или обидящими их».

См. отрывок из «Повести об осаде Пскова Стефаном Баторием»: «Приближение же свое до Пскова увидевши, яко нестьтый ад пропасня своя челюсти роскидаше и оттоеле града Пскова поглтити хотяше. Спешне же и радостнее ко Пскову, яко из великих пещер лютому и великому змию летеще, стражилицами же своими, яко искры огненными и дым темен на Псков летяше».

Изучение языка данных небольших отрывков дает известные основания утверждать, что традиции книжно-славянского типа литературного языка живы и в XVI в., что его жанровые рамки оставались расширенными, что витийственный стиль «плетение словес» продолжал оказывать некоторое воздействие на отдельные жанры литературы (напр. жития, проповеди и т.д.). В этих отрывках нашли отражение основные особенности книжно-славянского типа: последовательное использование церковнославянизмов в случаях, где был возможен выбор между ними и русскими соответствиями, ср. *елико, аз, дочерей, яко, главою, днесь, нощь* и пр.; преимущественное употребление старых грамматических форм (спряжения, склонения и пр.), ср. *желаеши, слышати, умыслих, преходниче* и пр.; развитость синтаксического строя, который отличался богатством разнообразных типов сложных предложений, подчинительных связей, причастных оборотов и других конструкций; широкое использование книжной, абстрактной лексики, сложных слов, книжных новообразований и др., ср. *рассудих, гордыню, маестатом, дерзновением* и др.; привлечение значительного лексико-фразеологического пласта, семантически связанного со сферой культа, ср. *владыка, господь, христианскаго закона* и т.д.; частое использование слов и выражений в переносном, отвлеченно-метафорическом значении, ср. *умом пленитися, гордыню вашу упряднит* и др.; богатая система средств художественной выразительности (символы, сравнения, эпитеты и пр.), ср. *яко нестьтый ад, яко искры огненными* и пр.

Расхождения между книжно-славянским типом литературного языка, представленным в отдельных произведениях в чистом виде, и быстро изменяющимся, развивающимся русским народным языком продолжали углубляться. Без овладения особенностями церковнославянского языка, без специального образования писателям и книжникам было трудно уже следовать книжным языковым традициям. Поэтому книжно-славянский тип языка становится постепенно достоянием более узкого круга образованных людей. Все реже появляются произведения, в которых книжно-славянский тип употребляется в своем классическом, чистом виде. Язык сочинений Нила Сорского и Максима Грека с основанием можно считать наиболее яркими образцами книжно-славянского типа литературного языка этого периода.

Наряду с этим в развитии книжно-славянского типа русского литературного языка в XVI — начале XVII в. наблюдаются и некоторые новые черты.

В этот период развивается тенденция к более глубокому взаимодействию и взаимопроникновению книжно-славянского и народно-литературного типов литературного языка. Взаимодействие движется как в сторону сближения двух типов «их внутреннего обогащения — одного за счет другого» (10, стр. 112), так и в сторону чередования и переплетения двух типов в рамках одного произведения, в сторону смешения и переплетения элементов, характерных для одного или другого типа.

Одна из форм взаимодействия двух типов литературного языка (книжно-славянского и народно-литературного) — это проникновение в книжно-славянский тип языка посредством народно-литературного типа некоторых элементов (главным образом лексико-фразеологических и частично грамматических), неизвестных церковнославянскому языку. В это время в общественной жизни русского народа происходят значительные изменения, которые находят отражение в лексике и фразеологии народного русского языка, а также и в народно-литературном типе. Церковнославянский язык оказывался явно непригодным для выражения новых понятий и реалий. Но литература, в которой культивировался книжно-славянский тип языка, не могла не отражать изменения реальной действительности. Следовательно, в этой литературе не могли не отразиться элементы новой лексики и фразеологии, которые проникли в книжно-славянский тип в результате его взаимодействия с народно-литературным. Так, напр., в «Повесть об осаде Пскова Стефаном Баторием», написанной в духе книжно-славянского типа языка, употребляются ряд лексических и фразеологических единиц, неизвестных церковнославянскому языку, который лежал в основе этого типа, ср. *левая рука* (левый фланг), *туры бойчие* (стенбитные машины), *сторожевой полк*, *пролом*, *волость*, *съезжая изба*, *вотчина*, *государевы дьяки* и т.д. (11, стр. 125).

Другая форма взаимодействия двух типов литературного русского языка (книжно-славянского и народно-литературного) — это «отзвуки» народно-поэтического творчества и живого просторечия в произведениях, ориентированных на книжно-славянский тип языка. Так, напр., в «Истории о Казанском царстве», которая «отразила в себе торжественную стилистику произведений макарьевского периода, использовались в немалом количестве приемы и стиль устной поэзии» (14, стр. 280—281). А. С. Орлов (25) отметил много таких фольклорно-художественных элементов: *поля и горы и подолия*, *пьет чермно вино и меды сладкие*, *гости не милые*, Эпитеты устной поэзии рассыпаны по всей «Истории». *Поле там чистое*, *девицы — красные*, *кони — добрые*, *теремы — златоверхие*, *светлицы — высокие*. Яркие и отголоски живого просторечия: *стар да мал*, *брань не худа*, *наехати далеч в поле*, *живут в сумежницах по суседству* и др. (8, стр. 73—74).

В «Повести о смерти воеводы М. В. Скопина-Шуйского», написанной языком книжным, тоже обнаруживается явная связь с фольклором. Это особенно ясно наблюдается в той части, в которой расска-

зывается об отравлении князя на пиру, созвучной с народной песней о Скопине-Шуйском. См., напр., в указанной части: «И в той чаре в питии уготовано лютое питие смертное. И князь Михайло Васильевич выпивает ту чару до суха, а не ведает, что злое питие лютое смертное».

Использование стилистических ресурсов русской народной поэзии в книжно-славянском типе имело важное значение в деле постепенного сближения двух типов литературного языка. В. В. Виноградов с основанием пишет, что язык поэзии явился важным цементирующим элементом в системе литературного языка великорусской народности, а затем и нации. «В значительной степени свободные от местной, областной исключительности, стили народной поэзии, выражая рост национального самосознания в XVI—XVII вв., ускорили процесс формирования русского национального литературного языка» (8, стр. 75—76).

В этот период проявляется и тенденция к более активному использованию народно-разговорных и даже просторечных элементов в книжно-славянском типе языка. Отражение живой разговорной речи в памятниках, которые традиционно ориентировались на книжно-славянский тип языка, напр. в ж и т и й н о й литературе, зафиксировано в единичных случаях и в предшествующий период. Так, напр., в «Житии» Михаила Клопского отмечены разговорные выражения диалектного характера, ср. *жары* (поля под паром), *тоня* (рыбачья сеть), *сугнать* (догнать), *упруг* (сила) и др., слова и обороты, характерные для разговорной устной речи, ср. *сенцы* (сени), *влезши* (войдя), *назем* (навоз), *с тех мест* (с той поры), *пуцать*, *ширинка* и др. В XVI в. этот процесс усиливается.

Пестрое смешение книжно-славянских и народно-разговорных элементов очень характерно для сочинений митрополита Даниила и особенно для тех из них, в которых он трактует вопросы русского быта, современные проблемы нравственности.

См. отрывки из «Двенадцатого слова»: «Жены красны блудница, или ино лице женовидно красноюющеся видево, и светло и мягко тело *объюхав*, и притек, объем, це- луеши, *мызжеши* и руками осязаеши, и толико безстуден и безумен быв . . . »

В этот период возникает взаимодействие между книжно-славянским и деловым типом, которое будет рассмотрено в § 9.

Указанные процессы находятся еще в начальном этапе своего развития. Система книжно-славянского типа все еще ясно обособлена в рамках русского литературного языка XVI — начала XVII в.

§ 8. НАРОДНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ТИП ПИСЬМЕННО-ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА В XVI — НАЧАЛЕ XVII в.

В XVI — начале XVII в. продолжал функционировать и народно-литературный тип языка. Сфера его распространения оставалась все еще до известной степени ограниченной: это преимущественно художественная и историко-повествовательная литература. Образцами народно-литературного типа могут служить такие произведения литера-

туры XVI — начала XVII в., как «Сказание о Магмете салтане» Ивана Пересветова, «Сказание о киевских богатырях», «Письма Ивана Грозного к Курбскому», «Послание игумену Кирилло-Белозерского монастыря Козме с братией» Ивана Грозного, «Новая повесть о Российском царстве» и др.

См. отрывок из «Сказания о Магмете салтане»: «И написати велела на кожах их: «Без таковыя грозы правды в царство не мочно ввести. Правда ввести царю в царство свое, ино любимого не пощадити, нашедши виноватого. Как конь под царем без узды, так царство без грозы». — И царь рече: «Не мочно царю царства без грозы держати; яко же Константин — царь вельможам волю дал и сердце им веселил» . . . »

См. отрывок из «Сказания о киевских богатырях»: «В стольном было граде Киеве, у великого князя Владимира было пирувань почесное на многия князи и бояря и на сильныя могучия богатыри . . . Или то вам не сведомо, богатырем, что отпускает на меня царь Константин из Царяграда 42 богатырей, а велит им Киев изгубити и вы б нынеча никуды не розъежались, берегли бы естя града Киева и всей моей вотчины».

См. отрывок из «Послания игумену Кирилло-Белозерского монастыря Козме с братией»: «Аз же окаянный преклоних свою главу и припадох к честным стопам преподобного игумена суца, вашего же и моего, на сем благословения прося . . . Сами ведаете: коли благочестие не потребно, а нечестие любо, и вы Шереметеву хотя и золотые сосуды скуйте и чин царский устройте, то вы ведаете . . . Как лутче, так и делайте, сами ведаете, как себе с ним хотите, а мне до того ни до чего дела нет».

См. отрывок из «Новой повести о Российском царстве»: «Да и самого того короля, лютого врага сопостата, и его способников, таких же безбожников, яко же он, которые с ним тамо под оным градом стоят и град тый, аки злыя волки похитити хотят. Паче же подивимся пастырю нашему и учителю . . . , имя же его всем ведомо, — како, яко столп, непоколебимо стоит посреди нашея великия земли».

Анализ языка небольших данных отрывков показывает, что народно-литературный тип языка, который сложился на народной русской основе, продолжал развиваться в связи с живым разговорным языком русской народности и народным творчеством, используя широко и традиции книжно-славянского типа.

Народно-литературный тип русского литературного языка XVI — начала XVII в. продолжал свободно пользоваться как церковнославянскими, так и русизмами в случаях, где был возможен выбор между ними, ср. *не мочно, рече, яко, граде, аз, главу, аки, пастырю; не мочно, царство, могучая, золотые, хотите, дочь* и т.д. Народно-литературный тип языка сохраняет традиционные связи с народным творчеством, ср. *аки злыя волки, как конь без узды* и пр. В народно-литературном типе продолжают активно употреблять конкретную лексику, семантически связанную с бытом и русской действительностью, ср. *крестный кум, бояре, вотчины* и пр. Синтаксический строй, как и в предшествующий период, отражает связи с живым народным языком, с

языком народной поэзии, а также частично с книжно-славянским типом литературного языка. Взаимодействие с книжно-славянским типом и воздействие книжно-литературных традиций обуславливают наличие значительного слоя книжных слов и архаических форм, ср. *благочестие, нечестие, рече, преклоних, припадох, мысляше* и пр.

Народно-литературный тип, очевидно, и в XVI—XVII вв. выделяется как система литературного выражения, несмотря на ее открытый характер. В основном этот тип продолжает традиции предшествующего периода, наряду с которыми обнаруживаются и некоторые новые черты.

В этот период усиливается общественное значение «светской» литературы, которая стала ориентироваться на народно-литературный тип, потому что он был приспособлен лучше, чем книжно-славянский тип, для отражения и выражения различных явлений общественной жизни русского народа. Это содействовало постепенному восстановлению авторитета и расширению сферы употребления народно-литературного типа, в XIV—XVI вв. сильно потесненного книжно-славянским типом (11, стр. 125, 131). Употребление в рамках одного сочинения как книжно-славянских, так и народно-литературных контекстов было явным признаком их равноправия в системе литературного языка.

Этот процесс нашел выражение в появлении ряда произведений, в которых чередуются и переплетаются контексты, характерные для того или другого типа.

В посланиях Ивана Грозного, который был очень образованным, наблюдается частое переплетение «разнотипных» текстов. Иван Грозный меняет характер изложения и на равных правах использует как книжно-славянский, так и народно-литературный тип в зависимости от темы, от отношения к изображаемому и т.д.

Чередование контекстов книжно-славянских и народно-литературных характерно и для очень интересной «Новой повести о преславном Российском царстве». В ней часто одно и то же событие изображается в двух планах: книжно-риторическом и реалистическом, что обуславливает и изменения в характере изложения.

Процесс дальнейшего расширения прав живой народной речи в народно-литературном типе — другая его характерная черта. Так, напр., в посланиях Ивана Грозного наблюдается много случаев употребления разговорных и просторечных слов, форм и выражений в книжно-славянском окружении, которое свидетельствует о том, что как книжно-славянские, так и народные единицы отличались равной общественной значимостью. См. *по здешнему, собачья измена, жалующи, повиыпускали* и пр. Разговорные и простонародные элементы использованы и в «Новой повести о преславном Российском царстве», в «Сказании о Магмете салтане» и пр. также в непосредственной близости с книжно-славянскими единицами.

Такое переплетение в рамках одного произведения книжно-славянских и народно-литературных контекстов, книжно-славянских и народно-просторечных элементов создавало благоприятную почву для сближения двух типов литературного русского языка (книжно-сла-

вянского и народно-литературного) и взаимопроникновения их структурных элементов. Любое произведение, написанное народно-литературным языком, отражает воздействие книжно-славянского типа. В многие сочинения, написанные книжным языком, проникают народно-разговорные элементы.

Все эти явления, исторически неизбежные, представляют собой необходимую предпосылку в процессе образования национального языка и сложения новой стилистической системы.

§ 9. ДЕЛОВОЙ ТИП ПИСЬМЕННО-ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА В XVI — НАЧАЛЕ XVII в.

Деловой тип тоже продолжает функционировать и в XVI — начале XVII в. В данный период функции и сферы употребления этого типа письменно-литературного языка все более и более расширяются, так как расширялся и круг проблем, охватываемых делопроизводством, судопроизводством, законодательством и вообще деловыми отношениями русских людей. Челобитные, увещательные послания, своды постановлений, грамоты, дипломатические письма и вообще дипломатическая переписка, статейные списки (т.е. отчеты, которые писались по пунктам, по статьям) русских послов, руководства по ведению хозяйства, поваренные книги, лечебники и т.п. — вся эта деловая письменность, в широком смысле слова, пользовалась деловым типом письменно-литературного языка. Образцами этого типа для XVI и начала XVII в. являются, напр., «Челобитные» Ивана Пересветова, «Духовная грамота Ивана Юрьевича Грязного» (1579—1580), «Переписка Ивана Грозного с Василием Грязным», «Стоглав», «Домострой», «Статейный список Г. И. Микулина» (1600) и т.д.

См. отрывок из «2-ой челобитной»: «Умилосердися, обыщи своим царьским обыском и оборони от насилства сильных людей, чтобы холоп твой государев до конца не загиб и службы своей царской не отстал. А яз, холоп твой государев, слышачи про твое мудрое воинство и счастливое, ехал к тебе, к государю, нароком твоей для мудрости, и оставя королевския службы богатия».

См. отрывок из «Письма опричного думного дворянина Вас. Григ. Грязного — Ильина царю Ивану IV Васильевичу из крымского плена»: «Да в твоей ж государеве грамоте написано, кое ты пожалуешь выменить меня, холопа своего, и мне приехав к Москве да по своему увещью лежать — ино мы, холопи, бога молим, чтоб нам за бога и за тебя, государя, и за твои царевичи, голова положити: то наша надежа и от бога без греха, а ныне в чом бог да ты, государь, поставишь».

См. отрывок из «Стоглава» (он заключал в себе свод постановлений и суждений церковного собора 1551 г. по разным вопросам религиозного и житейского быта): «Да и дети боярские, и люди боярские, и всякие бражники зернью играют и пропиваются, ни службы служат, ни промышляют и от них всякое зло чинится: крадут и розбивают,

души губят и то бы зло искоренити». «Да по погостом и по селом, и по волостем ходят лживые пророки, мужики, и жонки, и девки, и старые бабы наги и босы, и волосы отрастив и распустя, трясутся и убиваются».

См. отрывок из «Домостроя» (детально разработанного кодекса, в котором закреплены нормы религиозного и общественного поведения человека, правила воспитания и быта, а также организации домашнего хозяйства): «Аще земному царю правдою служиши и боишися его, тако научишися и небеснаго царя боятися: сей временен, а небесный вечен и судия нелицемерен «воздаст комуждо по делом его». «А которая женщина или девка рукодельна, и той дела указати: рубашка делати, или убрус брати, или постав ткати, или золотное или шелковое, пялично дело».

См. отрывок из «Статейного списка Г. И. Микулина»: «А как Григорий и Иванко въехали в посад в Лунду и в те поры было по реке по Темзе в судах, и по берегу по обе стороны, и по улицам людей было в зборе добре много: а з города и с кораблей стреляли изо многово наряду».

Деловой тип письменно-литературного языка в XVI — начале XVII в. во многих отношениях продолжал традиции делового типа предшествующей эпохи: преимущественное использование русизмов в случаях, где был возможен выбор между ними и церковнославянскими эквивалентами, ср. *оборони, слышачи, королевския, голсва, розбивают, волосы* и т.п.; наличие разнообразной, преимущественно русской по происхождению, терминологии, ср. *царьским обыском, холоп государев, люди боярские, убрус брати* и пр.; преимущественное употребление конкретной, «предметной» лексики; грамматические особенности, отражающие главные черты народной речи; отсутствие художественно-выразительных средств и т.д.

Книжная традиция, а также традиция делового типа предшествующего периода сказались в использовании некоторых церковнославянских слов, трафаретных оборотов, архаических грамматических форм и др., ср. *аще, правдою служиши, воздаст комуждо по делом его, по волостем, в судах, за царевичи, судия нелицемерен* и т.д.

Изучение языка памятников деловой письменности XVI — начала XVII в. раскрывает некоторые новые черты и важные тенденции в эволюции делового типа письменно-литературного языка данной эпохи.

Именно в деловом типе раньше всего нашли отражение изменения в произносительных нормах, в лексико-фразеологическом составе и грамматическом строе живого русского языка Московской Руси. Это совершенно естественно, так как деловой тип письменно-литературного языка Московской Руси основан на живой речи, на живом московском говоре (23, стр. 89).

Деловой тип письменно-литературного языка Московской Руси расширяет свои функции и сферы употребления. «К концу XVI в. он стал едва ли не общим для всего обширного Русского государства, постепенно вытесняя собой местные разновидности приказного языка во всех областях» (1, стр. 433). Наличие сильного централизованного

государства, даже при отсутствии еще подлинных национальных связей, обусловило победу московской нормы делового типа письменнo-литературного языка над местными, областными тенденциями в письменности. Общегосударственный характер и значительная степень обработанности и нормализованности являются характерными чертами делового типа письменнo-литературного языка в XVI — начале XVII в.

В XVI — начале XVII в. деловой тип был подвергнут дальнейшей литературной обработке. В этот период происходит его сближение с народно-литературным типом, появляются признаки более активного его взаимодействия как с народно-литературным типом, так и с книжно-славянским. Активизация этого движения от литературы к «деловой письменности» и от «деловой письменности» к литературе «была обусловлена в первую очередь значительно возросшим многообразием содержания, расширившейся сферой функционирования «деловой письменности» . . . » (11, стр. 133).

Очень показательны в этом отношении наблюдения Д. С. Лихачева, который в своей работе «Повести русских послов как памятники литературы» пишет, что деловая письменность всегда в большей или меньшей степени вступала в контакт с литературой, пополняя ее жанры, освежая ее язык, вводя в нее новые темы, помогая сближению литературы и действительности. Литературные и «деловые» жанры не были отделены друг от друга непроницаемой стеной. Особенно велика роль письменности, подчеркивает Д. С. Лихачев, в XVI и XVII вв. XVI в. — как раз то время, когда в публицистике под эгидой поднимающегося служилого сословия развиваются новые темы, вызванные новыми потребностями действительности. Публицистика черпает отовсюду новые формы. Она вступает в тесные взаимоотношения с деловой письменностью. «В публицистике XVI в. иногда трудно решить — где кончается публицистика и где начинается деловая письменность. Трудно решить, что претворяется во что: в деловую ли письменность проникают элементы художественности или в художественной литературе используются привычные формы деловой письменности. Иван Пересветов пишет челобитные, но эти челобитные — отнюдь не произведения деловой письменности и очень сомнительно, чтобы они предназначались только для приказного делопроизводства. Это литературно-публицистические произведения в самом подлинном смысле этого выражения. Замечателен также «Стоглав». В «Деянии» Стоглавого собора внесена сильная художественная струя. «Стоглав» — факт литературы в той мере, как и факт деловой письменности. «Великие Четьи-Минеи» митрополита Макария называют «энциклопедией» всех читавшихся книг на Руси, но в эту энциклопедию вносятся и деловая предназначенность, и сильная художественная и публицистическая направленность. Между деловой письменностью и художественной литературой стоит «Домострой». Дипломатическая переписка Грозного склоняется то ближе к литературе, то к письменности чисто официальной. В литературу вносится язык деловой письменности, близкий живой, разговорной речи (28, стр. 319—321).

В литературной обработке разных видов деловой речи важную

роль в XVI и особенно в XVII в. сыграли служащие Посольского приказа. В. В. Виноградов отмечал, что там складывается особый литературный центр со своими писательскими кадрами. Результатом их деятельности является своеобразный жанр литературных произведений в форме дипломатических документов, близких к подлинным челобитным и посланиям (8, стр. 91). Именно в этих так называемых «статейных списках» (т.е. отчетах, которые писались по статьям, по пунктам) русских послов наглядно представлено расширение тематики и степени литературной обработанности «деловой письменности». В статейных списках послы не только докладывали, но и рассказывали о нравах, о природе и т.д. соответствующей страны. Это обусловило развитие повествовательной формы в литературе данного типа, проникновение в нее элементов художественной изобразительности. Наряду с этим такие статейные списки, как «Статейный список Г. И. Микулина», «Статейный список Федота Елчина», сохраняют прочные традиционные связи делового типа с народно-разговорным языком.

Очень наглядно представлено взаимодействие делового типа с остальными типами литературного языка в «Домострое». В этом памятнике воспроизводятся основные особенности всех трех типов литературного языка. Манеры изложения переплетаются и чередуются в рамках произведения в зависимости от тематической направленности и содержания. В главах религиозного содержания активизируется книжно-славянский тип. В разделах, посвященных «домовому строению», воспроизводится манера изложения деловой письменности. В многих случаях изложение принимает повествовательно-художественную форму, что обуславливает использование особенностей народно-литературного типа. Отдельные главы отличаются разговорным характером языка.

См., напр., отрывок из «Домостроя»: «В дому своем всякому христянину во всякой хранине святых и честных образы, написаны на иконах по существу, ставити на стенах, устроив благолепно, со всякими украшениями и со светильники, в них же свечи пред святыми образами возжигаются . . . » «Аще дарует бог жену добру, дражайший есть камени многоценнаго: таковая от добры корысти не лишится; делает мужу своему все благожитие. Обретши волну и лен, сотвори благопотребно рукама своима. Бысть яко корабль, куплю деючи, издалече збирает в себе богатство» . . . «А слуг своих заповедывай: о людех не переговаривати, и где в людех были и что видели недобро, — тово дома не сказывали бы . . . А товар посылай сметив или смеряв, а деньги сметши, а што весовое, свесив; а всего лучши запечатав: ино безгрешно . . . »

Замечателен в этом отношении и «Стоглав», в который внесена художественная струя, использованы церковнославянизмы, ряд книжных форм, народно-разговорные элементы, особенности деловой письменности.

В XVI в. появляются, как уже было подчеркнуто, послания и челобитные, которые, помимо деловой цели, преследовали цель литературную. Таковыми являются челобитные Пересветова, дипломатические послания Грозного, переписка Ивана IV с турецким султаном.

Все эти особенности делового типа письменно-литературного языка и его взаимодействие с остальными типами письменно-литературного языка дают основание В. В. Виноградову утверждать, что «с XV, а особенно с XVI в. письменно-деловая речь, по крайней мере в некоторых своих жанрах и вариантах, тесно приближается к литературному языку и вращается в его стилистику» (8, стр. 91), «выступает как один из важных и активных стилей народно-литературного типа языка» (8, стр. 95). Исследователи подчеркивают, что приказный язык, отражая в той или иной степени особенности развития московского говора, не был в то же время механическим слепком живой речи; он представлял собой «определенный тип литературного языка» (23, стр. 95). Общесударственный характер московского приказного языка, его относительная обработанность и нормализованность превращали постепенно его в такую силу, которая могла бы со временем вступить в единоборство за права литературности с книжно-славянским типом литературного языка, и явились факторами, обеспечивающими его влияние и вне сферы деловой письменности (23, стр. 96).

Эти изменения в характере делового типа языка, в сфере его распространения, в его общественном значении играли важную роль в деле сближения всех типов литературного языка, в начавшемся позднее очень важном процессе сближения литературного языка с народно-разговорным языком.

Итак, язык великорусской (русской) народности в рассматриваемый период характеризуется наличием нескольких специализированных типов письменно-литературного языка, хотя и взаимосвязанных, обслуживающих разные жанры письменности и литературы. Отличался язык великорусской народности еще и стойкостью исторически образовавшихся диалектных различий в периферийных областях, отсутствием единых норм устно-разговорной речи при значительном приближении грамматической структуры, особенно морфологической, к структуре будущего национального русского языка (1, стр. 433). В этот период возникают и предпосылки для образования единой системы национального общенародного разговорного языка.

В системе литературного языка более или менее ясно противопоставлены книжно-славянский и деловой тип, более близкий к живому языку великорусской народности. Народно-литературный тип и по своему грамматическому строю, и по своему словарному составу то примыкает к книжно-славянскому типу, то отражает все растущую склонность к сближению со стилистикой народно-поэтического творчества и деловым языком (1, стр. 433).

Традиции книжно-славянского типа литературного языка поддерживаются и в XVI — начале XVII в. Расхождения между книжно-славянским типом языка и русским народным языком углубляются, но его взаимодействие с народно-литературным типом, а также и с деловым типом расширяется. В результате этого взаимодействия создаются условия и для возникновения взаимодействия и с народно-разговорной речью.

Контуры народно-литературного типа в системе

литературного языка очерчены не ясно. Этот тип поддерживает связи с народно-разговорной речью и с языком фольклора. Его взаимодействие с книжно-славянским и деловым типами в этот период углубляется, сферы распространения стали расширяться.

В этот период деловой тип языка заметно расширяет свои функции и сферы употребления. Общесударственный характер, значительная степень обработанности и нормализованности, взаимодействие с остальными типами литературного языка и с народно-разговорной речью — таковы отличительные особенности делового типа языка в рассматриваемый период.

Несколько основных тенденций обуславливают развитие письменно-литературного языка в XVI — начале XVII в.: тенденция к сближению книжно-славянского с народно-литературным типом, тенденция к сближению делового типа с народно-литературным типом и отчасти с книжно-славянским, тенденция к возникновению взаимодействия литературного языка в целом с народно-разговорным языком, тенденция к взаимопроникновению типов литературного языка, которая создала благоприятную почву для их перегруппировки и возникновения условий для постепенного формирования новой системы литературного языка — системы стилей.

§ 10. КНИГОПЕЧАТАНИЕ. НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП В НАУЧНОЙ РАЗРАБОТКЕ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Период XVI — начала XVII в. ознаменовался событием огромного культурного значения: появились первые печатные книги. В 1556 г. были опубликованы некоторые книги и оттиски. Поскольку они не имеют выходных данных, то их называют анонимными изданиями, а типографию, в которой они печатались, анонимной типографией. В анонимной типографии начал свою деятельность первопечатник Иван Федоров, который в 1564 г. отпечатал свой «Апостол» (31). С полиграфической стороны «Апостол» был непревзойденным образцом для всего последующего московского книгопечатания (29, стр. 3).

Книгопечатание, которое было связано с отредактированием книг, с упорядочением орфографии и пунктуации, с установлением определенных правил, с урегулированием некоторых лексико-грамматических норм, сыграло важную роль в истории русского литературного языка. Книгопечатание способствовало созданию единых норм литературного выражения, обусловило широкое распространение печатной продукции, а таким образом и литературного языка (в форме этой печатной продукции) по всей территории Московского государства и среди широких слоев русского народа, усиливало объединяющую роль русского литературного языка по отношению к территориальным диалектам, содействовало, наряду с другими факторами, формированию общерусского национального языка.

В этот период появились и первые грамматики и словари, которые оказали влияние на распространение грамотности, на повышение инте-

реса к лингвистическим проблемам, на процесс нормализации литературного русского языка.

Первая печатная книга по русскому языку «Букварь» (1574) тоже связана с именем Ивана Федорова. Но внимание русских книжников того времени было приковано в первую очередь к языку церковнославянскому, языку православной государственной церкви, языку, получившему широкое распространение в качестве одной из разновидностей официального литературного языка, языку, ставшему объектом специальной опеки в эпоху второго южнославянского влияния. Об интересе русских книжников к вопросам грамматики и языка и специально к церковнославянскому языку свидетельствуют распространенные списки различных грамматических сочинений, относящихся к XV—XVI вв. Наиболее ранние восходят к южнославянским источникам, но некоторые из этих сочинений подвергаются значительной сознательной переработке и на русской почве (21, стр. 5). Большой интерес представляет славянский перевод латинской грамматики Доната, осуществленный в 1522 г. Дмитрием Толмачом. Подлинник перевода Толмача до нас не дошел. Сохранились лишь два списка XVI в.

В 1586 г. в Вильне вышла краткая «Словенская грамматика». В 1596 г. вышла там же известная славенская грамматика Лаврентия Зизания «Грамматика словенска, совершеннаго искусства осьми частей слова». В 1619 г. в Евю, близ Вильно, вышла грамматика Мелетия Смотрицкого, наиболее популярная грамматика в XVII в., выдержавшая много переизданий. В 1648 г. она была переиздана в Москве под названием «Грамматика словенския правилние синтагма». Смотрицкий имел уже ясное представление о различии между книжным церковнославянским и живым народным языком, о чем свидетельствуют его параллельные переводы с греческого на «словенский» и «русский» (т.е. украинский). Грамматика Смотрицкого сыграла огромную роль в последующем развитии грамматической науки. Так, в основе грамматики Христки — Дупничанина, написанной в начале XIX в., имевшей целью сблизить народный болгарский язык с церковнославянским, лежит грамматика Смотрицкого (21, стр. 33, 38).

Формирование русского литературного языка на национальной основе ставит остро проблему нормализации и выработки его норм.

В 1748 г. было напечатано сочинение Тредиаковского «Разговор между чужестранным человеком и российским об орфографии старинной и новой», в котором рекомендуется правописание согласно произношению.

В 1755 г. была написана первая грамматика русского языка — это «Российская грамматика» М. В. Ломоносова, оказавшая огромное влияние на последующее развитие русской грамматической литературы, а также и на нормы литературного употребления лексических единиц и грамматических форм русского языка.

В 1769 г. вышла «Грамматика российской универсальная с семью присовокуплениями» Н. Курганова, представляющая собой, по словам В. В. Виноградова, своеобразную энциклопедию для мещанства и полунинтеллигенции XVIII в.

Важное значение имела «Российская грамматика» А. А. Барсова, развивающего в области грамматики идеи своего гениального учителя — М. В. Ломоносова.

В 1802 г. вышло первое издание «Граматики Академии Российской», которая по разработке грамматического материала примыкает к «Российской грамматике» Ломоносова.

Лексикографическая разработка русского языка восходит к начальной эпохе формирования русского литературного языка. Первые русские словарные работы представляли собой небольшие по объему списки непонятных (главным образом церковнославянских) слов, встречавшихся в древнерусских памятниках письменности (32, стр. 6). Словари эти имели такие заглавия: «Толкование неудобь познаваемым в писании речем», «Толкование о неразумных словесех», «Сказание о неудобь понимаемых речах . . .» Древнейший из этого рода словариков приложен к «Кормчей книге», которая была написана в 1282 г. для новгородского архиепископа Климента. Другой такой словарик приложен к сочинениям Иоанна Лествичника 1431 г. Широко распространились «азбукovníки» или «алфавиты иностранных речей», в которых не только объяснялись слова (по порядку букв русского алфавита), но объяснялись и самые предметы и явления, обозначаемые соответствующими словами.

В 1596 г. в Вильне появился первый печатный в России словарь «Лексис, сиречь речения вкратце собранны и из словенского языка на просты русский диялект истолкованы» Лаврентия Зизания Тустановского. Этот словарь заключил в себе 1061 слово и имел целью объяснение малопонятных церковнославянских, книжных и известного количества иностранных слов. В 1627 г. в Киеве вышел словарь Памвы Берынды «Лексикон славенороссийский и имен толкование», который пользовался громадной популярностью в XVII в. В словаре большое количество слов для того времени — 6982, которые Берында собирал в течение 30 лет (32, стр. 12). Словарь П. Берынды оказал значительное влияние на последующие словари.

Особое значение имела и первая русская риторика, которая не была печатной, но получила широкое распространение. Старейший из сохранившихся списков относится к 1620 г. и озаглавлен «Книга суть риторики двои по тонку в вопросах списаны, скорога и удобнаго ради научения». В этой риторике находим первое применение к русскому языку теоретической концепции, которая позже, в XVIII в., стала известной под названием «теории трех стилей» (5, стр. 141).

Все указанные грамматические и лексикографические труды в одной или другой степени способствовали упорядочению разнообразных ресурсов русского литературного языка и его нормализации.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Р. И. Аванесов, В. В. Виноградов, Русский язык. БСЭ, т. 37. Второе издание.
2. Р. И. Аванесов, Проблемы образования языка русской (великорусской) народности. Вопросы языкознания, 1955, № 5.
3. В. П. Адрианов-Перетц, Основные задачи изучения древнерусской литературы в исследованиях 1917—1947 гг. Труды Отдела древнерусской литературы, 1948, VI.
4. Д. С. Бабкин, Русская риторика начала XVII в. Труды Отдела древнерусской литературы, 1951, VIII.
5. С. В. Бахрушин, Очерки по истории ремесла, торговли и городов русского централизованного государства XVI — начала XVII в. Научные труды, I, М., 1952.
6. В. И. Борковский, П. С. Кузнецов, Историческая грамматика русского языка, Л., 1965.
7. В. В. Виноградов, Вопросы образования русского национального языка. Вопросы языкознания, 1956, № 1.
8. В. В. Виноградов, Основные проблемы изучения образования и развития древнерусского литературного языка, М., 1958.
9. В. В. Виноградов, Основные вопросы и задачи изучения истории русского языка до XVIII в. Вопросы языкознания, 1969, № 6.
10. Г. О. Винокур, Избранные работы по русскому языку, М., 1959.
11. А. И. Горшков, История русского литературного языка, М., 1969.
12. О. В. Горшкова, Язык московских грамот XIV—XV вв. Автореферат кандидатской диссертации (АКД), М., 1951.
13. Н. К. Гудзий, История древнерусской литературы, М., 1950.
14. Н. К. Гудзий, Хрестоматия по древней русской литературе, М., 1950.
15. А. И. Ефимов, История русского литературного языка, М., 1971.
16. М. Д. Каган, Легендарная переписка Ивана IV с турецким султаном как памятник первой четверти XVII в. Труды Отдела древнерусской литературы, 1957, XIII.
17. Е. И. Кацержак, Первопечатник Иван Федоров, М., 1964.
18. О. Ф. Коновалова, К вопросу о литературной позиции писателя конца XVI в. Труды Отдела древнерусской литературы, 1958, XIV.
19. Г. И. Коляда, Иван Федоров первопечатник. Автореферат докторской диссертации (АДД). М., 1961.
20. П. С. Кузнецов, Букварь Ивана Федорова. Вопросы языкознания, 1956, № 2.
21. П. С. Кузнецов, У истоков русской грамматической мысли, М., 1958.
22. Б. А. Ларин, Разговорный язык Московской Руси. Сб. Начальный этап формирования русского национального языка, Л., 1961.
23. В. Д. Левин, Краткий очерк истории русского литературного языка, М., 1964.
24. Д. С. Лихачев, Культура Руси времен Андрея Рублева и Епифания премудрого, М.—Л., 1962.
25. Д. С. Лихачев, Некоторые задачи изучения второго южнославянского влияния в России. IV Международный съезд славистов. Материалы и дискуссии, М., 1962, т. I.
26. А. С. Орлов, О некоторых особенностях стиля великорусской исторической беллетристики XVI—XVII вв. Известия Отделения Русского языка и словесности, 1908, т. XIII, кн. 4.
27. Повесть о житии Михаила Клопского, М.—Л., 1958.
28. Путешествия русских послов XVI—XVII вв. Статейные списки, М.—Л., 1954.
29. Русская повесть XVII века. Сост. М. О. Скрипиль, М., 1954.
30. А. И. Соболевский, Южнославянское влияние на русскую письменность в XIV—XV веках, СПб., 1894.
31. А. И. Соболевский, Образованность Московской Руси XV—XVII веков, СПб., 1894.
32. Р. М. Цейтлин, Краткий очерк русской лексикографии, М., 1958.
33. П. Я. Черных, Очерки русской исторической лексикологии. Древнерусский период, М., 1956.

**ФОРМИРОВАНИЕ ОБЩЕНАЦИОНАЛЬНЫХ НОРМ РУССКОГО
ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА**

Глава первая

**РУССКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК НАЧАЛЬНОЙ ЭПОХИ ФОРМИРОВАНИЯ
РУССКОЙ НАЦИИ (СЕРЕДИНА XVII — СЕРЕДИНА XVIII в.)**

**§ 1. НАЧАЛО ФОРМИРОВАНИЯ РУССКОЙ НАЦИИ
И РУССКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ЯЗЫКА**

XVII в. и особенно его вторая половина отличаются от предшествующего периода тем, что тогда возникают процессы постепенного складывания русской народности в нацию и языка русской народности в русский национальный язык. Эти сложные процессы происходили медленно, «незаметно», никаких особых границ, «никаких рубиконов обнаружить не удавалось и не удастся, ибо их нет. Одни и те же исторические и экономические явления присущи всему периоду складывания русской народности в нацию» (26, стр. 11). Завершение этих процессов и особенно окончательное становление, формирование русского национального языка относится к первой половине XIX в.

Определяя условия образования нации и национального языка, В. И. Ленин в своем труде «О праве наций на самоопределение» обращает внимание на основные экономические и исторические факторы. «Во всем мире эпоха окончательной победы капитализма над феодализмом была связана с национальными движениями. Экономическая основа этих движений состоит в том, что для полной победы товарного производства необходимо завоевание внутреннего рынка буржуазией, необходимо государственное сплочение территорий с населением, говорящим на одном языке, при устранении всяких препятствий развитию этого языка и закреплению его в литературе. Язык есть важнейшее средство человеческого общения; единство языка и беспрепятственное развитие есть одно из важнейших условий действительно свободного и широкого, соответствующего современному капитализму, торгового оборота, свободной и широкой группировки населения по всем отдель-

ным классам, наконец — условие тесной связи рынка со всякими и каждым хозяином или хозяйчиком, продавцом и покупателем» (24, стр. 258—259).

Следовательно, нация является неизбежным продуктом, неизбежным следствием определенной эпохи общественного развития. Начальный период развития капитализма связан с национальными движениями, с пробуждением национальной жизни. Именно XVII в. отличается в истории России ярким подъемом национальной жизни и национального самосознания. Он начался «смутой», «великим московским разорением». Городские восстания, восстания крестьян, приведшие к крестьянской войне 1670—1671 гг. под предводительством Степана Разина, являются ярким свидетельством пробуждения этого самосознания. «Крестьянская война — это новый самый высокий этап и самая совершенная форма классовой борьбы крестьянства в крепостной России. Крестьянство осознает свои социальные чаяния, социальные стремления в масштабах всей страны, всего государства, в масштабах всей складывающейся нации» (26, стр. 11). Польско-шведская интервенция и борьба народного ополчения Минина и Пожарского против нее, угроза ликвидации независимости Московского государства вызвали невиданный подъем патриотических чувств тоже в масштабах всей страны. В литературных памятниках той поры много говорится о всенародном, о всей русской земле.

В. И. Ленин подчеркивает, что экономической основой нации является внутренний рынок. Именно в XVII в. в экономическом развитии русского государства наступает тот этап, который характеризуется установлением экономической общности, экономической связанности, проявляющейся в создании единого национального всероссийского рынка.

В. И. Ленин обращает внимание и на то, что для полной победы товарного производства необходимо государственное сплочение территорий с населением, говорящим на одном языке. В самом деле, к XVII в. уже заканчивается процесс государственного объединения территорий с населением, говорящим на русском языке. Особенно важно указание В. И. Ленина, что одно из важнейших условий формирования нации — это «единство языка и беспрепятственное развитие», которое осуществляется «при устранении всяких препятствий развитию языка и закреплению его в литературе».

Единство русского языка означало единство общенародного разговорного языка, единство его диалектов, единство литературного языка.

В эпоху образования русского национального языка постепенно развивается единая общенародная устно-разговорная разновидность национального языка, которая, употребляясь первоначально в Москве, с течением времени стала распространяться по всей стране. Ее основными источниками являются, с одной стороны, московское просторечие, с другой — деловой письменный язык предшествующей эпохи, оба имевшие северную основу. С этим непосредственно связано укрепление в качестве норм национального языка ряда северновеликорусских по происхождению черт (взрывное образование *-г*, твердое *-т* в третьем

лице глаголов, формы типа *меня* и др.), так как при формировании национального языка не происходило ломки веками создавшейся традиции. Однако самое развитие русского национального языка происходило при ведущей роли южновеликорусского наречия. Р. И. Аванесов подчеркивает, что в эпоху образования национального языка и непосредственно предшествующую ей развивается в московском просторечии аканье, утрачиваются вслед за утратой в южновеликорусских говорах многие древние общенародные элементы в грамматике и лексике. В московский говор и соседние северновеликорусские говоры проникает форма именительного падежа множественного числа на *-ы* (*-и*) безударное от слов среднего рода и мужского рода на *-онок* (*селы, пятны, ребяты*), видимо, южновеликорусского происхождения. Утрачиваются в них старые общенародные конструкции, постепенно превратившиеся в особенности северновеликорусских диалектов (напр. конструкции типа — *косить трава*). Развивается также словарь за счет слов, южновеликорусских по происхождению, а также за счет слов, церковнославянских по происхождению. Так совершенствуется и обогащается, по словам Р. И. Аванесова, единая устно-разговорная разновидность развивающегося русского национального языка, все шире отражаясь в письменности и тем самым заявляя о своей способности «быть основой письменной-литературной разновидности национального языка» (1, стр. 41).

В эпоху образования нации и русского национального языка постепенно прекращается и образование диалектных различий. Феодальная раздробленность территорий постепенно ликвидируется, происходит экономическое, политическое и культурное сближение, что содействует усилению связей между диалектами и их большому единству. Однако на ранних этапах развития национального языка имеющиеся диалектные различия обладают еще значительной устойчивостью. На более поздних этапах развития национального языка диалектные различия, в первую очередь на территориях, экономически наиболее развитых, начинают сглаживаться.

Важная роль в этих процессах принадлежала литературному языку. В. И. Ленин указывает на «устранении всяких препятствий развитию этого языка и закреплению его в литературе» как на существенную черту развития национального языка. Это значит, пишет А. И. Горшков, что именно литература является главнейшей и важнейшей сферой общественного функционирования языка, в которой он наиболее быстро развивается, совершенствуется и стабилизируется. В результате этого роль литературного языка постепенно возрастает, его «организующее влияние усиливается» (15, стр. 146).

Новые тенденции языкового развития в эту эпоху были связаны со все более распространявшимся общественным сознанием потребности в создании единых норм русского литературного языка, в преодолении разобщенности разных его типов и в их стилистическом преобразовании (2, стр. 435). Но типы литературного языка, хотя и обнаруживавшие уже тенденцию к взаимодействию и сближению, все еще были разобщенными по сферам употребления, все еще различались по струк-

туре. Это, очевидно, не соответствовало характеру языкового развития в национальную эпоху, когда появляется потребность в создании единых норм литературного языка. Поэтому начальный период формирования русского национального языка происходит под знаком разрушения противопоставления старых типов литературного языка и возникновения новой системы литературного языка, основанной на противопоставлении стилей, которым на смену пришли функциональные и индивидуальные стили.

Тенденция к внутреннему единству литературного языка, к его всенародности приводит в итоге к складыванию и закреплению новых норм литературного языка.

В. В. Виноградов указывает на то, что «основными признаками национального языка являются его тенденция к всенародности или общенародности и нормативность» (4, стр. 26). В XVII и даже в XVIII в., однако, процесс литературно-языкового объединения, упорядочения и закрепления единых норм, признанных обществом в качестве обязательных, еще не завершился. Контуры национального русского языка, общенародного и нормированного, лишь обозначались.

Существенными факторами изменений в системе русского литературного языка этого времени являются некоторые характерные особенности развития русской культуры, науки и литературы во второй половине XVII в.

Одним из таких факторов было установление тесных культурных связей с Юго-Западной Русью после воссоединения Украины с Россией в едином государстве. В культурном и, в частности, в литературном движении на Руси в это время значительную роль играли киевские литературные деятели. На Украине возникает большое количество школ при церковных братствах. В 1631 г. была организована Петром Могилой Киевская академия («коллегиум»), которая стояла на уровне посольских высших школ. В ней, помимо богословских и философских дисциплин, преподавались словесные науки и сочинялись стихотворные произведения, так называемые «школьные» драмы и многочисленные руководства по поэтике. Из нее вышли крупные по своей образованности деятели, некоторые из которых работали в Москве, как, напр., Елифаний Славинецкий, Симеон Полоцкий, Дмитрий Ростовский, Феофан Прокопович и др. В Москве пользовались трудами и литературным опытом этих книжников. С их помощью в Москве первоначально наложено было школьное дело. В 1648 г. боярин Ф. М. Ртищев основал при Андреевской церкви близ Москвы училище, в котором одним из учителей был Елифаний Славинецкий. Белорусу Симеону Полоцкому приписывается создание латинской школы при Спасском монастыре. В 1682 г. ученику Симеона Полоцкого Сильвестру Медведеву поручено было организовать школу при Спасском монастыре. Определенную роль в литературном движении на Руси сыграли такие жанры художественной литературы, как виршевая поэзия, интермедия и драма, которые раньше получили развитие на Юго-Западной Руси.

Связи с Украиной способствовали и проникновению в русский

язык в середине и второй половине XVII в. значительного количества латинских слов, украинизмов, белорусизмов и полонизмов.

Другой важный фактор, который оказал существенное воздействие в изменении системы русского литературного языка, это дальнейшее развитие и преобразование русской литературы.

Русская литература на рубеже XVII—XVIII вв. представляет собой пеструю картину, характерную для переходного времени. «Старина» и «новизна», по словам И. П. Еремина, сосуществуют рядом. Все предвещает близкое наступление П е т р о в с к о й э п о х и: и жизнь, и литература вступают в период коренной перестройки. Основной факт литературного движения в это время — социальное расслоение литературы. Параллельно с литературой господствующих классов быстро растет л и т е р а т у р а д е м о к р а т и ч е с к а я, с каждым годом расширяясь в объеме «и все больше привлекая к себе общественное внимание» (19, стр. 12).

Возникновение демократической литературы является очень важным событием литературной жизни. Впервые появляется новый демократический читатель; впервые в литературе заявляют о себе, о своих чаяниях и запросах широкие массы народа.

Заметное распространение получила в этот период в демократической литературе н а р о д н а я п о э з и я. Появляются первые записи произведений устно-поэтического творчества, которые оказывают на книжную литературу гораздо более заметное влияние, чем это было раньше. Большое распространение тоже в демократической литературе получила и п о в е с т в о в а т е л ь н а я п р о з а в форме небольших по объему «повестей», «гисторий», «сказаний», которые не имеют еще четких, устоявшихся жанровых очертаний. Теснейшая связь с устным народным творчеством, его жанрами, сюжетами, стилистикой — наиболее показательная особенность этих произведений. Особую ветвь демократической литературы составляет л и т е р а т у р а р а с к о л а — старообрядчества, центральной фигурой которой был протопоп Аввакум. «В истории русского литературного языка демократическая литература XVII—XVIII вв. оставила глубокий неизгладимый след. В выработанный предшествующим развитием книжный язык она влила две мощные струи — речь народно-поэтическую и живое разговорное просторечие — влила в объем, Древней Руси неведомом» (19, стр. 13).

Наряду с социальным расслоением возникла и р о д о в а я д и ф ф е р е н ц и а ц и я, в результате которой из общей массы, предназначенной для чтения письменности, сначала выделяется художественная литература, а затем постепенно оформляются и такие разновидности литературы, как публицистика, философско-нравоучительная литература, историко-повествовательная, научная и научно-популярная и т. д. А. И. Горшков с основанием обращает внимание на то, что с оформлением художественной литературы возникает и вопрос о специфике развития и функционирования литературного языка как в сфере художественной литературы, так и в других сферах литературы, т. е. возникают такие явления, как «язык художественной литературы» и функ-

циональные стили литературного языка. В сфере художественной литературы зарождаются и с конца XVIII в. получают все более определенные и четкие контуры индивидуальные, авторские особенности языка, оформляющиеся постепенно как индивидуальные стили литературного языка.

Все эти особенности развития русской литературы в данный период оказали влияние и на процесс «обмирщения» литературы, на ее поворот к светской тематике. Если в древнерусский период основная масса литературы связана тематически с религиозным культом, то, начиная примерно с середины XVII в., церковно-религиозная литература все более и более активно оттесняется на второй план историческими и бытовыми повестями, народными песнями, демократической сатирой, переводными рыцарскими романами и т. д. (15, стр. 149).

В этот период заметно расширяется словарный состав русского литературного языка, изменяется характер книжно-славянского типа русского литературного языка, углубляется процесс сближения книжно-славянского типа с народно-литературным и деловым типами и их взаимопроникновения, литературный русский язык продолжает развиваться по пути дальнейшего сближения с народно-разговорным языком, а деловой тип — по пути сближения с остальными типами литературного языка.

§ 2. ОБОГАЩЕНИЕ СЛОВАРНОГО СОСТАВА РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVII в.

Дальнейшее развитие общественной жизни и экономики, реорганизация государственного управления, усовершенствование военного дела, развитие торгово-промышленной техники, организация врачебного дела, устройство почтовых сообщений, рост науки, культуры и т. д. — все это было связано с возникновением и проникновением новых понятий в жизнь, в быт и культурный обиход русских людей, создавало потребность в пополнении и расширении словарного состава русского литературного языка многими новыми словами. Обогащение словарного состава могло происходить за счет разговорной, просторечной или диалектной лексики русского языка. Оно могло осуществляться тоже и в результате создания новых слов или заимствования из других языков.

В литературных памятниках этого времени получили широкое распространение различные общественно-политические, юридические, публицистические, экономические, военные и пр. термины, напр.: *правительство, поданство, иноземец, договор, земский собор, боярская дума, служивый, посланник, начальные люди, осада, подкоп, бражное, ополчение, пищали, пушкари, сторожевой полк, великороссийский* и т. д. Расширяется состав бытовой лексики такими лексическими единицами, как *рюмка, водка, щи, квашня, посуда, чеснок, рукомойник, рубашка, штаны, калитка, карты, бумага* и др. (32, стр. 209—235).

Процесс развития национального языка, отмечает В. В. Виноградов, всегда сопровождается расширением его связей с другими языками. Через их посредство в национальном языке происходит своеобразное накопление общего интернационального речевого фонда, конечно, в «творческой народной обработке» (6, стр. 14).

Сближение и взаимодействие русского языка с украинским с середины XVII в. сказало благотворно на развитии русского литературного языка. Проникновение в украинский язык из польского «европеизмов», интернациональных терминов способствует обогащению словарного состава русского литературного языка. В русской научной терминологии возрастает культурно-образовательная роль латинского языка — международного языка средневековой науки. Этим подготавливается почва для сближения русской научно-технической терминологии с западноевропейской интернациональной (2, стр. 436), ср. латинизмы *аффект*, *фабула* (басня), *вертикальный*, *циркуль*, *нумерация*, *глобус*, *минута*, *градус*, *дистанция*, *апелляция*, *персона*, *инструкция*, *церемония*, *фамилия*, *форма*, *фундамент* и др.; среди указанной группы слов выделяются лексические и фразеологические кальки с латинских слов и выражений, ср. *междометие*, *наклонность*, *хранить молчание* и пр. В русской литературной речи конца XVII в., по мнению В. В. Виноградова, укрепились под воздействием латинского языка конструкция предложения и периода с глаголами на конце, отдельные обороты, как «винительный с инфинитивом», «именительный с инфинитивом» и др. (5, стр. 31).

Развитие тесных связей с украинским и польским языками способствует углублению взаимодействий между славянскими литературными языками, особенно в процессе создания научно-технической терминологии на международной основе.

Появление в русском языке интернациональных терминов осуществлялось не только через посредство Юго-Западной Руси, но и благодаря широким непосредственным связям России с Польшей. Вообще, заимствования (из западноевропейских языков) XVII в. отличаются от заимствований Петровской эпохи тем, что они проникали в русский язык главным образом через польское посредничество. Польский язык в XVII в. «выступает в роли поставщика» европейских научных, юридических, административных, технических и светско-бытовых слов и понятий. Можно указать, напр., на такие польские образования от немецких слов, как *кухня*, *рисунок*, *рисовать*, *духовенство*, *правомочный*, *мещанин*, *обыватель*, *право* и т. д. В русский язык проникло и значительное число польских слов, напр.: *вензель*, *место* (город), *квит*, *особа*, *опека*, *пекарь*, *писарь*, *мешкать* (6, стр. 32—33), *вириши*, *коляска*, *козырь*, *сбруя*, *шлях* и др. (16, стр. 467).

Многие из заимствованных слов отвечали насущным потребностям русской культуры и русского языка и проникли в лексическую систему русского литературного языка. С другой стороны, как отмечают некоторые исследователи, культурные деятели этого времени старались освободиться от отдельных лишних украинизмов, белорусизмов, отчасти полонизмов и западноевропейских заимствованных слов.

§ 3. КНИЖНО-СЛАВЯНСКИЙ ТИП РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVII в.

Во второй половине XVII в. книжно-славянский тип литературного языка все еще сохраняет свои позиции в определенных сферах, напр. в церковно-религиозной, в житийной литературе, в различных схоластических, философских, научно-богословских и других подобных сочинениях. Позиции книжно-славянского типа поддерживались до известной степени и развивающимся книгопечатанием, которое в эту эпоху имело дело еще преимущественно с религиозной, церковной литературой.

В указанных сферах, которые были традиционными для книжно-славянского типа, он сохраняет свои основные особенности. Наряду с этим наблюдаются и некоторые изменения. Это прежде всего проникновение отдельных латинизмов и усвоение некоторых особенностей синтаксиса латинского языка (постановка сказуемого в конце предложения).

Такое положение книжно-славянского типа в системе русского литературного языка в этот период объясняет и мнение Г. В. Лудольфа, который в предисловии к «Русской грамматике» (Оксфорд, 1696) писал: «Для русских знание славянского языка необходимо, потому что не только Св. Библия и остальные книги, по которым совершается богослужение, существуют только на славянском языке, но невозможно ни писать, ни рассуждать по каким-нибудь вопросам науки и образования, не пользуясь славянским языком. . . » (25, стр. 47). Г. В. Лудольф обращает внимание на следующие обстоятельства: «Но точно так же, как никто из русских не может писать или рассуждать по научным вопросам, не пользуясь славянским языком, так и, наоборот — в домашних и интимных беседах нельзя никому обойтись средствами одного славянского языка, потому что названия большинства обычных вещей, употребляемых в повседневной жизни, не встречаются в тех книгах, по которым изучаются славянскому языку. Так у них и говорится, что разговаривать надо по-русски, а писать по-славянски». Очень существенно и другое замечание Г. В. Лудольфа: «Чем более ученым кто-нибудь хочет казаться, тем больше примешивает он славянских выражений к своей речи или в своих писаниях, хотя некоторые и посмеиваются над теми, кто злоупотребляет славянским языком в обычной речи» (25, стр. 113).

Эти рассуждения Г. В. Лудольфа подтверждают констатацию, что во второй половине XVII в. книжно-славянский тип сохраняет еще свои позиции в системе русского литературного языка. Но Г. В. Лудольф не имел возможности проникнуть в сущность сложной и многообразной литературы этого периода. Поэтому его заключения были односторонними.

Язык этой многообразной литературы отличался своим сложным характером.

Важная тенденция развития книжно-славянского типа литературного языка в этот период — это стремление распространить его на но-

вые жанры (вирши, театральные сочинения и пр.), стремление приспособить его к новым задачам, к новой обстановке распространения светской литературы и жанрового обогащения и усложнения литературы, стремление сохранить его ведущую роль в системе русского литературного языка.

Новой сферой функционирования книжно-славянского типа в этот период оказалась литература так называемого «русского барокко». «Барокко» — общеевропейское литературное направление, которое формировалось в Испании и Италии в конце XVI — начале XVII в. и получило распространение в многих европейских литературах, в том числе и в литературе Восточной Европы. На Украине, где оно утвердилось ранее всего, и в Белоруссии это направление дожило до конца XVIII в. В России «барочная» литература, представленная торжественной ораторской и эпистолярной прозой, виршами и драматургией, стала развиваться во второй половине XVII в. под влиянием литературы Юго-Западной Руси. К началу XVIII в. это направление уже начинает терять некоторые основные свои черты и в 30-ых годах XVIII в. уступает место русскому классицизму в литературе. «Русское барокко» переживает свой расцвет в творчестве Симеона Полоцкого, Кариона Истомина, Стефана Яворского и Феофана Прокоповича, в большинстве своем воспитанников Киево-Могилянской коллегии.

В истории русского литературного языка, и точнее в эволюции его книжно-славянского типа, «барокко» сыграло значительную роль. И. П. Еремин пишет, что именно под воздействием этого литературного направления вырабатывается в рассматриваемый период тот особый извод книжно-славянского типа («славянского» языка), который русская литература XVII в. передала в наследство литературе XVIII в. Извод этот не следует отождествлять с книжным языком Древней Руси: «он имеет свои особенности, порожденные эпохой» (19, стр. 20). Книжно-славянский тип, предназначенный обслуживать преимущественно «высокие» формы «барочной» литературы, становится предметом заботливой опеки со стороны представителей этой литературы. Его пытаются оградить, отмечает И. П. Еремин, от всего того, что так или иначе могло уронить его достоинство, и прежде всего от просторечия. Сугубо книжный, рассчитанный на узкий круг знатоков и ценителей, он замыкается в своей собственно возвращенной системе. Наряду с характерными для книжно-славянского типа прежних эпох чертами, как преимущественное употребление церковнославянизмов в случаях, где был возможен выбор, обилие книжной, абстрактной лексики, частое использование сложных слов, искусственных новообразований и грецизмов, сложность синтаксических конструкций и т. д., книжно-славянский тип, культивируемый в «барочной» литературе, приобретает и некоторые новые черты: его словарный состав пополняется латинскими словами, напр.: *деспект*, *сакрамент* и др., он обогащается за счет книжной «мовы» тогдашних украинских и белорусских литераторов, напр.: *згода*, *оборонца*, *дедич* и др.; в его состав стали проникать в качестве условнопоэтических и слова антично-мифологические (наследие Ре-

нессанса в поэзии «барокко»): имена богов, героев, названия муз и т. п., ср. Нептун, Афина, Диана, Калиопия, Парнас и пр. И. П. Еремин указывает также и на употребление в литературе «барокко» новых сложных и многосложных слов (напр.: *благокрасотство*, *рукохудожествовати*, *гордовысоковийствовати* и пр.), на изобретение новых эпитетов — чисто декоративного назначения (напр.: *мрачноочный*, *любопламенный*, *богодухновенноцветородный* и пр.), на распространение метафор, основанных на аналогиях, на совмещении несовместимого (напр.: *суша воздержания*; *ветер прелести мира*; *кривое злобы распутие* и пр.); на нарочитую затрудненность синтаксического строя, который отличается громоздкими периодами, многочисленными инверсиями и т. д. (19, стр. 20—21).

Приведем некоторые примеры, иллюстрирующие применение книжно-славянского типа русского литературного языка в «барочной» литературе.

См. отрывок из поэзии (виршей) Симеона Полоцкого, напр. «Монах»:

Не *только* миряне *чреву* работают,
Елико то монаси поят, насыщают.
Постное избравши житие водити,
На то устремися, дабы ясти, пити . . .
Множицею (часто) есть зрети по *стогнам лежащих*,
Изблевавших *питие* и на свет зрящих . . .

См. отрывок из поэзии (виршей) Кариона Истомина, напр. «Приветствие царевне Софье Алексеевне»:

Пречестна *дева* и *добросиянна*,
В небесну жизнь богом *произбрана!*
Мирно и *здравио* от господи света
Буди *хранима* в *премнога лета* . . .

См. отрывок из «Комедии о Юдифи»:
«—Вагаф. Тогда же аз Меркурием буду, понеже сию Богиню *Венус* к Марку привел есмь.

—Олоферн. Не *зриши* ли, прекрасная богиня, яко сила красоты твоя мя уже отчасти преодолевает? Смотрю на *тя*, но уже и видети не могу: *хощу* же говорити, но языком больша *прореци* не могу . . . »

См. отрывок из «Комедии притчи о блудном сыне» Симеона Полоцкого:

Вижду аз светло, како нас *любиши*,
Егда твоих *благ общники* (участники) *твориши*.
Несмь аз достоин тоя *благодати*,
Благодарствие убо *возсылаю*
Богу, а твои руце *лобызаю* . . .

Очевидно, что как и в торжественной поэзии (в виршах) Симеона Полоцкого и Кариона Истомина, так и в пьесах (вообще в драматургических произведениях) находит применение книжно-славянский тип русского литературного языка. Обращают на себя внимание архаически-книжная лексика, обилие церковнославянизмов, архаических грамматических форм, строгое соблюдение правил церковнославянского языка, сложность и нагромождение синтаксических конструкций и пр.

Следовало бы обратить внимание и на то, что книжно-славянский тип в той своей модификации, которую он принял в «барочной» литературе, позже, в результате дальнейших изменений и преобразований стилистической системы русского литературного языка, лег в основу его «высокого» стиля (15, стр. 154).

Другие тенденции в развитии книжно-славянского типа литературного языка наблюдаются в сферах повествовательной, повествовательно-исторической и переводной литературы, в которые он проник еще в XV—XVI вв.

С одной стороны, в указанной литературе, не связанной с направлением «барокко», нашла отражение тенденция к дальнейшему более глубокому взаимодействию и сближению книжно-славянского и народно-литературного типов языка. В этот период ряд повествовательных, повествовательно-исторических и переводных сочинений все еще ориентируется на книжно-славянский тип, сохраняя его славные особенности. Наряду с этим, однако, под напором живого народно-разговорного языка в него проникают элементы разговорной речи, реалии, отражающие эволюцию общественной жизни, черты русского словообразования, новые особенности грамматического строя русского языка и т.п., изменяющие существенно характер книжно-славянского типа, который стал утрачивать свою специфику. Все эти тенденции нашли отражение в ряде произведений.

См., напр., «Повести об основании Тверского отроча монастыря», «Повесть о начале Москвы», «Повесть о Савве Грудцыне», «Повесть об Юлиании Лазаревской», «Сказание Авраамия Палицына», «Временник» Ивана Тимофеева, «Сказание о явлении Унженского креста», «Великое зеркало» (сборник нравоучительных рассказов, восходящий через посредство польского оригинала к соответствующему латинскому сборнику) и др.

См. отрывок из «Повести о начале Москвы»: «Собра князь Андрей во граде Владимире войска своего пять тысящь, и поиде во град Суждаль» «... И вскоре князь Андрей всею силою на *приступ емлет села и слободы красныя и самого Кучка боярина*».

См. отрывок из «Сказания Авраамия Палицына»: «И бывшу ему на Клемянтьевском поле, *осадны же люде*, из града вышедше *конные и пешие*, и с ними бой велик сотвориша. И милостию пребезначальныя Троица многих литовских *людей* побили, сами же во град здравы возвратишася. Богоотступницы же литовские люди и русские изменники, сие видевше, воскричаша нелепыми гласы, *спешно* и сурово обходяще со всех стран Троецкой Сергиев монастырь».

См. отрывок из сборника рассказов «Великое зеркало»: «*Вопрошаше же воин: «коликое время, яко монастырь на сем месте создан бысть?» Отвеща игумен, яко *вьяще* двусот лет; а той воин *креплящися, глаголя*, яко в той день отиде . . . И приступи *един* древний человек, *глаголаше*: яко *слышах* от *деда* отца моего, яко некий господин *сея веси* еде на *коне* белом со *двема* слугами и *обещаешя* возвратитися».*

С другой стороны, в этот период проявляется тенденция к постепенному вытеснению книжно-славянского типа из сферы повествовательной, повествовательно-исторической и переводной литературы. Ряд произведений этого типа литературы стали ориентироваться на народно-литературный тип, который интенсивно стал расширять сферы своего употребления.

В этот период проявляется и еще одна характерная тенденция, которая стала решающей и определила в дальнейшем судьбу книжно-славянского типа литературного языка. Эта тенденция нашла конкретное выражение в процессе постепенного разрушения книжно-славянского типа русского литературного языка как определенной системы литературного выражения.

Указанный процесс находит яркое отражение в знаменитом «Житии протопопа Аввакума». Дело в том, что жития являлись традиционной сферой употребления книжно-славянского типа в его образцовом виде. В «Житии протопопа Аввакума», однако, книжно-славянский тип русского литературного языка меняет свой облик. Язык Аввакума насыщен народно-разговорными элементами. В. В. Виноградов пишет по этому поводу, что анализ стиля сочинений протопопа Аввакума открывает сложные формы «семантического сплетения и слияния церковно-книжной фразеологии и мифологии с устно-поэтической речью, с народно-мифологическими образами и выражениями, с приемами бытового разговора и сказавого повествования» (7, стр. 379). Сам протопоп Аввакум в предисловии к своему «Житию» умоляет читателей: «. . . не позазрите просторечию нашему, понеже люблю свой русской природной язык, виршами философскими не обык речи красить». Явно, что Аввакум сознательно ориентируется на живой разговорный язык. Другое дело, что традиции употребления книжно-славянского типа в житийной литературе оказались очень сильными. Поэтому практически Аввакум, несмотря на свои заявления, не мог порвать совсем с книжно-славянским типом, в который он вовлекает стихию живого разговорного языка.

См. отрывки из «Жития протопопа Аввакума»: «*Мы же задумалися, сошедшися* между собою; видим, яко зима *хочет* быти; сердце *озябло*, и ноги *задрожали*. Неронов мне приказал церковь, а сам *един* скрылся в Чудов, — *седмицу* в *полатке* молился. И там ему от образа *глас* бысть во время молитвы . . .»; «. . . *Куручка* у нас *черненькая* была; по два *яичка* в день *приносила* *робяти* на пищу, божием повелением *нужде* нашей *помога* . . .»

«Житие протопопа Аввакума» является исключительно важным источником сведения о состоянии русского литературного языка во второй половине XVII в. В нем нашли отражение основные тенденции

развития русского литературного языка этого времени: сближение литературного языка с народно-разговорным, постепенный разрыв, разрушение книжно-славянского типа литературного языка как целостной системы. Основной причиной этого разрушения является то, что «живая русская народная струя все шире и глубже проникает в церковнославянский тип языка, в его грамматический строй и словарный состав» (2, стр. 435).

Процесс постепенного разрушения книжно-славянского типа литературного языка и его вытеснения из литературной практики находит выражение и в том, что в это время стали использовать церковно-книжные элементы в целях достижения комического эффекта. Это резко нарушало традиции в употреблении церковнославянского языка и его составных элементов. Тогда появляется, напр., такое произведение, как «Служба кабаку» («Праздник кабацких ярыжек»). «Службы» тоже традиционно связаны с церковным богослужением и писались на церковнославянском языке, который употреблялся там без всякого стилистического назначения. Но «Служба кабаку» является сатирическим произведением. В нем господствует стихия народного языка, и в одном контексте употреблялись как народно-просторечные элементы, так и книжно-славянские. Такое нарочитое сочетание указанных элементов обусловило возможность употребления церковнославянизмов в пародийном плане, а именно это означало, что начался процесс нарушения традиции и норм употребления книжнославянского типа.

См., напр., отрывок из «Службы кабаку»: «*Отче наш, иже еси сидишь ныне дома, да славится имя твое нами, да прииди ныне и ты к нам, да будет воля твоя яко на дому, тако и на кабаке. На пече хлеб наш будет. Дай же тебя, господи, и сего дни, и оставити должники долги наша, яко же и мы оставляем животы на кабаке, и не ведите нас на правеж, нечего нам дати, но избавите нас от тюрмы . . .*»

По этому поводу В. В. Виноградов писал, что «высокая литературная речь перестает быть безусловным предметом почтительного восхищения» (6, стр. 14).

Итак, во второй половине XVII в. книжно-славянский тип русского литературного языка сохраняет свои позиции только в сочинениях религиозной, нравственно-учительной, философской и «барочной» литературы. Книжно-славянский тип резко сужает сферы распространения в повествовательной, повествовательно-исторической и переводной литературе. Проникновение народно-разговорных, просторечных, иноязычных и других элементов, новых форм и конструкций в книжно-славянский тип, возможность употребления церковнославянизмов в пародийном плане, нарушение традиции в использовании «высокой литературной речи» — все это означало постепенное разрушение системы книжно-славянского типа, его дальнейшее сближение с народно-литературным типом и, следовательно, с русским народным языком, стирание границ их противопоставления, постепенное разрушение вообще системы типов литературного русского языка.

§ 4. НАРОДНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ТИП РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVII в.

Народно-литературный тип языка и во второй половине XVII в. все еще сохраняется как определенная система литературного выражения. Традиционной сферой его использования оставалась повествовательная, повествовательно-историческая и переводная литература (конечно, не полностью, потому что в некоторой части этой литературы находил применение и книжно-славянский тип).

В этот период проявляется новая тенденция в развитии народно-литературного типа языка. Это все большее и большее укрепление его позиции в системе русского литературного языка в результате широкого распространения светской литературы и особенно демократической повествовательной прозы (повести, гистории, сказания). Активное участие в распространении и развитии этой литературы, далекой от религиозно-поучительной, научной и философской письменности, принимают «средние и низшие слои общества (низшее духовенство, городское купечество, служилые люди, грамотное крестьянство) . . .» (2, стр. 435). Образцы народно-литературного типа можно найти в таких произведениях, как «Повесть об Азовском осадном сидении донских казаков», «Повесть о Горе и Злочастии», «Повесть о Фроле Скобееве», «Притча о старом муже и молодой девице», «Смехотворные повести», «Повесть о Шемякином суде», «Повесть о Ерше Ершовиче», «Летописная книга», приписываемая кн. И. И. Катыреву-Ростовскому, «Повесть о Еруслане Лазаревиче», «Сказание о крестьянском сыне», «Повесть о Бове Каролевиче», «Римские деяния» и пр.

См. отрывок из «Повести об Азовском осадном сидении донских казаков»: «Несть столько волосов на главах ваших, сколько силы турецкие под Азовым городом. Видите вы и сами, глупые воры, очима своимна силу его великую, неизчетную, как они покрыли свою степь вашу казачию великую, не могут , чаю, и с высоты, з города очи ваши видети другова краю сил наших . . .»

См. отрывок из «Повести о Горе и Злочастии»:

*Как будет день уже до вечера,
а солнце на западе,
от сна молодец пробуждается,
в те поры молодец озирается,
а что сняты с него драгие порты,
чары (башмаки) и чулочки — все поснимано:
рубашка и портки — все слуплено,
и вся собина (имущество) у него ограблена,
а кирпичек положен под буйну его голову».*

См. отрывок из «Повести о Ерше Ершовиче»: «Судьи спрашивали ответчика Ерша: «Ты, Ерш, истцу Лещу отвечаешь ли?» Ответчик Ерш рече: «отвечаю, господа, за себя и за товарищев своих в том, что Ростовское озеро было старина дедов наших, а ныне наше, а он, Лещ жил у нас в суседстве на дне озера, а на свет не выхаживал».

См. отрывок из «Летописной книги», приписываемой кн. И. М. Катуреву-Ростовскому: «Тако погребен бысть честно в пречестнем храме архистрига Михаила, в пределе его, и рыдаху по нем вси люди царствующаго града, мужеск пол и женеск, *от мала до велика*. Вниде же сия во уши *королю* польскому, яко *вожь* и наставник *Московского воинства* умре, — повеле в скором часе корунному гетману пану Желтовскому пойти с воинством к Москве».

См. отрывок из «Сказания о крестьянском сыне»: «И увидел на крестьянине новую *шубу*, и он снял, да на себя *оболокался*, а сам рече: «Одеаяся светом, яко ризою, а я одеваюся крестьянскою новою шубою». И та крестьянская жена послышала и мужа своего разбудила, а сама рече мужу своему: «Встань, муж, тать у нас ходит в клетю!» И муж рече жене своей: «Не тать ходит, но ангел господень, а говорит он все божественные слова» . . . »

См. отрывок из сборника рассказов «Римские деяния», восходящего через посредство польского оригинала к популярному средневековому латинскому сборнику: «Тогда Евинян цесарь, облекшись в его одеяние, и шел на замок и, *стоячи* у врат, *колотился*, чтобы ему отворили и услышавше, *воротник* отворил *ворота* и с великою честью принял его. И рек Евинян воротнику: «Ужели знаеши ли мя?» . . . »

Анализ языка произведений, которые ориентировались на народно-литературный тип языка, показывает, что в рассматриваемый период он все еще выделяется в системе литературного языка. В этом типе продолжают традиции предшествующих эпох (свободное использование как церковнославянизмов, так и русизмов, напр.: *главах, драгие, града, врат, рек* и др.; *городом, голову, отвечает, озера, вожь* и пр.; непосредственные связи с народным творчеством и живым разговорным языком, напр.: *молодец, от мала до велика, буйну голову, выхаживал* и пр.; преобладание конкретной лексики и т.д.).

В развитии народно-литературного типа языка этого периода наблюдаются и некоторые новые черты и тенденции.

В произведениях, ориентированных на народно-литературный тип языка, нашел отражение процесс интенсивного вытеснения книжно-славянских и архаических русских слов, оборотов и форм.

Так, напр., в указанной сатирической повести «Сказание о крестьянском сыне» приводится интересное свидетельство о резком противопоставлении языка церковно-книжного и разговорного. По убеждению крестьянина XVII в. в домашнем обиходе только ангелы могут говорить церковнославянским языком (22, стр. 24). Поэтому слова вора, который в свое время учился грамоте и употреблял некоторые церковнославянизмы, напр. «одеаяся светом, яко ризою . . . », воспринимаются как слова ангела. Очевидно, употребление церковнославянизмов считалось естественным и допустимым только в случаях, когда изложение касалось проблем, явлений, лиц и пр., связанных с христианской религией. В остальных случаях церковнославянизмы вытеснялись русскими народно-разговорными соответствиями.

Другой процесс, который тоже нашел отражение главным образом в демократической литературе, — это широкое проникновение в лите-

ратурные произведения разнообразных народно-разговорных, даже диалектных и просторечных элементов. В ряде повестей, сказаний и пр. обиходно-разговорные слова и выражения, синтаксические конструкции, характерные для народного языка, новые грамматические формы и пр. составляют специфику, определяют облик этих произведений, см., напр., «Повесть о Горе и Злочастии», «Повесть об Азовском осадном сидении донских казаков», «Повесть о Бове Королевиче» и др.

См. отрывок из «Повести об Азовском осадном сидении донских казаков»: «Как от Азова города голова и томачи приехали в своя турецкия таборы к пашам своим и сказали наш ответ, в их полках у них в те поры замешалось: почали в трубы трудить в великия для собрания силы и полков».

Важным обстоятельством является и то, что просторечие, по словам И. П. Еремина, из бытового обихода перенесенное в сферу литературы, прежде всего прочно осело в демократической повествовательной прозе, преимущественно сатирической и шуточной, где приобрело значение стилистического способа, рассчитанного на юмористический эффект, на усиление «смехотворности» тех или иных соответствующих теме сюжетных ситуаций. Просторечие проникает даже и в житийную литературу, в творчество старообрядческого движения, которое в интересах пропаганды своих взглядов среди народной массы не могли не опираться на просторечие.

В этот период углубляется процесс сближения народно-литературного типа языка с деловым типом. Элементы «приказного языка» (делового) включаются в языковую ткань отдельных произведений, некоторые из которых построены в форме памятников деловой письменности или по своему содержанию напоминают деловые документы, напр., «Повесть о Ерше Ершовиче», «Повесть о Шемякинском суде», «Калязинская челобитная», «Повесть о Фроле Скобееве» и др.

См., напр., отрывок из «Повести о Ерше Ершовиче»: «Конец судебного дела. Судьи слушали судебного дела и приговорили: Лещу с товарищи оправить, а Ерша обвинить. И выдали исцу Лещу того Ерша головою и велели казнить торговою казною — бити кнутом и после кнута повесить в жаркие дни против солнца за воровство и за ябедничество».

Итак, во второй половине XVII в. народно-литературный тип литературного языка сохраняет свои позиции в части повествовательной, повествовательно-исторической и переводной литературы, расширяя все больше сферы употребления в этой литературе. Этот тип литературного языка развивается под знаком постепенного ограничения употребления книжно-славянских и архаических элементов, широкого распространения народно-разговорной языковой стихии, сближения с народным языком и деловым типом языка.

Деловой тип литературного языка продолжает активно функционировать и во второй половине XVII в., сохраняя основные черты, отличающие его от остальных типов литературного языка (преобладание терминологической лексики, ограниченное употребление средств художественной изобразительности, использование русизмов в случаях, где был возможен выбор, ограниченное использование церковнославянизмов и т.д.). Было подчеркнуто, что деловой тип языка уже с XVI в. выходит далеко за пределы государственных частных правовых актов, административной переписки и т.п. Обращалось внимание и на общегосударственный характер этого типа, на значительную степень его обработанности и нормализованности.

Однако до середины XVII в., писал В. В. Виноградов, деловая речь московских приказов в сущности еще не играла особенно значительной роли ни в структуре художественной, ни тем более философской и научной литературы в собственном смысле. «Только с середины XVII в. эволюция русского литературного языка решительно вступает на путь сближения с московской приказно-деловой и живой разговорной речью образованных слоев русского общества, ломая систему славяно-русского типа языка» (8, стр. 125).

В XVII в. стали появляться документы, в которых форма деловых документов теряет в них всякий практический смысл, сохраняет значение только как литературный прием. Элемент деловой в содержании таких произведений почти полностью вытесняется элементом литературным. Очевидно, в эту эпоху протекает процесс изменения в объеме функций и «в стилистических качествах деловой речи» (8, стр. 92). В деловых документах XVII в. обнаруживаются своеобразные приемы художественно-литературной обработки языка. К таким осознанным художественным формам относятся, напр., рифмованная речь в распространенном изложении, формулы метонимически персонифицирующего типа (вроде: «куда топор ходил, куда коса ходила»), рифмованные формулы, как: «другу не дружить, а недругу не мстить» и т.д. (18, стр. 212—213).

Расширению литературных функций деловой речи и ее стилистической обработке много содействовали и переводы с иностранных языков и деятельность русских переводчиков. Переводчики Посольского приказа переводили разнообразные сочинения (научные, художественные, деловые и т.п.). В процессе поисков соответствующих слов, стилистических приемов, манеры выражения и т.п. они сознательно обращались к разным типам литературного языка, допускали их чередование в зависимости от темы, жанра и даже содержания соответствующего перевода, смешивали типы в многих случаях, содействуя таким образом их постепенной унификации.

Образцы делового типа русского литературного языка XVII в. можно найти в таких сочинениях, как «Правая грамота Михаилу Казнакову по кабале в двух с половиною рублях», «Уложение» царя Алек-

сея Михайловича, «Подлинник о книжном переплете», «О России в царствование Алексея Михайловича» Григория Котошихина, «Калязинская челобитная» и т.д.

См. отрывок из «Правой грамоты Михаилу Казнакову по кабале в двух с половиною рублях»: «И Иван Иванович велел недельщику Измайлову ехать на правду по дьяка да по послухов кабальных и нараньи того дни, став недельщик Летяга перед Иваном Ивановичем да тако рек: велел ли еси, господине, ехать по правду . . .»

См. отрывок из «Уложения» царя Алексея Михайловича: «В государевых прудех и в озерах рыбы никому на себя не ловити! Сотенным головам служилых людей без государева указу и без воеводского ведома никуда не респущати. А спорные дела, которых в приказех за чем вершить будет немощно, взносить ис приказов в доклад».

См. отрывок из «О России в царствование Алексея Михайловича»: «А с Москвы в то время бояре послали к царю с вестью, что на Москве учинилась смута и почали дома грабить. А в то время царь был в церкви, у обедни, праздновали день рождения дочери его царской; и увидел царь, идут к нему многие люди, с криком и шумом . . .»

См. отрывок из «Калязинской челобитной»: «А как мы того лихого архимандрита избудем, а доброго не добудем, который бы с нами горд разд лежа вино да пиво пить, а в церковь не ходить, а нас бы не томить, и начнем прибыль чинить, вино в чарки наливать да старое вино допивать, а молодое затырять . . .»

Очевидно, характерная черта делового типа языка, определяющая его облик, это его живая органическая связь с народным языком.

В XVII в. деловой тип языка был подвергнут дальнейшей литературной обработке. Средства художественной выразительности, которые раньше почти не использовались, стали более активно привлекаться. Употребление их наряду со специфическими словами, выражениями и конструкциями, характерными для делового типа, а также их употребление наряду с народно-разговорными, народно-поэтическими и отдельными книжно-славянскими элементами приближало деловой тип языка к языку повествовательной и публицистической литературы. Очень показателен в этом отношении язык указанного сочинения Григория Котошихина «О России в царствование Алексея Михайловича». См., напр., « . . . так же ежели хрома и руками увечна и того потомуж не узнает, потому что в то время ее водят свахи под руки, а как отвенчивая и от обеда пойдет с нею спать, и тогда при свече ее увидит, что добре добра: век с нею жить, а всегда плакать и мучитца . . .»

Другой очень значительный памятник этого времени «Уложение» (свод законов) царя Алексея Михайловича сыграл важную роль в усилении общественного значения и авторитета делового типа языка. «Уложение» было отпечатано в количестве 2400 экземпляров, что позволило широко распространить его. Таким образом закрепились и получили распространение нормы делового типа языка.

В этот период заметно расширяются функции деловой письменности.

Использование отдельных специфических особенностей делового типа в повествовательной и повествовательно-исторической литературе

содействовало сближению делового типа с народно-литературным типом письменно-литературного языка.

С другой стороны, проникновение народно-разговорных элементов, широко употребительных в деловом типе, в книжно-славянский тип литературного языка и использование некоторых книжно-славянских единиц и форм в деловой письменности создавали благоприятные условия для сближения этих двух всегда ясно противопоставленных типов письменно-литературного языка.

Обогащение приказного языка средствами живой речи, фольклора, художественной выразительности, элементами книжно-литературными и книжно-славянскими имело важное значение для его развития и формирования литературного языка на народной основе.

Итак, в XVII в. разнотипность русского литературного языка еще не является преодоленной, процесс распада системы трех типов литературного языка протекал очень интенсивно, контуры общенационального русского языка постепенно обозначались.

Одной из основных тенденций развития русского литературного языка стали дальнейшее сближение и взаимопроникновение трех типов литературного языка, с одной стороны, и дальнейшее сближение русского литературного языка как целостной системы с народно-разговорным языком, с другой. Многие лексические единицы, фразеологические обороты и синтаксические конструкции, характерные для одного из типов литературного языка, стали свободно проникать и в другие типы. В народно-литературном и в деловых типах употреблялись ряд церковно-книжных элементов, которые получили распространение частично и в народно-разговорной речи. В книжно-славянском и народно-литературном типах стали появляться элементы делового типа. В традиционную книжную культуру врывается сильная и широкая струя живой устной речи. Но она во всем лексическом и грамматическом многообразии еще не могла стать базой общерусского национального языка. Она оставалась еще оторванной от литературно-книжных традиций, была синтаксически однообразной (2, стр. 435).

В результате всех этих процессов общая языковая база всех типов литературного языка расширяется, связи литературного языка с народно-разговорным языком углубляются. Языковое развитие в XVII в. шло неуклонно по пути преодоления разнотипности русского литературного языка.

Характерная черта языкового развития того времени — это процесс формирования русского национального языка на основе синтеза всех жизнеспособных и исторически продуктивных элементов русской речевой культуры (т. е. живого народного языка с его диалектами, устного народно-поэтического творчества, языка деловой письменности, церковнославянского языка, литературно-книжного языка).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Р. И. Аванесов, Проблемы образования русской (великорусской) народности. Вопросы языкознания, 1955, № 5.
2. Р. И. Аванесов, В. В. Виноградов, Русский язык. БСЭ, т. 37. Второе издание.
3. Г. И. Белозерцев, О соотношении элементов книжного и народного в памятниках XV—XVII вв. (На материале глаголов с приставками *вы* и *из* выделительного значения.) В кн. Лексикология и словообразование древнерусского языка, М., 1966.
4. В. В. Виноградов, Различия между закономерностями развития славянских литературных языков в донациональную и национальную эпоху, М., 1963.
5. В. В. Виноградов, Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв., М., 1938.
6. В. В. Виноградов, Вопросы образования русского национального литературного языка. Вопросы языкознания, 1956, № 1.
7. В. В. Виноградов, К изучению стиля протопопы Аввакума, принципов его словоупотребления. Труды Отделения древнерусской литературы, 1959, № 14.
8. В. В. Виноградов, Основные проблемы изучения образования и развития древнерусского литературного языка, М., 1958.
9. В. В. Виноградов, Об образовании восточнославянских национальных литературных языков. Вопросы языкознания, 1960, № 6.
10. В. П. Вомперский, Русские риторика XVII в. Русская речь, 1969, № 2.
11. С. С. Волков, Изменения в лексике делового языка Московской Руси первой трети XVII в. АКД, Л., 1962.
12. В. П. Воробьев, Дательный самостоятельный в русских оригинальных повестях XVII в. Ученые записки Саратовского пединститута, 1958, вып. 30.
13. Г. С. Галкина, Язык рязанских деловых документов XVII—XVIII вв. АКД, Тула, 1961.
14. Д. Ж. А. Гарибян, Лексика и фразеология «Азовских повестей» XVII века. АКД, М., 1958.
15. А. И. Горшков, История русского литературного языка, М., 1969.
16. Я. К. Грот, Филологические разыскания, СПб., 1899.
17. Н. К. Гудзий, История древнерусской литературы, М., 1950.
18. В. В. Данилов, Некоторые приемы художественной речи в грамотах и других памятниках Русского государства XVII в. Труды Отдела древнерусской литературы, 1955, т. XI.
19. И. П. Еремин, Русская литература и ее язык на рубеже XVII—XVIII вв. (см. 27).
20. А. И. Ефимов, История русского литературного языка, М., 1971.
21. В. П. Забродченко, Лексика русских повестей первой трети XVIII века. АКД, М., 1956.
22. Б. А. Ларин, Разговорный язык Московской Руси (см. 27).
23. В. Д. Левин, Краткий очерк истории русского литературного языка, М., 1964.
24. В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 25. Издание четвертое.
25. Г. В. Лудольф, Русская грамматика. Перевод Б. А. Ларина, Л., 1937.
26. В. В. Мавродин, Экономические предпосылки складывания русской нации (см. 27).
27. Начальный этап формирования русского национального языка, Л., 1961.
28. О. Г. Прохорова, Лексика сибирских летописей XVII в., Л., 1969.
29. Ф. П. Сорокалетов, История военной лексики в русском языке (XI—XVII вв.), Л., 1970.
30. И. С. Улуханов, О судьбе славянизмов в древнерусском языке (На материале глаголов с приставкой *пре*.) В кн. Памятники древнерусской письменности, М., 1968.

31. И. С. У л у х а н о в, Глаголы с приставкой *пред* в древнерусском языке XI—XVII вв. В кн. Лексикология и словообразование древнерусского языка, М., 1966.

32. П. Я. Ч е р н ы х, Очерк русской исторической лексикологии, М., 1956.

33. П. Я. Ч е р н ы х, Очерк по истории и диалектологии северновеликорусского наречия, Иркутск, 1927, т. 1—2. («Житие протопопа Аввакума, им самим написанное», как памятник северновеликорусской речи XVII столетия.)

34. П. Я. Ч е р н ы х, Язык Уложения 1649 года, М., 1953.

35. В. К. Ч и ч а г о в, Вопросы русской исторической ономастики. Вопросы языкознания, 1957, № 6.

Глава вторая

РУССКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК В ПЕТРОВСКУЮ ЭПОХУ

§ 1. ПЕТРОВСКАЯ ЭПОХА — ВАЖНЫЙ ЭТАП В ИСТОРИИ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Небольшой отрезок времени — конец XVII в. и первая треть XVIII в. — вошел в историю под названием «эпохи петровских преобразований». Именно эта эпоха оказалась важным этапом в истории русского литературного языка.

Петровские преобразования затронули основные сферы общественной жизни России (экономической, социальной, политической, культурной). Происходит оживление промышленной деятельности и торговли, развиваются ремесла, сельское хозяйство. Преобразования распространяются на систему управления, на административное устройство, на военно-морское дело, на образование и т. д. Для России этот период оказался равнозначным европейскому Ренессансу. В своих реформах Петр I тяготел к просветительскому, гуманистическому Западу. Это было неизбежно исторически. В соответствии с новыми тенденциями в России складывалось и совершенно новое мировоззрение. С огромной силой проявился интерес к наукам и в частности к точным наукам. Постепенно утверждается в связи с этим вера в силу человеческого разума, который становится мерилom всего. «И это мерило постепенно, незаметно оттесняет на второй план многие традиционные религиозные представления. Авторитет церкви заменяется авторитетом государства, подчинившего себе церковную власть» (1, стр. 218).

Петр I и его сподвижники активно поощряли развитие образования. В это время возникают первые гимназии и так называемые «цифирные школы» — училища, в которых основное место занимает преподавание точных наук. Первой светской специальной школой в России была школа математиконавигацких наук, основанная в 1700 г. (с 1715 г. — Морская академия в Петербурге). Законодательское московское училище преобразовывается в высшее учебное заведение — Славяно-греко-латинскую академию. В это время были составлены и переведены разнообразнейшие учебники и научно-популярные книги,

напр.: «Арифметика» Л. Магницкого, «География генеральная» Б. Варения, «Наука статистическая или механика» Г. Г. Скорнякова-Писарева, «Разговор о множестве миров» Фонтенелля и т. д. За время царствования Петра I было издано более 600 различных названий книг, в большинстве своем светских.

Особое место среди напечатанных книг занимали грамматики и словари, которые сыграли определенную роль в распространении филологических знаний, в упорядочении правописания и в научной разработке русской лексики. «Грамматика» Ф. Поликарпова (1721) и «Грамматика славенская в кратце собранная в греко-славянской школе, яже в великом Нове Граде при доме Архирейском» Ф. Максимова (1721 и второе издание в 1723) были грамматики «словенские», в которых русский язык все еще не отделялся от церковнославянского и не сопоставлялся с ним. В Петровскую эпоху появляются ряд словарей иностранных, которые преследовали обычно две задачи: одна — объяснить новые необходимые иноязычные термины, другая — противопоставить излишним иностранным словам русские, напр.: «Лексикон вокабулам новым по алфавиту», «Толкование иностранных речей» (приложение к первому изданию «Генерального регламента») и др. Все расширяющиеся связи русского государства с другими народами обусловили развитие переводческого дела, распространение преподавания иностранных языков и составление разнообразных двуязычных и многоязычных словарей, напр.: «Лексикон трезязычный, сиречь речений славенских эллиногреческих и латинских сокровище. . .» Ф. П. Поликарпова (1704), «Немецко-латинский и русский лексикон купно с первыми началами русского языка к общей пользе при императорской Академии наук печатию издан» (1731), «Книга лексикон, или собрание речей по алфавиту с российского на голландский язык» (1717).

В 1703 г. стала выходить первая русская печатная газета «Ведомости», сыгравшая определенную роль в постепенном формировании общественно-публицистического стиля. Вводится новый календарь (юлианский), который был принят тогда во многих странах Европы.

В 1710 г. была проведена реформа азбуки. Кириллица была существенно преобразована: начертание букв было округлено (в соответствии с русским рукописным нецерковным письмом и графикой применявшихся в то время в Европе шрифтов), устранены были лишние буквы, как, напр., *омега*, *пси*, *кси*, *юс большой*, *юс малый* и др., были устранены титла, введена была в алфавит буква э. Новая гражданская азбука стала применяться при печатании всех светских книг, а старая кириллица продолжала употребляться только в богослужебных книгах. «Создание светской азбуки обозначало резкое размежевание светской литературы с церковно-богословской. Реформа азбуки дала возможность светской письменности освободиться от старых традиционно-книжных норм» (2, стр. 80).

Светская литература в эту эпоху получает широкое распространение. Из указанных 600 книг, напечатанных в это время, лишь 48 относятся к церковной литературе. Такие книги, как «Символы и эмблемы» и «Библиотека, или о богах» Аполлодора, «Приклады, како пишутся

комплименты разные», «Юности честное зеркало» и др., способствовали ознакомлению русских читателей с античной и западно-европейской культурой. Тогда возникают и новые роды литературных произведений, напр. любовная лирика и вообще лирическая поэзия, открывающая читателям, «русскому искусству слова совершенно новую, ранее им неизвестную область человеческой жизни — сферу личных переживаний» (1, стр. 226). Большой популярностью пользовались повести, во многих случаях обозначаемые словами «гистория» или «история», напр.: «Гистория о российском матросе Василии Кориотском и о прекрасной королевне Ираклии Флоренской земли», «История о российском купце Иоанне», «Повесть об Александре — российском дворянине» и пр. Возникновение и постепенное укрепление русского профессионального и особенно школьного театра содействовали развитию драматургии. В театрах ставились, напр., «Комедия притчи о блудном сыне» С Полоцкого, пьеса «О царе Давиде и сыне его Соломоне» и т. д.

Все эти огромные сдвиги в общественной жизни России в начале XVIII в. «не могли не отразиться на духовных запросах общества» (1, стр. 215). Наука и искусство, язык и литература средневекового типа уже не могли удовлетворить эти запросы. Под воздействием новых общественных условий в духовной жизни русского общества происходят сложные изменения. Заметное развитие получил и русский литературный язык.

В русском литературном языке начала XVIII в. особенно энергично протекает процесс заимствования иноязычных слов, процесс становления русской научной терминологии в ряде математических и естественнонаучных дисциплин. Происходит дальнейшее сближение литературного языка с народно-разговорной речью, которая мощным потоком вливается в литературный язык. В этот период разрушается старая система типов и постепенно формируется новая система стилей. Это начальный этап постепенного формирования стилей официально-деловой, газетно-публицистической и научной речи. Тогда «происходит резкое усиление значения разновидностей государственной, приказной речи, расширение сферы ее влияния» (11, стр. 17). Распад старой системы типов литературного языка обусловил пестроту и неустойчивость норм, противоречия в развитии русского литературного языка.

§ 2. РАЗВИТИЕ СЛОВАРНОГО СОСТАВА РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА В ПЕТРОВСКУЮ ЭПОХУ

Преобразования во всех областях общественной жизни обусловили проникновение «новых понятий и обычаев в быт и духовный кругозор русского общества» (11, стр. 14), обусловили распространение огромного количества новых слов (русского и иностранного происхождения) для обозначения этих понятий.

В Петровскую эпоху заметно возросло количество заимствований из немецкого, французского, английского, голландского, итальянского и других языков. Если в XVIII в. заимствования из западноевропей-

ских языков проникали в русский литературный язык обычно через польское посредство, то теперь в результате широких связей русского государства с европейскими и усиления переводческой деятельности основная масса заимствований входит непосредственно из этих языков.

Почти четверть заимствованного в эту эпоху лексического инвентаря из западноевропейских языков составляют, по наблюдениям Н. А. Смирнова (13, стр. 5), административные термины, которые заимствовались главным образом из немецкого языка, напр.: *архив, бухгалтер, канцлер, нотариус, ордер, полицеймейстер, формуляр, штраф, штат* и др. Это объясняется тем, что Германия имела тогда развитой бюрократический аппарат и соответствующую терминологию (3, стр. 51).

Большое количество заимствований падает на морское дело. Среди них господствуют заимствования из голландского и английского языков, так как Голландия и Англия имели мощный флот и развитое кораблестроение, см., напр.: *верфь, гавань, док, кабель, катер, каюта, койка матрос, рейс, руль, трап, фарватер* (из голландского); *бот, бриг, мичман, шкуна* и др. (из английского). Небольшое количество морских терминов взято из немецкого, французского и итальянского языков, напр.: *флот, десант, бухта, лавировать, мол* и др.

Военные термины брались главным образом из французского языка, напр.: *армия, атака, батальон, бомба, гарнизон, десант, команда, марш, пароль, редут, сапер* и др., а также и из немецкого языка, напр.: *вахта, ефрейтор, картечь, лагерь, лейтенант, штурм, шпора* и т.д.

Можно выделить и термины разных наук и искусств, названия различных предметов быта и т.д., напр.: *анекдот, амфитеатр, аплодировать, бакаж, бал, балет, балкон, берет, биография, билет, бильярд-бокал, бордо, браслет, букля, бульон, бюллетень, версификация, вир, туоз, водевиль, лакей, лига, лимонад, лицей, литр, ложка, логарифм-лорнет, люстра, маскарад, медаль, некролог, оптика, оппозиция, пресс, призма, проза, пьеса, салат, сироп, скандал, скелет, театр* и пр. (из французского языка); *акация, аттестат, баллотировать, болт, бригадир, ваза, вафля, глянец, картофель, картечь, кварц, лаборатория, лампа, ландшафт, лектор, лента, материал, музыкант, окулист, оригинал, проба, протест, рюмка, слесарь, шрифт* и др. (из немецкого языка); *баржа, ливер, пуни, спирт* и др. (из английского языка); *апельсин, балласт, брезент, брюки* и др. (из голландского языка); *карикатура, купол, лаванда, оперетта, тенор* и др. (из итальянского языка). В XVIII в. в русский язык продолжают проникать заимствования и из польского и латинского языков, напр.: *адрес, аккуратный, аллея, бекеша, бригада, бутылка, карта, канцелярия, козырь, кухарка, куртка, оказия, прокурор, рисунок, рекрут, рынок, сарделька, сейм, таратайка, фехтовать, фабрика, штык* и др. (из польского языка); *литература, локальный, монета, навигация, нейтральный, октава, орган, сектор, скульптура* и т.д. (из латинского языка).

Кроме прямых заимствований из различных иностранных языков, можно отметить и ряд новообразований, сделанных по образцу иностранных слов (т. н. кальки), напр.: *благосостояние, влияние, естественность, разумность, развлечение, рассуждение* и т.д.

Вся эта масса заимствованных слов проникала в русский литературный язык и отчасти в устно-разговорную речь. Их усвоение русским языком в этот период «отвечало насущным потребностям — иногда длительным, а порой и временным, преходящим — развития русской нации, культуры, форм быта и было тесно связано с петровскими преобразованиями» (4, стр. 114).

Словарный состав русского литературного языка в Петровскую эпоху активно расширялся путем образования новых слов способом аффиксации, путем семантического преобразования отдельных существующих слов, использования словосложения, словосочетаний и т.д. Многие из этих слов представляли собой переводные эквиваленты, русские соответствия новых иностранных слов. См., напр., *домостроитель* (архитектор), *водоважда* (канал), *рукоделие* (манифактура), *яйцуподобие* (овал), *телоковривия* (жесты), *морестраж* (гардемарин), *посещение* (визит), *промежуток* (интермедия), *название* (титул), *лист мореходный, учреждение, хранитель градской, доношение, расположение* и т.д.

В процессе дальнейшего развития лексики национального русского языка судьба новообразований Петровской эпохи (русских и иностранных) была неодинакова. Многие из них не удержались и исчезли из употребления, напр.: *инвитація* (приглашение), *эстима* (почтение), *шталт* (образец), *сущесловие* (метафизика), *видоначертание* (перспектива), *счисление* (арифметика) и т.д. Другие удержались и входили в общее употребление, напр.: *созвездия, соединения, учреждение, материк, материал, группа, демократия, шрифт, слесарь, скульптура* и т.д. Жизненность подобных слов объясняется многими причинами, напр., тем что они удовлетворяли насущные потребности языка, что у многих из них не было синонимов, что большинство из них являлись терминами, отличающимися своим интернациональным характером или словами, у которых развивались терминологические смысловые оттенки.

Как были необходимы многие слова, показывают хотя бы такие примеры. Из-за отсутствия слова «статую» в начале XVIII в., «статую» Венеры приходилось именовать «мраморной девкой»... «Кантемир вынужден был заменить французское слово «критик» описательным выражением «острый судья...» (1, стр. 222).

Не обошлось в этот период и без увлечения модой на иностранные слова, которое выразилось в том, что такие слова употреблялись без надобности или неправильно. В. В. Виноградов отмечает, что некоторые из европеизировавшихся дворян того времени почти теряли способность правильного, нормального употребления русского языка, вырабатывая какой-то смешанный жаргон. Таков, напр., язык В. И. Куракина, автора «Истории царя Петра Алексеевича»: «В то время названной Франц Яковлевич Лефорт пришел в крайнюю милость и конфиденцию интриг амурных» (6, стр. 60).

Петър I, осуждая злоупотребления иностранными словами, написал одному из своих послов приказ «В реляциях твоих употребляешь ты зело много польские и другие иностранные слова и термины, за которыми самого дела выразуметь невозможно; того ради впредь тебе реляции свои к нам писать российским языком, е употребляя иностранных слов и терминов...» (6, стр. 60).

Развитие русского литературного языка в первой половине XVIII в. отличается еще и тем, что тогда завершается процесс разрушения, распада системы типов, старых более или менее ясно очерченных систем литературного выражения. Это неизбежный этап на пути к формированию нового литературного языка на единой национальной (русской народной) основе и новой системы стилей.

Книжно-славянский тип русского литературного языка. В начале XVII в. процесс разрушения книжно-славянского типа русского литературного языка как целостной системы литературного выражения усиливается.

В этот период «церковнославянский язык как цельная, законченная система замыкается в рамках церковной, культовой литературы, изолируется в особый, так сказать, церковный «диалект», не входящий в систему нового русского литературного языка» (4, стр. 115).

Книжно-славянский тип русского литературного языка удерживается еще некоторое время, правда, в измененном виде, в определенных сферах светской литературы. По этому поводу Н. И. Толстой писал: «нельзя оставлять без внимания также опыты применения древнеславянского литературного языка в сферах новой светской образованности» (15, стр. 5). В самом деле, книжно-славянский тип продолжал функционировать (хотя и в очень измененном виде) в панегирической поэзии, в торжественной ораторской прозе, в драматургии, в некоторой части учебной и научной литературы Петровского времени.

Более или менее прочные позиции книжно-славянский тип получает в панегирической виршевой поэзии начала XVIII в. Вот отрывок из стихотворного панегирика «Кто идет с войском, лаврами венчанный»:

И открывает . . .
 Повелевая землям побежденным
 И учрежденным,
 Градом, езерам, народом побитым,
 Островам многим, синусам разлитым,
 И Балтицкому, чтоб не изливало
 В брегах бы стало.

На книжно-славянский тип ориентируется и торжественная научная проза, образцом которой могут служить «Слова и Речи» Феофана Прокоповича, архиепископа новгородского, энциклопедически образованного деятеля культуры, всецело поддержавшего преобразования Петра I. В. И. Горшков с основанием подчеркивает, что поскольку Феофан Прокопович в своих словах и речах живо откликается на события современности, в язык этих речей активно вторгались много новые слова и обороты (русского и иностранного происхождения), «без которых невозможно было обойтись» (3, стр. 174). Приведем отрывок из «Слова» Ф. Прокоповича с условным названием «О возрождении Русской земли»:

«Как внезапно да *вельми* знатно . . . стала в славу, в пользу *возрасти* Россия! растет человек, растет *древо*, *ведаем*, да никакими *очима* не можем усмотрети растительного движения, а мир весь ясно видел, как народ Российский, когда *весьма* ему исчезнути многие *провецали*, *возрастал* высоко и *аки* подымался . . . Уже и свободная учения полагают себе основания, *идеже* и *надежды* не имеаху, уже *арифметическая*, *геометрическая* и прочие *философския искусства* . . . умножаются».

Драматургические произведения (драмы, трагикомедии, интермедия) Петровского времени тесно связаны с традициями книжно-славянского типа, измененного под прямым воздействием стилистических особенностей литературного направления «барокко». В предшествующих разделах подчеркивалось, что под прямым воздействием стилистических приемов «барочной» литературы в книжно-славянском типе нарочито культивируются некоторые церковнославянизмы, уже выходящие из употребления, в него входят слова греческие, латинские, украинские, белорусские, слова антично-мифологические; его состав обильно пополняется за счет словотворчества; свойственный искусству «барокко» аллегоризм порождает целый поток метафор; нарочитую затрудненность приобретает синтаксический строй и т. д. (18, стр. 20—21). В одной или другой степени эти особенности измененного книжно-славянского типа нашли отражение в драме «Слава Российская», в трагедокомедии «Владимир» Феофана Прокоповича, в интермедии. Вот, напр., отрывок из трагедокомедии «Владимир» Ф. Прокоповича:

Аз первый *подзрел* его, яко лицемерно
 Начат богом случижити: слыши тайну *странну* . . .
 Радость, праздник, торжество, веселие наше
 Бе тогда: *воли* толсти и тучние *крави*
 Убиваеми *бяху* и довольно *страви*
 Не *бози токмо*, но и жреци *имеахом*
 И не токмо ни мало тогда не *стужахом*;
 Но, — вируй *ми*, о княже! — жрец Перуна, бога
 Добре *чрево* исполнил от тука премного . . .

К книжно-славянскому типу тяготели А. Ф. Магницкий в своей известной «Арифметике» (1703), Ф. Поликарпов в предисловии к своему «Лексикону треязычному» (1704), авторы отдельных переводов научной, военной и пр. литературы. В учебной и научной литературе книжно-славянский тип тоже представлен в измененном виде в результате мощного воздействия со стороны народного русского и западноевропейских языков. Так, в предисловии к своей «Арифметике» А. Ф. Магницкий пишет: «Повеле же и иных учений свободных же училища поставити, в них же высокая учения математическая и навигатская, си есть науки счисления, размерения, мореплавания, крепости градов и иных военных дел повеле распространяти, и всякого чина своего государства добровольно приходящих людей учити, доволствуя их и питая своею государевою казною: яко да злое противоестественное и непотребное неведение скоро в нашей земли истребитися, удобряется же чловецы свойственным ума удобрением, и всю видимую тварь, яко выше речеса».

Во всех остальных сферах происходит постепенное, но неуклонное вытеснение книжно-славянского типа из литературной практики. В многочисленных переводах научных книг, во многих учебных пособиях и научных сочинениях, в любовной лирике, в повествовательной литературе и т. д. наблюдается решительное вытеснение книжно-славянского типа. Светская литература приобретает все большее общественное значение. В этот период такие широко распространенные виды религиозной литературы, как жития и проповеди, остались в употреблении только в сфере церковной службы. В результате проведенной реформы азбуки церковная литература даже и внешне обособилась от светской. «Влиянию и значению старого, книжно-церковного языка в этот период нанесен мощный удар. Начавшаяся еще раньше «порча» этого языка приняла теперь большие размеры» (4, стр. 115). В некоторые виды литературы, которые традиционно ориентировались на книжно-славянский тип (напр. проповеди, слова, речи и т. п.), стали вливаться народно-разговорные элементы, обороты, характерные для других типов литературного языка, грамматические новообразования и т. д. Пользуясь книжно-славянским типом, авторы допускали много грамматических ошибок и его «гротескное соединение с западно-европейскими заимствованиями» (7, стр. 113). К. Аксаков и В. В. Виноградов специально обращают внимание на то обстоятельство, что в языке проповедей Стефана Яворского, слов и речей Феофана Прокоповича «ярко является характер тогдашнего слога, — эта смесь церковно-славянского языка, простонародных и травиальных слов, травиальных выражений и оборотов русских и слов иностранных» (19, стр. 252). В проповедях Феофана Прокоповича ясно выражены симптомы «обмирщения» церковнославянского языка: «Естьли бы к нам добрии гости, не предвозвестя о себе, морем ехали, узревше их, немощно бы уготовати трактament для них, как же на так нечаянно и скоро нападающего неприятеля мощно устроить подобающую оборону? едина конфузия, един ужас, трепет и мятеж . . . » (6, стр. 77).

Таким образом, правильно отмечает А. И. Горшков, стремительно сужается и постепенно затем вовсе исчезает основная литературная сфера применения книжно-славянского типа языка (3, стр. 173). Книжно-славянский тип литературного языка теряет свое значение в системе русского литературного языка и замыкается в рамках богослужения и церковной литературы. Он был не только труднодоступным для более широкой массы народа, не только непригодным для выражения новых понятий, но и непригодным для удовлетворения новых потребностей быстро распространяющейся светской литературы, в которой преобладают светские мотивы. Все это определило его бесперспективность в дальнейшей эволюции русского литературного языка.

Языковая политика Петра I и его сподвижников учитывала все эти обстоятельства и особенно необходимость в том, чтобы литературный язык стал более доступным для понимания широких кругов русского народа. Официальные правительственные инструкции, адресованные переводчикам и авторам, очень интересны в этом отношении. Так, напр., В. Мусин-Пушкин, один из сторонников языковой поли-

тики и литературно-переводческих предприятий Петра I, предлагал переводчику Ф. Поликарпову исправить перевод «Географии» «не высокими словами, но простым русским языком». «Со всем усердием трудися и высоких слов славенских класть не надобеть, но посольского приказу употреби слова» (6, стр. 72). Сам Ф. Поликарпов жаловался в своем заявлении синоду: «Книга Григория Богослова Низианзена, с прочими, иже с ней, переведена необыкновенною славянщицкою, паче же речи еллинизмом, и затем о ней мнози недоумевают и отбегают» (6, стр. 76). Характерно распоряжение Петра синоду (19 апреля 1724 г.) о составлении катехизиса, «чтоб просто написать так, чтоб и поселянин знал, или на две: поселяном простяе, а в городах покрасивее для сладости слышащих, как вам удобнее покажется» (6, стр. 74).

Очевидно, завершался процесс разрушения книжно-славянского типа как целостной системы литературного выражения. Но остро встала проблема сохранения в развивающемся литературном национальном языке богатых традиций книжно-славянского типа, отдельных его значительных, жизненных элементов.

Народно-литературный тип. Разрушение книжно-славянского типа языка как целостной системы литературного выражения приводит постепенно к нарушению и распаду старой системы русского литературного языка. Стал утрачивать свою специфику и народно-литературный тип, другая система литературного выражения в рамках литературного языка. Традиционная сфера употребления народно-литературного типа (повествовательная литература и летопись) в этот период изменяется. Ограничивается распространение летописей, быстро развивается светские жанры художественной литературы (повести, гистории, «смехотворная проза», переводные драматические произведения и т. д.), язык которых отличается особой пестротой и неупорядоченностью (напр. «Гистория о российском матросе Василии Кориотском», «История о Александре», переведенная с немецкого языка, комедия «Честный изменник, или Фридерико фон-Поплей и Алоизия, супруга его» и др.). Пестротой и неупорядоченностью отличается тоже и язык зарождающейся мемуарной литературы (напр. «Жизнь князя Бориса Ивановича Куракина им самим описанная») и язык интимной, любовной лирики (напр. «Уж как пал туман на сине море», «Любовная, с акростихом» и др.).

Светские жанры художественной литературы Петровского времени развивают традиции демократической литературы второй половины XVII в. Известно, что эта демократическая литература оставила глубокий след в истории русского литературного языка. «В выработанный предшествующим развитием книжный язык она влила две мощные струи — речь народно-поэтическую и живое разговорное просторечие, — влила в объеме, Древней Руси неведомом» (18, стр. 15). Светская литература отдаёт некоторую дань и книжно-славянской традиции. Она отражала также появление новых заимствованных слов и увлечение иностранными словами в определенных кругах русского общества Петровского времени. «В светской литературе развиваются новые, типичные для Петровского времени и отвечающие вкусам европеизирован-

ного читателя стилистические тенденции — некоторая «щеголеватость», «галантерейность» тона» (4, стр. 121).

Так, напр., в «Истории о российском матросе Василии Кориотском и о прекрасной королеве Ираклии Флоренской земли» читаем: «А как урочный термин пришел, чтоб ученикам-матросам маршировать в Санктпетербурх в Россию, то все матросы поехали, а Василия Кориотского оной гость нача просити, чтоб в Россию не ездил, понеже он, гость, его, Василия, возлюбил яко сына родного. Но токмо он, Василий Кориотской, нача от гостя проситися в дом ко отцу для свидания . . . И рече оной гость: «Любезнейший мой российский матрос, нареченный мой сын, изволь хотя еще чрез вексель послать ко отцу своему от имени моего, токмо ты, мой дражайший, не отлучался от меня» . . . »

Конструкции народного языка, книжные и разговорные формы, церковнославянские элементы, иностранные слова, некоторые новые формы вежливости — все это находится здесь в известном смещении (см. *проситися в дом, изволь послать; ученикам, поехали; нача просити, рече; понеже, возлюбил, яко, нареченный; термин, матросам, маршировать, вексель; любезнейший мой, мой дражайший* и пр.).

Подобная картина наблюдается и в «Истории о Ярополе цесаревиче»: «И взя царевич арфу и стал играть и воспевать концерты велми удивительно, и поидоша тонцовать прекрасныя девицы и так тонцовали, что и сорочки их хотя выжми от поту их, и все смотрят на Моафа царевича, что таких танец и концертов не слыхано и не видали . . . Слыша Агарь глаголя: «Поиди, господине мой, потеш их величество, аз стану играть!» . . . »

Ясно, что и в этом тексте находятся в полном смещении книжные и разговорные формы, просторечие и церковнославянизмы, элементы народной поэзии и иностранные слова (см. *поидоша, слыша; выжми от поту, не слыхано; сорочки, потеш; велми, глаголя, аз; царевич, прекрасныя девицы; концерты, арфу, тонцовать* и т.д.).

Такой же неупорядоченностью характеризуется язык переводных драматических произведений и лирики. Большой интерес представляет язык интимной лирики. В поисках художественных средств первые поэты-лирики обращались как к книжным источникам, так к народному творчеству и к западно-европейской поэзии. См., напр., стихотворение «Ах, свет мой горький моей молодости»:

Тяжка туга меня сокрушает,
Злая же печаль жизни мя лишает.
Хочь пойду в сады или *вертограды*,
Не маю в сердце ни малой отрады:
Друг мой сердечный прочь отъезжает,
Меня, бедную, в горе оставляет.

Иже обязан союзом неестным,
В любви сопряжен *афектом телесным* . . .

Очевидно, что авторы светских повестей и историй, мемуаристы, поэты-лирики и многие переводчики ориентировались на образцы, близкие к старому народно-литературному типу, сложившемуся на основе русского языка. Но границы, отделяющие народно-литературный тип от старого книжно-славянского типа и делового типа литературного языка, становятся все менее и менее отчетливыми. Авторы отдельных произведений пишут языком, близким к разговорному. См., напр., «Жизнь князя Бориса Ивановича им самим описанная»: « . . . то у меня в руках знамя пробили с города два раза из пушки, и мне кафтан под левую пазуху прострелили и рубашку, только что мало тела не захватывали».

Произведения других авторов были ориентированы на устное народное творчество, напр., стихи-песни П. А. Квашина: «Пойду ли я во чистое поле гуляти, / На красные на цветочки осмотреть, / Размычу свою злую кручину/ По чистому полю».

Произведения отдельных авторов отличались более книжным языком, напр. «История о Александре, российском дворянине»: «В России, в столичном граде Москве, был некий знатен дворянин, именем Дмитрий, добронравием, смелством, храбростию и учтивством zelo украшен и ко всякому добродейнию весьма был рачителен . . . »

Независимо от преобладания народно-разговорной, народно-поэтической или книжно-славянской стихии в различных произведениях общим для всех них остается неустойчивость норм, беспорядочное смешение, «хаотическая смесь разнородных элементов» (9, стр. 123) народно-разговорных и книжных форм, просторечия и новых форм вежливости, народно-поэтических оборотов и заимствований, церковнославянизмов и канцеляризов, архаизмов и диалектизмов.

Очевидно, что распадалась и целостность народно-литературного типа, границы которого всегда были очень зыбкими. По существу в системе литературного языка постепенно стали противопоставляться не типы, а «роды речений». Описываются отличия, отмечает В. В. Виноградов, риторически украшенной речи от речи простой, естественной, деловой (7, стр. 20). Этот процесс тоже оказался неизбежным этапом на пути к утверждению русского литературного языка на национальной основе.

Деловой тип. Для русского литературного языка в Петровскую эпоху характерны расширение сферы влияния делового типа языка и резкое усиление его значения.

Деловой тип языка функционирует активно в своей естественной среде: в документах официально-делового характера, в правительственных распоряжениях, в законодательстве и т.п. (напр. «Жалованная грамота», выданная в 1700 г. Петром I Ивану Теснигу, письма и бумаги Петра I, «Собрание законов Российской империи» и др.). Традиция старой приказной речи, писал Г. О. Винокур, представлена и в

печатных «Ведомостях» (9, стр. 117), в первой русской газете. С другой стороны, отмечает В. В. Виноградов, «деловая приказная речь вытесняла книжно-славянский тип из области науки» (6, стр. 17). Многие научные книги и переводы научной литературы, ряд трактатов и произведений публицистического характера тоже тяготели к деловому типу языка (конечно, в измененном виде), напр. «Арифметика Фелорика или зрительная» В. Киприянова (1705), «Глобус небесный иже о сфере небесной» (1707), «Зерцало естествозрительное» (1713), «Разговоры о множестве миров» г. Фонтенелла (перевод А. Кантемира, 1730), «Разговор у адмирала с капитаном о команде» К. Н. Зотова, «О ратном поведении», «О скудости и богатстве», «Проект о школах» И. Т. Посошкова и т.д.

Деловой тип языка все больше и больше развивается и обогащается в результате осложненных связей с книжной литературой, с остальными типами литературного языка. Он активно пополняется заимствованиями, разного рода новообразованиями, книжными элементами, некоторыми средствами художественной выразительности и особенно новой терминологией. Правда, по сравнению с остальными типами (разновидностями) литературного языка, деловой тип в большей степени связан с живым народным русским языком, на основе которого по существу он формировался. Поэтому, как с основанием отмечают исследователи, так называемый приказный язык глубоко внедряется в пеструю и кипящую стихию народной речи с ее областными диалектами. Областные диалекты, оказывая влияние на местные видоизменения и вариации приказно-деловой речи, дают «богатый инвентарь бытовых синонимов и синонимических выражений» (1, стр. 436). Просторечие тоже находило место в этом типе языка, который в Петровскую эпоху сильно уже отличается от старинного языка приказов. Деловой тип постепенно развивается в сторону большей литературности и книжности. «Старый приказный язык начинает казаться слишком простым и примитивным, в деловом языке все больше обнаруживается то «гражданское посредственное наречие», которое формируется в этот период» (18, стр. 119). Подчеркнем еще раз рекомендации В. Мусина-Пушкина, который писал Ф. Поликарпову: «Со всем усердием трудися и высоких слов словенских класть не надобеть, но посольского приказу употреби слова». Очень характерно в этом отношении и заявление Ф. Поликарпова о языке перевода «Географии генеральной» (1718): «Преводих сию не на самый высокий славенский диалект против авторова сочинения и хранения правил грамматических, но множае гражданского посредственного употреблял наречия, охраняя сенс и речи оригинала иноязычного» (5, стр. 74).

В деловом типе тоже происходит известное смешение, неупорядоченное столкновение разнородных стилистических элементов: старых приказных формул (оборотов) и западноевропейских заимствований, канцеляризмов и книжных новообразований, диалектизмов, а также просторечия и церковнославянизмов.

См., напр., отрывок из «Жалованной грамоты», выданной Петром I Ивану Тесингу (1700): «... повелели ему, по челобитью его, дать

сию нашу великого государя, нашего царского величества, жалованную грамоту, для того, в прошлом 1698 году, в прибытии в вышеупомянутый град Амстердам к высокопочинным господам статом наших великого государя, нашего царского величества, великих и полномочных послов, генерала и адмирала . . . »

См. отрывок из «Ведомостей»: «Сентября в 27 день московские войска 10 000 человек на сей стороне реки Невы при Нотенбурхе между русским и ингерманландским рубежами пришли и стали тамо и учили шанцы делать, за 500 шагов от крепости на сей стороне реки. Войско наше с генералом Крониортом стоит на той стороне реки . . . »

См. отрывок из «Разговора у адмирала с капитаном о команде» К. Н. Зотова: «И когда валы будут так велики что опасно от шатания великого боками посломать машты, или подвалитися которым нибудь боком подвал, отчего каравль может раздробитися и потече, тогда надобно фок распустить чтоб он прямиа бежал а не шатался бы боками. . . »

См. отрывок из книги «О скудости и богатстве» Ив. Т. Посошкова: «О салдатех, и о драгунах надлежит весьма великое попечение имети, и сильно того смотрети, дабы они пищею и одеждою были нескудны, а егда будут всем довольны, то и в службе будут исправнее, и сего ради, яко главных полков, тако и последних, и новобранных полков вси не были бы ни голодни ни холодни . . . »

Литературная обработка делового типа языка, его совершенствование, активное проникновение в его состав книжных форм и элементов, иностранных слов и терминов, осложнение его синтаксического строя, непосредственные связи с живым народным русским языком — все это обусловило его перспективность в дальнейшем развитии русского литературного языка. Конечно, старый деловой тип терял свою специфику и перестал противопоставляться остальным типам литературного языка. В этот период прежняя система типов литературного языка разрушалась. Зарождался единый национальный литературный язык с новой системой стилей.

Живые связи с народным языком и воздействие книжного языка стали причиной того, что в «Петровскую эпоху светско-деловой язык решительно выступил в роли средней нормы литературности» (5, стр. 63), «гражданского посредственного наречия». В научной литературе, в переводах, в сочинениях публицистического характера, в трактатах и т. п. трудах варьируют в зависимости от образованности и вкуса авторов, от жанра литературы и предмета описания разновидности этого «гражданского посредственного наречия».

Правильно указывали П. Житецкий и Г. О. Винокур, что Петр I, как организатор русской государственной жизни, сознавал нужду в таком языке, который служил бы для Русского государства «органом правительственной власти» и «символом государственного единства» (9, стр. 115). Очевидно, именно «гражданское посредственное наречие» могло удовлетворять эту нужду. Все эти обстоятельства дают основание говорить о резком усилении значения старого делового типа особенно в дальнейшей эволюции русского литературного языка.

Старые стилистические отношения, основанные на противопоставлении и функциональном разграничении двух стихий русского литературного языка, — церковнославянской, на основе которой сложился книжно-славянский тип, и русской народной, на основе которой сложились народно-литературный и деловой типы, — в Петровскую эпоху уже изменяются.

Проникновение заимствований из иностранных языков во все типы литературного языка, обогащение делового и народно-литературного типов книжными формами, конструкциями и церковнославянскими, распространение народно-разговорных элементов и других особенностей, характерных для делового и народно-литературного типов, в книжно-славянский тип — все это приводило к известному нивелированию противопоставленности типов. Взаимодействие между ними и взаимопроникновение их элементов разрушало их целостность, границы между ними стали зыбкими и расплывчатыми. В то же время принимало все более очерченные формы другое противопоставление — стилистическое, отражающее деление речи на три разновидности: высокую, среднюю и низкую. Явно, что в этот период созревала «острая общественная необходимость нормализации литературного языка» (10, стр. 81). Внутри литературного языка, отмечает В. В. Виноградов, начинает складываться «дифференцированная система стилистических критериев, определяющих пригодность и выразительность применения тех или иных форм, слов и конструкций в рамках того или иного стиля» (4, стр. 4).

В этот период закладываются основы современных функциональных стилей, возникают зачаточные формы и предпосылки их формирования. Ю. С. Сорокин справедливо указывает на то, что при общем обзоре языка Петровской эпохи обычно говорится о беспорядочном смещении различных речевых стихий, о состоянии известной языковой неустойчивости и «взбудораженности», но остается неясно показанной большая работа по формированию новых стилей речи, которая проводилась под эгидой Петра его сподвижниками. «Эти новые тенденции недостаточно отчетливо вычлениются и акцентируются, в результате чего нередко является несправедливое мнение, что по общим стилистико-языковым признакам Петровская эпоха ближе примыкает к XVII в., чем к последующим десятилетиям XVIII в.» (22, стр. 17).

В самом деле, именно первая четверть XVIII в. является начальным этапом в складывании нового стиля научной речи и терминологических систем. Именно тогда начала свою деятельность «Российская академия» («Российский союетет наук»), которая опубликовала ряд своих трудов с исследованиями по математике, астрономии, физике, медицине, истории. Академики и коллегия академических переводчиков были активными участниками академических «Комментариев» на русском языке, первого научного журнала «Примечаний в Ведомостях». Тогда были составлены и первые оригинальные учебные курсы

по различным отраслям знаний (напр. учебники академиков Крафта по физической географии и механике, Германа по арифметике и геометрии, Эйлера по арифметике и т.д.). Были составлены или переведены разнообразнейшие учебники, научные и научно-популярные сочинения (напр. «География генеральная» Б. Варнения, перевод с латинского Ф. Поликарпова, 1718 г.; «Флоринова економия с немецкого на российский язык сокращенно переведена», 1738 г.; «Зерцало естествозрительное», 1713 г.; «Сокращение математическое ко употреблению Е. В. Императора Всея России», 1728 г., и т.д.). Л. П. Кутина обращает специальное внимание на то обстоятельство, что круг научных идей и понятий, которыми оперировала научная письменность доломосовской поры, был уже очень широк. В то время излагаются гелиоцентрическая система Коперника и теория всемирного тяготения Ньютона, волновая теория света Гюйгенса и вихревая космогоническая теория Декарта, геометрия Эвклида и начала дифференциального и интегрального исчисления, учение о живых силах Лейбница, теорема Пифагорова, законы Архимеда, Кеплера, Паскаля (16, стр. 5). Большая работа над языком научных книг, по мнению Л. Л. Кутиной, в высшей степени сознательные и ответственные действия переводчиков и переводческих коллегий, огромный труд по созданию эквивалентов к названиям сотен и тысяч научных понятий, живой интерес русских авторов к переводам научной литературы и ее нормам, тесные контакты с иностранными языками, помогавшие осмыслить многое в русском языке и его семантических возможностях — все это не замедлило сказаться. «Язык научных книг 30-ых годов и по словарю, и по синтаксису был самым обработанным и совершенным среди прочих жанров и типов литературного выражения этого времени» (16, стр. 6).

В это время закладываются основы и стиля деловой речи, формируется категория канцеляризмов, т.е. стабилизовавшихся и ставших затем устойчивыми и шаблонными элементами этого стиля (14, стр. 88), которые распространяются в разные сферы литературного языка. «Деловой язык» все более и более утрачивает специфику особой разновидности письменного языка и вовлекается в систему русского литературного языка как одна из его функциональных разновидностей (12, стр. 188).

Закладываются также и основы газетно-публицистического стиля. Первые русские «Ведомости» сыграли важную роль в этом отношении. Уже первые выпуски газеты показали, что в системе средств русского литературного языка обнаруживались возможности образования новых терминов, фразеологии, синтаксико-стилистических элементов, отличающих стиль газеты, рассчитанной на массового читателя. Его формирование свидетельствовало о качественно новых процессах, происходивших в литературном русском языке (14, стр. 89).

Другая характерная тенденция в развитии русского литературного языка Петровской эпохи — это широкое проникновение в его систему народно-разговорных и отчасти диалектных и просторечных элементов. Это явление отражает общий процесс демократизации русского литературного языка. Вообще органическое сближение ранее противопо-

ставленных и обособленных систем письменного и разговорного языка, подчеркивает Б. А. Ларин, надо считать важным характерным признаком образования национального языка (17, стр. 25). Народно-разговорные и отчасти просторечные и диалектные элементы (лексико-фразеологические, морфологические, синтаксические и даже орфографические, отражающие живое произношение) проникают в различные сферы литературного языка. Особенно яркое отражение они находят в повествовательной, публицистической и деловой литературе, в газете, в отдельных научно-популярных сочинениях.

См., напр., в «Гистории о российском матросе Василии Кориотском»: *и чаели; от моря никуды и проходу нет; ему куда проитить; зйти неведомо куда; пошел тою стешкой; уснул крепким сном; изрубили в пирожные части; слуху нет* (12, стр. 181).

Правда, многие архаические элементы старого книжного языка, которые позже были вытеснены из литературного употребления, в это время сосуществуют с элементами народно-разговорного языка. Но главное, что определяет судьбу литературного языка в Петровскую эпоху, это не сосуществование книжных и народно-разговорных элементов, а медленное, но неуклонное расширение позиций народно-разговорной речи, постепенное ограничение употребления «высокого славянского диалекта».

Распад старой системы типов и закладывание основы новой системы стилей, разрушение старых норм и неустойчивость новых обусловили основные противоречия в развитии русского литературного языка Петровской эпохи. Разрушение старой системы типов привело к смешению книжно-славянских, церковно-славянских, народно-разговорных, народно-поэтических и просторечных элементов, канцеляризм и диалектизм, к которым прибавились проникшие в литературный язык новые заимствования, новые формы вежливости, ряд новообразований.

Смешение разнородных элементов (книжных и разговорных лексических единиц, грамматических форм и синтаксических конструкций), необычайная пестрота лексико-фразеологического состава в рамках отдельных произведений свидетельствовали не только о неупорядоченности и неустойчивости норм литературного языка, но и о богатстве его ресурсов, о напряженном процессе складывания нового литературного языка на национальной основе. Этот сложный процесс предполагал установление народной основы русского литературного языка, формирование новой стилистической системы, усвоение всех жизнеспособных элементов (церковно-книжных, просторечных, заимствованных и т. д.), упорядочение литературного языка. Такой процесс переживают многие литературные языки в период становления их норм как национальных языков. В Петровскую эпоху указанный процесс был в своем начальном этапе. Завершение его стало главной задачей следующего периода.

§ 5. ПЕРВЫЕ ПОПЫТКИ УПОРЯДОЧЕНИЯ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Процесс складывания нового литературного русского языка на национальной основе был длительным и противоречивым. Он закончился лишь в первой половине XIX в. Следовательно, история русского литературного языка на протяжении почти целого столетия шла под знаком его нормализации, упорядочения и устранения основных противоречий. В решении проблемы нормализации, упорядочения русского литературного языка в послепетровское время отмечаются различные тенденции. Но в общих чертах первые плодотворные попытки упорядочения русского литературного языка связаны с деятельностью А. Д. Кантемира и В. К. Тредиаковского.

Антиох Дмитриевич Кантемир, зачинатель русского классицизма, вошел в историю русской литературы прежде всего как автор сатир (см. «К уму своему», «Филарет и Евгений», «О воспитании» и др.). Он увлекался и любовными песнями, написал ряд эпиграмм и басен, начал писать поэму «Петрида», переводил на русский язык крупные произведения по литературе, истории, философии. Для всего творчества Кантемира характерна «тяга к просторечию, к обогащению поэтического языка живой устной речью» (15, стр. 254). Однако средства разговорного языка, в том числе и просторечие, подвергаются Кантемиром определенному отбору и упорядочению.

Первая удачная попытка упорядочения русского литературного языка на основе сближения его с языком народным нашла отражение прежде всего в сатирах Кантемира, о языке которых он писал: «Обыкши я подло и низким штилем писать, не умею составлять панегирики, где высокий штиль употреблять надобно». «Живое общественное содержание сатир Кантемира, писал Г. О. Винокур, и их художественная острота обусловили и непринужденную, бытовую, даже фамильярную фразеологию (ср. выражения, вроде *пяля глаза, голы враки, лепит горох в стену* и пр.)». Язык сатир Кантемира «обращен в будущее в гораздо большей степени, чем любое иное литературное явление его времени» (9, стр. 121). Кантемир сознательно отказался от использования книжно-славянского языка как основы языка своих произведений и обратился к разговорному языку как основному источнику литературного языка (3, стр. 193). Поэтому он подбирает и соответствующие языковые единицы и формы. См., напр., отрывок из сатиры I «К уму своему»:

Силван другую вину наукам находит:
«Учение, — говорит, — нам голод наводит;
Живали мы преж сего, не зная латыне,
Гораздо обильнее, чем мы живем ныне,
Гораздо в невежестве больше хлеба жали . . .»

Отбор языковых средств, осторожность в использовании как просторечия, так и церковнославянизмов, отказ от их одновременного употребления в одном контексте обусловил известную ровность слога.

Но первые практические шаги в нормализации русского литературного языка не сыграли сколько-нибудь заметной роли в его даль-

нейшем развитии. Дело в том, что сатиры Кантемира были напечатаны только в 1762 г. (т. е. около 30 лет после того, как они были написаны) и, что особенно важно, особенности языка сатир Кантемира, по основателю замечанию В. Д. Левина, очень тесно связаны с содержанием и характером самого жанра. Но именно этот жанр не получил заметного развития в русской литературе XVIII в., «что и определило судьбу стилистических тенденций, выраженных в нем» (18, стр. 125).

Василию Кирилловичу Тредиаковскому, выдающемуся русскому просветителю середины XVIII в., принадлежит первое теоретическое обоснование необходимости нормализации русского литературного языка и его сближения с разговорным языком. Тредиаковскому принадлежит большое количество работ, оригинальных и переводных, по различным отраслям знания. В 1730 г. он напечатал перевод Поля Таллемана «Езда в остров любви», обративший на него внимание культурной общественности. В трактате «Новый и краткий способ к сложению российских стихов» Тредиаковский излагает принципы нового стихосложения, основываясь на наблюдениях над «поэзией простого народа», опираясь на достижения народной устной поэзии. Историческому изучению развития русского стихосложения посвящен другой его трактат, «О древнем, среднем и новом стихотворении российском», в котором Тредиаковский ориентируется на ритмику фольклорного стиха и возобновляет старинную народную систему стихосложения. Тредиаковский издал перевод романа Джона Баркляя «Аргенида» и стихотворный перевод романа Фенелона «Похождения Телемака». Он перевел огромный труд Роллена—Креве «Всемирная история».

Деятельность Тредиаковского как писателя, поэта, переводчика была направлена на решение важных и сложных проблем развития национального русского языка и языка русской литературы.

Особое значение в этом отношении имел его перевод романа французского писателя Поля Тальмана «Езда в остров любви». В предисловии к переводу Тредиаковский писал. «На меня, прошу вас покорно, не извольте погневаться (буде вы еще глубокославны держитесь славенщизны), что я оную не славенским языком перевел, но почти самым простым русским словом, то есть каковым мы меж собою говорим. Сие я учинил следующих ради причин. Первая: язык славенский у нас есть язык церковной, а сия книга мирская. Другая: язык славенской в нынешнем веке у нас очень темен, а многия его наши читая не разумеют, а сия книга есть сладкая любви, того ради всем должна быть вразумительна. Третия: которая вам покажется может быть самая легкая, но которая у меня идет за самую важную, то есть, что язык славенский ныне жесток моим ушам слышится, хотя прежде сего не только я им писывал, но и разговаривал со всеми: но за то у всех я прошу прощения, при которых я с глупословием моим славенским особым речотцем хотел себя показывать».

Все высказанные Тредиаковским соображения имели важное теоретическое значение и отражали основные тенденции развития русского литературного языка: а) отказ от книжно-славянского (церковносла-

вянского) языка как языка литературы и признание за ним роли только языка церкви; б) ориентация на разговорный русский язык как основу литературного языка (12, стр. 194); в) значительный сдвиг, происшедший в эстетических взглядах определенных общественных кругов. Очень показательно мнение Тредиаковского о том, что в первой половине XVIII в. церковнославянский язык замыкается в рамках церковной литературы, что он «очень темен», мало понятен и эстетически неприемлем.

Призыв Тредиаковского к использованию «простых русских слов», т. е. народно-разговорного языка, к отказу от книжно-славянского языка как основы литературного языка вызвал большое недовольство реакционных кругов церковников.

Стказ от книжных традиций лежит и в основе проекта реформы орфографии (см. «Разговор между чужестранным человеком и российским об орфографии старинной и новой», 1748), в котором он доказывает необходимость новой орфографии, более доступной, провозглашая принцип письма «по звонам», отражающий в написании правильное живое произношение.

Первая теоретическая попытка нормализации русского литературного языка по пути сближения литературного языка с народным, разговорным и вытеснения книжно-славянского типа из сферы литературного языка не могла сыграть какой-либо определенной роли в истории русского литературного языка. Языковая база, на которую Тредиаковский пытался опереться, оказалась социально ограниченной. Он писал, что перевел книгу П. Тальмана «почти самым простым русским словом, то есть каковым мы меж собою говорим», имея в виду «простое русское слово», разговорный язык «знатнейшего и искуснейшего благородного сословия», «двора ея величества», т. е. образованного дворянства. «Очевидно, бытовая речь начала и середины XVIII в., писал Г. О. Винокур, в придворном русском обществе, которое никогда не было у нас руководящей культурной силой, не обладала свойствами, прямолинейное воспроизведение которых в литературе способно было решить проблему литературного языка» (8, стр. 78). Кроме того та светско-галантная литература, на которой выросла концепция Тредиаковского (так обстояло дело и с сатирами Кантемира), не получила на русской почве развития (18, стр. 127).

Впоследствии филологические взгляды Тредиаковского претерпели изменения. Он стал выступать в защиту «славенского» элемента и в своей поэтической практике все чаще обращался к церковнославянскому (книжно-славянскому типу) языку. Действительно, его первые поэтические опыты-песенки ориентированы на разговорный русский язык. В них автор использует народную лексику и фразеологию, просторечие, грамматические формы и конструкции живой разговорной речи. См., напр.:

*Плюнь на суку
морскую скуку
держишь черней, а знаи туку:
стать отишно,*

*Ах! широки
и глубоки
воды морски, разобьют боки,
весь заставят*

и непышно;
так не будет волн и слышно.

не оставят
добры ветры и приставят.

Но в большинстве других произведений Третьяковский продолжает традицию языка Петровской эпохи в использовании церковно-славянизмов, книжных форм, заимствованных единиц и т. п. См., напр., «Стихи похвальные России»:

Виват Россия! виват *драгая!*
виват надежда! виват *благая!*
Скончу на флейте стихи печальны
зря на Россию *чрез страны* дальны . . .

Всущности и сам перевод романа «Езда в остров любви» ясно показывает, что, несмотря на прогрессивность и правильность теоретических установок Третьяковского, они не могли все еще получить практического воплощения. Слишком сильны были старые традиции, очень сложна и противоречива была литературная практика, мало было подготовительных трудов, которые могли бы содействовать решению трудных проблем развития национального русского литературного языка. Язык перевода «Езда в остров любви», несмотря на заявления Третьяковского, мало чем отличается от повестей Петровского времени. Он отличался известной стилистической пестротой, наличием элементов народно-поэтических, разговорных наряду с тяжеловесными конструкциями, церковнославянизмами, архаическими формами, канцелярскими оборотами, формулами европеизированной манеры повествования и т. д. См., напр., отрывок из указанного перевода:

«Я за справедливое нахожу, любезный мой Лицида, чтоб вам известие учинить о мне, и по отсутствовании такожде чрез целый год, дабы наконец вас освободить от нетерпеливаго беспокойства, в которое вас привело безызвестие о моем состоянии . . . Однако я уповаю, что сие мне имеет быть к великому моему утешению, ежели я учию вам, наилучшему от моих друзей, ведение о моих печалех и о моих веселиях, ибо печальная жалоба не малую чинит пользу злочастным . . .»

Нельзя не признать радикальности идей и взглядов Третьяковского. Но его борьба за упорядочение русского литературного языка, за его развитие на национальной русской основе была только начальным этапом исключительно важного и сложного процесса в истории русского литературного языка. Решение коренных вопросов его эволюции было еще впереди.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Р. И. Аванесов, В. В. Виноградов, Русский язык. БСЭ, т. 37.
2. К. Аксаков, Ломоносов в истории русской литературы и языка. Собрание сочинений, т. 2, 1889.
3. И. А. Василевская, Лексические новшества в русской литературной речи XVIII в. (см. 20).

4. В. В. Виноградов, Роль художественной литературы в процессе формирования и нормирования русского национального литературного языка. Тезисы докладов на совещании по проблемам образования русского национального языка, М., 1960.

5. В. В. Виноградов, Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв., М., 1938.

6. В. В. Виноградов, Вопросы образования русского национального литературного языка. Вопросы языкознания, 1956, № 1.

7. В. В. Виноградов, Основные проблемы изучения образования и развития древнерусского литературного языка, М., 1958.

8. Г. О. Винокур, История русского литературного языка. Избранные работы по русскому языку, М., 1959.

9. Г. О. Винокур, Русский литературный язык в первой половине XVIII в. Избранные работы по русскому языку, М., 1959.

10. В. П. Воинерский, Ломоносов как исследователь стилей русского литературного языка первой половины XVIII в. Русский язык в школе, 1965, кн. 2.

11. Вопросы образования восточнославянских национальных языков, М., 1962.

12. А. И. Горшков, История русского литературного языка, М., 1969.

13. И. П. Еремин, Русская литература и ее язык на рубеже XVII—XVIII веков. Сб. Начальный этап формирования русского национального языка, М., 1961.

14. А. И. Ефимов, История русского литературного языка, М., 1971.

15. История русской литературы XVII—XVIII веков. А. С. Елеонская, О. В. Орлов, Ю. Н. Сидорова, С. Ф. Терехов, В. И. Федоров, М., 1969.

16. Л. Л. Кутина, Формирование языка русской науки, М.—Л., 1964.

17. Б. А. Ларин, Разговорный язык Московской Руси. Сб. Начальный этап формирования русского национального языка, М., 1961.

18. В. Д. Левин, Краткий очерк истории русского литературного языка, М., 1964.

19. Начальный этап формирования русского национального языка, М., 1961.

20. Русская литературная речь в XVIII в., М., 1968.

21. Н. А. Смирнов, Западное влияние на русский язык в Петровскую эпоху, СПб., 1910. Сб. Отделения русского языка и словесности Академии наук, т. XXXVIII, № 2.

22. Ю. С. Сорокин, О задачах изучения лексики русского языка XVIII в. Сб. Процессы формирования лексики русского литературного языка, М.—Л., 1966.

23. Н. И. Толястой, Роль древнеславянского литературного языка в истории русского, сербского и болгарского литературных языков. Сб. Вопросы образования восточнославянских национальных языков, М., 1962.

24. Хрестоматия по русской литературе XVIII в., М., 1952.

25. Р. М. Цейтлин, Краткий очерк истории русской лексикографии, М., 1958.

ЛОМОНОСОВСКИЙ ПЕРИОД В ИСТОРИИ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Развитие русского литературного языка в середине и второй половине XVIII в. тесно связано с деятельностью гениального русского писателя и ученого Михаила Васильевича Ломоносова, великого реформатора русского литературного языка, создателя первой научной грамматики русского языка. М. В. Ломоносов с глубоким проникновением прозрел потребности своего времени и основные проблемы развития русского литературного языка. С его именем связана плодотворная, исторически необходимая и очень сложная работа, направленная на теоретическое обоснование новой системы стилей, на устранение противоречий и стилистической пестроты в языке литературы, на создание единых литературных норм, на упорядочение и дальнейшее развитие русского литературного языка. «Великий ученый заложил основы русского литературного языка» (20, стр. 3). Ломоносов был одним из основоположников русского языкознания, науки о русском языке, сравнительно-исторического языкознания, одним из создателей русской научной терминологии. Он знаменует собой начало нового этапа в развитии русской культуры.

§ 1. СТИЛИСТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ ЛОМОНОСОВА,
СФОРМУЛИРОВАННАЯ В ЕГО РАБОТЕ «ПРЕДИСЛОВИЕ
О ПОЛЬЗЕ КНИГ ЦЕРКОВНЫХ В РОССИЙСКОМ ЯЗЫКЕ»

Разрушение грани между старыми типами русского литературного языка, основанных главным образом на противопоставлении и разграничении двух стихий литературного языка (книжно-славянской и русской народно-разговорной), привело к резким колебаниям в формах и конструкциях, в словоупотреблении и лексико-фразеологическом составе литературного языка.

Созревала острая общественная необходимость в устранении основных противоречий, которые характеризовали язык Петровского вре-

мени, в нормализации и упорядочении русского литературного языка. Нормализация литературного языка в этот период заключалась в разрешении нескольких основных вопросов: а) о характере основы русского литературного языка (народно-русской или книжно-славянской); б) о роли и месте народно-разговорной стихии, с одной стороны, и книжно-славянской стихии, с другой, в системе русского литературного языка; в) о границах использования заимствованных, просторечных и диалектных элементов; г) об организованности и общественной осознанности системы языковых средств и вообще новой системы стилей.

С тонким художественным чутьем и поразительным даром научного обобщения Ломоносов вскрыл основные тенденции русского литературно-языкового развития и существо тех процессов в истории русского литературного языка XVII — первой половины XVIII в., которые привели к формированию стилей.

Гениальный русский филолог определил закономерности в образовании новой стилистической системы русского литературного языка, систематизировав фонетические, грамматические и лексико-фразеологические различия между стилями (13, стр. 59). Его стилистическая теория дала ответ на основные вопросы языкового развития того времени.

Стилистическая теория Ломоносова была сформулирована в наиболее концентрированном и законченном виде в его работе «Предисловие о пользе книг церковных в российском языке» (1758).

Ломоносов установил существование трех «родов глаголения» (трех стилей), которые начали определяться уже со второй половины XVI в. и особенно в XVII в. Процесс их разграничения «сопровождался формированием общего структурного ядра русского литературного языка на народной великорусской речевой основе» (10, стр. 214) и был результатом развития синонимических соответствий между двумя основными типами литературного языка (книжно-славянского и народно-литературного вместе с деловым типом). Сложные процессы образования синонимического параллелизма (на фонетическом, грамматическом и лексическом уровнях) между системами этих типов литературного языка были связаны с осознанием и выделением общего или нейтрального литературного языкового фонда, который получил название посредственного или среднего стиля («рода глаголений»). В азбуковниках и словарях XVI—XVII вв. соответствия двух, а иногда и трех стилей литературного языка нашли яркое отражение. См. данные Азбуковника, отпечатанного И. Сахаровым (Сказания русского народа, т. II), напр.: *абие* — тотчас, вборзе; *вертоград* — огород, сад; *брадвы* — топор; *паки* — опять; *овен* — баран; *през* — чрез; *зодчий* — здатель, каменщик; *стогна* — улица, дорога; *тигр* — зверь лют; *юнец* — телец; *яко* — зане, как и т.д.

Ломоносову удалось определить характер трех «родов глаголения» на основе правильного понимания взаимодействия русской и церковно-славянской стихий в литературном языке. Ломоносов имел ясное представление о том, что языки русский и церковнославянский представ-

ляют собой два разных, но очень близких, родственных языка. «Следует писать о разности славенского с российским», подчеркивал Ломоносов (28, стр. 631). В то время ни у кого из ученых еще не существовало такого ясного представления о различии двух родственных славянских языков.

В результате сложного взаимодействия русской и церковнославянской стихий формируются функциональные разновидности единого литературного языка («роды глаголанья») на общерусской народной основе, которые он называет «штилями», указывая на существование таких трех «штилей».

Известно, что теория деления языка на три части обоснована в античных риториках и поэтиках. В основу этого деления кладется такая форма умозаключения, которая в логике известна под названием трихотомического деления понятия. Трихотомическое деление речи на три разновидности: высокую, среднюю и низкую было уже выработано Кратетом (середина II в. до н. э.). Анонимный автор в «Риторике к Герению» (80-ые годы н. э.) пишет: «Существуют три вида или, как мы говорим, манеры, в которые укладывается всякая правильно построенная речь: одну манеру мы называем величественной, другую — средней, а третью — сниженной» (3, стр. 273—274).

Трихотомическое деление речи известно риторикам и поэтикам средневековья и Возрождения. Поэтому совершенно естественным оказалось использование этого трихотомического деления в первых попытках русских риторик описать систему функциональных разновидностей русского литературного языка.

«Риторика» (1620), написанная Макарием, содержит главу: «О тройных родах глаголанья» (род высокий глаголанья, род мерный и род смиренный) (4, стр. 333). Подобное деление «родов глаголанья» свидетельствует, что к XVII в. в русском литературном языке уже обозначились общие контуры системы «трех родов глаголанья», трех стилей. Эта теория излагалась и в других риториках конца XVII — начала XVIII в., а также и в написанных по латыни руководствах по поэтике и риторике Феофана Прокоповича. В конце XVII — начале XVIII в. распространяется и сам термин «стиль» («штиль»), которым обозначается как определенная разновидность языка (высокий, средний, низкий стиль), так и манера изложения, оценка языковых фактов (хороший, плохой стиль и т.п.).

В работе «Предисловие о пользе книг церковных в российском языке» для разграничения основных стилистических контекстов русского литературного языка Ломоносов тоже использовал принцип трихотомии. Этот принцип он использовал на разных уровнях классификации: на уровне «родов речений», «штилей», «жанров», тем и предметов (12, стр. 83).

Теория Ломоносова известна под названием учения о трех стилях, хотя он сам никогда так ее не называл. Дело в том, что учение о трех стилях известно, как было показано, и античным, и средневековым риторикам. Следовательно, заслуга Ломоносова не заклю-

чается в том, что он обосновал теорию трех стилей. Учение о трех стилях, пишет В. В. Виноградов, послужило Ломоносову лишь «удобной рамкой для схематического разграничения основных стилистических контекстов русского литературного языка» (8, стр. 92). Огромная заслуга Ломоносова заключается в том, что он определил нормы этих стилей, развил учение о принципах и способах их конструирования, указал пути соединения в русском литературном языке русской и церковнославянской стихий. Именно в этом Ломоносов был вполне самобытен и оригинален и исходил из реальных условий состояния русского литературного языка. В ломоносовском учении о трех стилях полностью проявилось его глубокое и верное понимание генетических и стилистических отношений, исторически сложившихся в русском литературном языке (26, стр. 129).

Стилистическая теория Ломоносова излагается в «Предисловии о пользе книг церковных в российском языке» следующим образом:

«Как материи, которые словом человеческим изображаются, различествуют по мере разной своей важности, так и российский язык чрез употребление книг церковных по приличности имеет разные степени: высокий, посредственный и низкий. Сие происходит от трех родов речений российского языка.

К первому причитаются, которые у древних славян и ныне у россиян общеупотребительны, напр.: *бог, слава, рука, ныне, почитаю*.

Ко второму принадлежат, кои хотя обще употребляются мало и особливо в разговорах, однако всем грамотным людям вразумительны, напр.: *отверзаю, господень, насажденный, зываю*. Неупотребительные и весьма обветшалые отсюда выключаются, как: *обаваю, рясны, овогда, свене* и сим подобные.

К третьему роду относятся, которых нет в остатках славенского языка, то есть в церковных книгах, напр.: *говорю, ручей, который, пока, лишь*. Выключаются отсюда презренные слова, которых ни в каком штиле употребить непристойно, как только в подлых комедиях.

От рассудительного употребления и разбору сих трех родов речений рождаются три штиля: высокий, посредственный и низкий.

Первый составляется из речений славяно-русских, то есть употребительных в обоих наречиях, и из славенских, россиянам вразумительных и не весьма обветшалых. Сим штилем составляться должны героические поэмы, оды, прозаические речи о важных материях, которыми они от обыкновенной простоты к важному великолепию возвышаются. Сим штилем преимуществует российский язык перед многими нынешними европейскими, пользуясь языком славенским из книг церковных.

Средний штиль состоять должен из речений, больше в российском языке употребительных, куда можно принять некоторые речения славенские, в высоком штиле употребительные, однако с великою осторожностью, чтобы слог не казался надутым. Равным образом употребить в нем можно низкие слова, однако остерегаться, чтобы не опуститься в подлость. И, словом, в сем штиле должно наблюдать всевозможную равность, которая особливо тем теряется, когда речение сла-

венское положено будет подле российского простонародного. Сим штилем писать все театральные сочинения, в которых требуется обыкновенное человеческое слово к живому представлению действия. Однако может и первого рода штиль иметь в них место, где потребно изобразить геройство и высокие мысли; в нежностях должно от того удаляться. Стихотворные дружеские, сатиры, эклоги, элегии сего штиля больше должны держаться. В прозе предлагать им пристойно описание дел достопамятных и учений благородных.

Низкий штиль принимает речения третьего рода, то есть которых нет в славенском диалекте, смешивая со средним, а от славенских вообще не употребительных вовсе удаляясь по пристойности материй, каковы суть комедии, увеселительные эпиграммы, песни, в прозе дружеские письма, описание обыкновенных дел. Простонародные низкие слова могут иметь в них место по рассмотрению».

В указанном труде Ломоносова характеристика трех стилей дается лишь с точки зрения их лексического состава.

Ломоносов выделяет три «рода речений» на основе генетической (славенские, славяно-русские и русские).

Но классификация «речений» проводится и с точки зрения историко-стилистической. Ломоносов обращает внимание на то, что лексика русского литературного языка сложилась в результате взаимодействия и совместного развития на протяжении многих веков русской народно-разговорной и книжной, церковнославянской стихий (напр. слова в древних славян и ныне у россиян общеупотребительные; неупотребительные и весьма обветшалые слова и т. д.).

Лексические ряды оцениваются и через призму трех стилистических категорий: «пристойность», приличность (т. е. соответствие «речений» их теме повествования, «материям»), «употребительность» (степень их употребительности в сферах речевого общения) и «понятность» (12, стр. 84).

В лексическом разряде, который с точки зрения историко-генетической принадлежит «славенскому» языку, Ломоносов выделяет три группы: а) «речения, которые у древних славян и ныне у россиян общеупотребительны», напр.: *слава, рука* и т. д.; б) «речения, кои хотя обще употребляются мало, а особливо в разговорах, однако всем грамотным людям вразумительны», напр.: *насажденный, взываю* и др.; в) «неупотребительные и весьма обветшалые речения», напр.: *рясны, овогда* и пр. (28).

В лексическом разряде, который с этой же историко-генетической точки зрения принадлежит русскому языку, Ломоносов выделяет четыре группы: а) «речения, которые у древних славян и ныне у россиян общеупотребительны», напр.: *слава, рука* и пр. (т. е. это «славяно-русские речения», общие в обеих группах); б) «речения, которых нет в остатках славенского языка», т. е. «русские речения», напр.: *который, пока* и др.; в) «простонародные низкие слова»; г) «презренные слова, которых ни в каком штиле употребить непристойно» (28).

Сравнение указанных двух лексических разрядов показывает, что основной единицей соотношения всех групп «речений» являются «ре-

чения у древних славян и ныне у россиян общеупотребительные», т. е. «славяно-русские речения».

Лексика русского литературного языка середины XVIII в., таким образом, состоит из трех «родов речений», обладающих генетическими и стилистическими качествами. Ломоносов регламентировал состав русской и «славенской» стихий в лексике русского литературного языка и определил стилистические признаки этих «речений» (приличность, пристойность, употребительность и понятность).

За пределами лексики русского литературного языка этой эпохи Ломоносов оставил три группы слов: а) «неупотребительные и весьма обветшалые славенские речения», т. е. это церковнославянизмы, которые употреблялись очень редко и не проникли в систему русского литературного языка или исчезли из употребления; б) «презренные слова, которых ни в каком штиле употребить непристойно», т. е. это, по-видимому, грубо просторечные слова, вульгаризмы, употребление которых в литературной речи Ломоносов считал невозможным; в) «невразумительные» заимствования, о которых Ломоносов специально не писал в своей работе «Предисловие о пользе книг церковных в российском языке», но по другому поводу называет их «дикими и странными слова нелепостями», предлагая оставлять только те из них, которые усвоены русским языком и «в такое пришли обыкновение, что будто бы они сперва в российском языке родились» (17, стр. 608).

В «Предисловие о пользе книг церковных в российском языке» Ломоносова впервые в истории науки о русском языке классифицируются три стиля русского литературного языка на основе разграниченных по своим генетическим и стилистическим качествам слов, определяются нормы этих стилей и жанры, которые их обслуживают. В указанной работе Ломоносова противопоставление стилей основывается на различии их лексического состава. Но в «Российской грамматике» и в «Риторике» он обосновал также фонетические и грамматические различия между стилями, которые будут рассмотрены в следующем параграфе.

Итак, на основе разграниченных по генетическим и стилистическим признакам лексических групп Ломоносов определяет три стиля: *высокий, средний* (посредственный) и *низкий*. Стиль — это целесообразно организованная и общественно осознанная система языковых средств (13, стр. 50).

Высокий стиль — это система славянизированной речи. Словарный состав высокого стиля составляет из трех лексических категорий: а) из «речений славенских, россиянам вразумительных и не весьма обветшалых»; б) из «речений славяно-русских, то есть употребительных в обоих наречиях»; в) из тех заимствований, которые прочно вошли в словарь русского литературного языка.

Средний стиль представляет собой такую разновидность литературного языка, как и высокий, но его позиция на стыке между стилями делает состав языковых средств неопределенным, а границы его очень зыбкими (13, стр. 50). Словарный состав среднего стиля составляет из четырех лексических категорий: а) из «речений, больше

в русском языке употребительных», которые, очевидно, объединяют две группы (первая — «славянорусские речения», т. е. «речения, которые у древних славян и ныне у россиян общеупотребительны», и вторая — «русские речения», т. е. «речения, которых нет в остатках славенского языка»); б) из «речений, в высоком стиле употребительных, однако с великою осторожностью, чтобы слог не казался надутым»; в) из «речений», которые Ломоносов обозначает термином «низкие слова», предупреждая, что в среднем стиле «употребить можно низкие слова, однако остерегаться, чтобы не опуститься в подлость». Ломоносов подчеркивает, что в «сем штиле должно наблюдать всевозможную равность, которая особливо тем теряется, когда речение славенское положено будет подле русского простонародного».

Средний стиль, в котором происходило сложное взаимодействие книжно-славянских и народно-разговорных элементов, сыграл важную роль в дальнейшей эволюции русского литературного языка. По словам В. В. Виноградова, средний стиль постепенно становится ядром системы формирующегося русского национального языка, а его изменения делаются движущим началом ее изменения. Однако нормы этой системы еще неустойчивы и колебания их очень разнообразны и широки. Даже в пределах одного и того же стиля наблюдается широкое сосуществование синонимических дублетов, напр.: *действие — действие, щедроть — щедрота* и др. (9, стр. 19).

Н и з к и й с т и л ь (простой штиль) представляет собой третью систему языковых средств, лексический состав которых тоже сложен. Он составляется из трех основных лексических категорий: а) из «речений, которых нет в славенском диалекте», т. е. собственно «русских»; б) из «речений», употребительных в среднем стиле, т. е. «славено-русских» (употребительных «у древних славян и ныне у россиян»); в) из «речений простонародных» («низких» слов), которые могут иметь место «по рассмотрению». Ясно, что состав лексических средств «простого штиля» отличается своей двойственной природой. С одной стороны, в простой стиль включаются «славенорусские речения», которые являются общими и для высокого, и для среднего, и для низкого стилей, и относятся к литературно-обработанной речи. С другой стороны, в простой стиль включаются «простонародные низкие слова», относящиеся к числу ненормированных языковых средств.

В стилистической теории Ломоносова устанавливается зависимость между жанром и стилем. Для каждого жанра предусматривается определенный стиль. Теория Ломоносова имела ввиду письменный литературный язык вообще, хотя она построена прежде всего на материале художественной литературы (24, стр. 12).

В ы с о к и м с т и л е м «составляться должны героические поэмы, оды, прозаические речи о важных материях», куда практически относились «похвальные слова», произведения высокой публицистики и, отчасти, научная литература.

С р е д н и м с т и л е м «писать все театральные сочинения», «стихотворные дружеские письма, сатиры, эклоги и элегии», «описание дел достопамятных и учений благородных», куда практически относились научные и исторические сочинения.

Н и з к и й с т и л ь предусматривается для комедий, увеселительных эпиграмм, песен, в прозе дружеских писем, описания обыкновенных дел.

Это было в соответствии с поэтиками классицизма, разграничивающими существующую систему жанров. Ломоносов прикрепляет отдельные жанры литературы к тем или иным «штилям», устанавливая дополнительную зависимость между «материей» (т. е. темой, предметом изложения), жанром и стилем. Так, напр., «высокая материя» требует «высокого» жанра и соответственно высокого стиля. Но жанр в теории Ломоносова не является компонентом стиля. Языковые (в данном случае лексические) средства, которые употребляются в том или ином жанре, не зависят от природы жанра, а от принадлежности жанра к предмету повествования, к теме, «которые различествуют по мере разной своей важности» (13, стр. 54). От степени важности предмета и темы зависит выбор жанра, соответствующий предмету и теме. Стили рождаются, по словам Ломоносова, от «рассудительного употребления и разбору трех родов речений», о которых уже говорилось.

Учение о трех «штилях» (о трех системах литературного выражения или о трех стилистических разновидностях литературного языка), связанных с тремя определенными группами жанров, призвано преодолеть противоречия в развитии литературного языка, регламентировать употребление разнородных элементов (27, стр. 132).

Стилистическая теория Ломоносова имела важное теоретическое и практическое значение. Она устанавливает русскую основу литературного языка. В составе «речений» всех трех стилей основное место отводится русскому языку. Слова, общие церковнославянскому и русскому языкам (славено-русские речения), лежат в основе всех трех стилей. Слова русские, которых нет в церковнославянском языке, стали одним из основных компонентов среднего и низкого стилей.

Ограничивается и регламентируется сфера употребления церковнославянского языка, который уже оказывается в подчиненном положении по отношению к русскому литературному языку. Церковнославянский язык не может быть основным материалом ни в одном стиле, ни в одном жанре.

Наряду с этим Ломоносов подчеркивает, что русское общество, стремясь к созданию новой системы национального языка, может построить ее на путем отрицания всей культуры церковнославянского языка, но в действительном союзе и общении с живыми традициями церковно-книжной речи. Именно поэту он пишет о той пользе, которую может принести церковнославянский язык, язык книг церковных, русскому языку.

Теория Ломоносова определила принципы и сферы употребления в литературном языке просторечия. Оно допускается в низкий стиль в качестве неосновного компонента этого стиля и лишь с большими ограничениями в средний стиль. Таким образом ограничивался процесс стихийного проникновения просторечия в литературный язык.

Регламентируются и принципы употребления иностранных слов. Ломоносов указал на необходимость отбирать из заимствований все

наиболее употребительное и необходимое для русского языка и освобождаться от «диких и странных слов», «входящих к нам из чужих языков».

В стилистической теории Ломоносова содержатся и зачатки учения о языке художественной литературы, о его специфике, отличающей его от языка остальных разновидностей литературы. Только в художественной литературе выделялись все три группы жанров и соответственно три стиля. Другие разновидности литературы (научной, публицистической, исторической и пр.), с основанием утверждает А. И. Горшков, хотя и включались в общую жанрово-стилистическую систему, но каждая из этих разновидностей относилась только к какой-либо одной группе жанров и ей был присвоен только один соответствующий стиль (15, стр. 203). Так, напр., «описание обыкновенных дел» предписывалось выполнять единственно низким стилем.

Теория Ломоносова вносила порядок в ту пестроту лексических категорий (русских, церковнославянских, иностранных слов), которая была особенно характерна для литературного языка начала XVIII в. Их использование в русском литературном языке регулируется. «Неупотребительные и весьма обветшалые» «церковнославянизмы», «презренные российские речения» и «невразумительные, дикие слова», входящие из чужих языков, должны быть выключены, по мнению Ломоносова, из русской письменности.

В литературном языке остается все наиболее живое и употребительное в разговорной речи, а также и наиболее необходимые элементы книжной речи, неупотребительные в «разговорах», но «всем грамотным людям вразумительные».

Это раскрывает и основной принцип Ломоносовской реформы — опора на употребительный общенародный язык при сохранении наиболее жизнеспособных элементов книжно-литературной традиции.

§ 2. СТИЛИСТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ М. В. ЛОМОНОСОВА, СФОРМУЛИРОВАННАЯ В ЕГО «РОССИЙСКОЙ ГРАММАТИКЕ»

«Российская грамматика» М. В. Ломоносова, законченная в 1755 г. и опубликованная в 1757 г., была первой научной нормативной грамматикой русского литературного языка. Это значит, что она не только фиксирует обширнейший фактический материал, почерпнутый из различных пластов общенародного языка, но обобщает и отбирает его с точки зрения норм литературного языка середины XVIII в.

В предисловии к своему труду М. В. Ломоносов четко определяет задачи и цели его, а также большое теоретическое и практическое значение грамматики. «Тупа оратория, косноязычна поэзия, неосновательна философия, неприятна история, сомнительна юриспруденция без грамматики. И хотя она от общего употребления языка происходит, однако правилами показывает путь самому употреблению».

«Российская грамматика» М. В. Ломоносова состоит из шести частей (наставлений), включая в себя фонетику, орфоэпию, орфографию и грамматику.

Первое наставление, названное «О человеческом слове вообще», посвящено разъяснению значения человеческой речи и значения слова.

Наставление второе — «О чтении и правописании российском» — содержит ясное изложение основных вопросов фонетики, орфоэпии и орфографии.

Третье наставление, озаглавленное «О имени», включает описание системы имен существительных, прилагательных и числительных.

Наставление четвертое — «О глаголе» — полностью посвящено глаголу.

В пятом наставлении с заглавием «О вспомогательных или служебных частях слова» рассматриваются местоимения, причастия, наречия, предлоги, союзы и междометия.

В последнем наставлении — «О сочинении частей слова» — изучается синтаксис словосочетаний.

Составленная как научное исследование, «Российская грамматика» М. В. Ломоносова стала незаменимым учебным руководством для нескольких поколений русских людей. Спрос на нее был настолько значителен, что на протяжении первого тридцатилетия она переиздавалась Академией наук пять раз, при этом всегда с «наискорейшим послешанием» (29, стр. 3—4). Это исследование было именно грамматикой русского языка. До «Российской грамматики» Ломоносова в учебных заведениях пользовались грамматиками церковнославянского языка, в которых факты русского языка находили отражение лишь эпизодически.

Значение «Российской грамматики» в нормализации русского литературного языка очень большое. Особенно важное значение имели стилистические замечания и рекомендации Ломоносова, которые определяли нормы произношения, правописания применительно к отдельным стилям.

Описание и систематизация фонетических, морфологических и отчасти синтаксических явлений в «Российской грамматике» Ломоносова имеют своей целью, по словам В. В. Виноградова, представить общую национальную структурную основу русского языка (10, стр. 220), которая, в главном, совпадает со средним стилем, а иногда приближается к простому. Эта основа служит фоном и вместе с тем ориентиром для противопоставления отклоняющихся от нее явлений высокого словенского штиля «системе простого разговорного стиля».

В грамматике М. В. Ломоносова фонетические и грамматические средства русского языка противопоставляются главным образом в соответствии с принадлежностью к одному из двух стилей — высокому и простому (не высокому). При решении вопроса об отсутствии указания на средний стиль в «Российской грамматике» мнения отдельных авторов расходятся.

В этом отношении соображения Г. О. Винокура, В. В. Виноградова и В. Д. Левина являются, на наш взгляд, наиболее обоснованными и приемлемыми. Г. О. Винокур считает, что грамматика Ломоносова отражает «нормы новой книжной речи, как она сложилась в традиции «среднего слога», на почве слияния «славянского» и «русского» эле-

ментов в едино целое» (11, стр. 81). В. Д. Левин убедительно доказывает, что наличие трех стилей как определенным образом организованных типов речевых контекстов не означает, что и сами языковые элементы непременно и всегда распределены по трем стилистическим группам. Очень редко выстраивается такой синонимический ряд, который включал бы все три стилистически разграниченные единицы, а если это и оказывается возможным, то относящееся к среднему стилю выступает как факт нейтральный, т.е. допустимый и в высоком и низком стилях.

В области орфоэпии Ломоносов указывает на такие наиболее значительные отличия между двумя противопоставленными стилями (высоким и простым).

а) В высоком стиле нормой признается оканье (сохранение безударного *-o*), тогда как в простом стиле нормативным считается аканье (безударное *-o* выговаривается как *-a*, напр. *хорошо* — *харашо*).

б) В высоком стиле *-e* под ударением перед твердыми согласными не изменяется (напр. *орел*, а не *орёл*), а в простом стиле *-e* в такой позиции переходит в *-ио* (*ё*), напр. *три* — *трёх*, т.е. *триох*.

в) В высоком стиле различие между гласными *-ѣ* (ять) и *-e* еще сохранялось, а в простом стиле — не сохранилось.

г) В высоком стиле *-г* произносится как фрикативный, «как у иностранных *-h*» (напр. *благодарю*), а в простом — как звук *-г* взрывной.

д) В высоком стиле не наблюдается замена *-г* на *-в* в родительном падеже прилагательных и местоимений, а «в простых российских словах и разговорах» она отмечается (напр.: *своего*, *сильного* и *моево*, *сильново*).

е) Можно указать также и на разницу в ударениях: в высоком стиле — *высо́ко*, *избра́н*, *да́ры* и др., а в простом — *высоко́*, *избран*, *дары́* и пр.

В области грамматики Ломоносов указывает на целый ряд отличий между стилями.

а) В высоком стиле допускается только окончание *-а* в родительном падеже единственного числа существительных мужского рода (напр. *трепет* — *трепета*), а в простом стиле рекомендуется и употребление окончания *-у* для тех существительных, которые «далее от славянского отходят» (напр. *визг* — *визгу*).

б) В высоком стиле рекомендуется употребление окончания *-e* (*-ѣ*) в местном падеже единственного числа существительных мужского рода (напр. *в поте лица труд совершать*), а в простом стиле *-у* (напр. *в поту домой прибежал*).

в) Простой стиль отличается от высокого широким распространением «имен увеличительных и умалительных» (напр. *рука* — *ручища* — *рученька*).

г) Формы сравнительной и превосходной степени прилагательных на *-ейший*, *-айший*, *-иший* употребительны в высоком стиле, особенно в стихах (напр.: *светлейший*, *высочайший*, *обильнейший*).

д) В высоком стиле категория числительных сохраняет архаические формы (напр.: *четырдесятый*, т.е. *сороковой*, *вторьнадцатый*, т.е. *двенадцатый*).

е) Собираательные числительные употребляются только в простом стиле (напр.: *двое мещан*, *трое беглых*, *девятиро разбойников*). М. В. Ломоносов подчеркивает, что «не прилично сказать: *трое бояр*, *двое архиереев*; но *три боярина*, *два архиерея*».

ж) Причастия признаются особенностью высокого стиля. Поэтому «причастия только от тех российских глаголов произведены быть могут, которые от славянских как в произношении, так и в знаменовании никакой разности не имеют», пишет Ломоносов (напр.: *венчающий*, *венчаемый*; *питающий*, *питаемый*; *борющийся*, *борющийся*). Ломоносов указывает на то, что причастные конструкции «употребляются только в письме, а в простых разговорах можно их изображать через возносимые местоимения *который*, *которая*, *которое*. Весьма не надлежит производить причастия от тех глаголов, которые нечто подлое значат и только в простых разговорах употребительны» (напр. *чавкающий*, *мараемый*, *нырнувший*).

з) В высоком стиле употребляются деепричастия на *-я*, а в простом на *-уци*, *-юци* (напр. лучше сказать *дерзая* и *толкаяци*, нежели *дерзаючи* и *толкая*).

и) Глагольные формы типа *стук*, *хватъ*, *глядь*, *сов* и т.п. могут употребляться только в простом стиле.

к) В высоком стиле возможно употреблять оборот «дательный самостоятельный» (напр. *восхощу солнцу*, *ходящу мне* и пр.).

л) В высоком стиле, пишет В. В. Виноградов, ссылаясь на «Риторику» Ломоносова, допускается идущий от конца XVII в. тип церковнославянской конструкции, сближенной с формами латино-немецкой фразы, конструкции, отодвигающей глагол на конец предложения и отличающейся причудливыми формами инверсивного словорасположения (8, стр. 115).

Следует специально подчеркнуть, что архаичные грамматические формы отсутствуют в грамматике Ломоносова (напр. формы двойственного числа, формы старых падежных окончаний на *-ом*, *-ы*, *-ех* в дательном, творительном и предложном падежах множественного числа и т.д.). В подобных категориях Ломоносов дает русскую систему глагольных форм. Наряду с этим Ломоносов узаконивает в грамматике наиболее устойчивые и употребительные церковнославянские формы, которые имели прочную книжно-литературную традицию (напр. причастия, формы превосходной степени прилагательных и др.). В грамматике нет резко просторечных и диалектных форм. Безусловно, «все это обновило и демократизировало весь грамматический строй русского литературного языка» (1, стр. 437).

Таким образом регламентации в области орфоэпии и грамматики подчиняются основной концепции Ломоносова, что систему литературного языка русской нации необходимо строить на основе синтеза жизнеспособных церковно-книжных и народных русских форм речи.

§ 3. РОЛЬ М. В. ЛОМОНОСОВА В РАЗВИТИИ НАУЧНОГО СТИЛЯ И РУССКОЙ НАУЧНОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

С именем М. В. Ломоносова связывается также дальнейшее развитие научного стиля и русской научной терминологии.

Уже обращалось внимание на то, что язык научных книг первой половины XVIII в. и по словарю, и по грамматической упорядоченности, и по синтаксису был самым обработанным и совершенным среди прочих жанров и типов литературного выражения того времени. Это явилось результатом большой работы над языком научных сочинений, исключительно сознательного отношения переводчиков к своему ответственному делу, напряженного труда по созданию эквивалентов к названиям огромного количества научных понятий, интенсивных контактов с иностранными языками, помогавших осмыслить важные процессы в родном языке и его семантических возможностях. На этом фоне естественно и понятно появление такого мастера научного языка, как Ломоносов (23).

Научные труды М. В. Ломоносова (напр. «Слово о пользе химии», «Слово о происхождении света» и др.) и его переводы научных книг (напр. перевод «Вольфгангской экспериментальной физики») дают представление о том, как формировался и развивался научный стиль, как он испытывал влияние стиля художественной литературы, в какой степени ощущался еще недостаток точных и кратких терминов, в силу чего приходилось прибегать к образным сопоставлениям, аналогиям и объяснениям (16, стр. 65).

Характерный строй речи, функциональные особенности употребления (в смысле отбора и сочетания языковых средств, закономерности функционирования, частотность специфических единиц) показывают развитие научного стиля в научных трудах Ломоносова. Очень существенно то, что не только в своих теоретических филологических трудах, но и практически в научной прозе Ломоносов утверждает русскую основу науки. Подчеркивалось уже, что некоторые культурные деятели XVII в. ориентировались на книжно-славянский тип литературного языка в своих научных сочинениях (напр. Магницкий, Поликарпов и др.). Ломоносов сознательно освобождает научный стиль от архаичных книжно-славянских слов, форм и оборотов. Ломоносовым проделана огромная работа по отбору, усовершенствованию и созданию разнообразных моделей предложений, конструкций и периодов, отлично приспособленных для выражения различных логических единиц (15, стр. 219). Но согласно своей стилистической теории, когда изложение переходило в «прозаичные речи о важных материях, которым они от обыкновенной простоты к важному великолепию возвышаются», Ломоносов использовал и языковые средства высокого стиля.

Утверждая русскую основу языка науки, Ломоносов, естественно, содействовал и ограничению использования иностранных языков в этой функции. По образному выражению некоторых исследователей, во времена Ломоносова русская наука училась говорить на своем родном языке. Показательно, что к концу 60-ых годов XVIII в. лучшие ее пред-

ставители читали в Московском университете лекции по всем предметам на русском языке.

М. В. Ломоносов содействовал дальнейшему развитию русской научной терминологии. Важную роль в этом отношении сыграли, по словам Б. Н. Меншуткина (30, стр. 133), всестороннее знание русского языка, обширные сведения в точных науках, прекрасное знакомство с латинским, греческим и западноевропейскими языками, литературный талант и природный гений М. В. Ломоносова.

Своими научными сочинениями М. В. Ломоносов содействовал распространению ряда новых терминов. Наряду с этим он является и создателем множества терминов.

Создавая научные термины, М. В. Ломоносов стремился использовать прежде всего материал русского языка (на основе создания новых устойчивых сочетаний или терминологизации некоторых общеупотребительных слов), напр.: *двигающая сила; жидкие тела; отвращенный луч; изломленный луч; зажигательная точка; огонь, звон, теплота* и т.д. (30, стр. 5).

Ломоносов содействовал распространению ряда интернациональных терминов, напр.: *горизонтальный, диаметр, атмосфера, метеорология, микроскоп, квадрат, оптика* и др.

Огромная и плодотворная деятельность Ломоносова в области русского языка способствовала упорядочению и нормализации русского литературного языка, утверждению его русской основы, сохранению наиболее жизнеспособных элементов книжно-церковной традиции, развитию научного стиля и русской научной терминологии.

Всестороннее исследование языка М. В. Ломоносова, писал С. П. Обнорский, должно в полнейшем виде вскрыть нормы общего литературного языка, как они пролагались деятельностью этого великого реформатора русского языка. Не все в этих нормах пережило эпоху Ломоносова и послужило к дальнейшему росту литературного языка. Отдельные черты в этих нормах как изживавшие себя остатки давней системы языка в последовавшем развитии русского литературного языка не удержались. Но основной костяк выдвинутых Ломоносовым норм языка определил дальнейшие судьбы его развития (24; 36).

Останется навсегда живым в сознании поколений направлявший всю деятельность Ломоносова его завет активной любви к прекрасному русскому языку. С волнением будут читать они глубоко содержательные слова бессмертного гения: «Карл пятый, римский император, говаривал, что испанским языком с богом, французским — с друзьями, немецким — с неприятелями, итальянским — с женским полом говорить прилично. Но если бы он российскому языку был искусен, то, конечно, к тому присовокупил бы, что им со всеми говорить пристойно. Ибо нашел бы в нем великолепие испанского, живость французского, крепость немецкого, нежность итальянского, сверх того богатство и сильную в изображениях краткость греческого и латинского языка. Обстоятельное всего сего доказательство требует другого места и случая» (28, стр. 391—392).

Волнующие слова о силе и красоте русского языка встречаются в многих других работах М. В. Ломоносова.

В русском языке Ломоносов видел неистощимые возможности для всех тружеников в области литературы, науки и искусства: «Сильное красноречие Цицероново, великолепная Вергилиева важность, Овидиево приятное витийство не теряют своего достоинства на российском языке. Тончайшие философские воображения и рассуждения, много-различные естественные свойства и перемены, бывающие в сем видимом строении мира в человеческих обращениях, имеют у нас пристойные и вещи выражающие речи. И ежели чего точно изобразить не можем, не языку нашему, но недовольному своему в нем искусству приписывать долженствует. Кто отчасу далее в нем углубляется, употребляя предводителем общее философское понятие о человеческом слове, тот увидит безмерно широкое поле или, лучше сказать, едва пределы имеющее море» (28, стр. 392).

Образцы красоты русского языка Ломоносов находил и в творениях, созданных в прошлых веках: «Красота, великолепие, сила и богатство российского языка явствует довольно из книг, в прошлые веки писанных, когда еще не токмо никаких правил для сочинений наши предки не знали, но и о том едва ли думали, что оные есть или могут быть» (28, стр. 582).

Филологические труды Ломоносова, вся его писательская и литературно-художественная деятельность являются проникновенным, необыкновенно прозорливым ответом на самые сложные вопросы в области русского литературного языка того времени. Они возникали постоянно в процессе его развития. Не вернуться ли к устоям прежнего, в основе «славянского», языка, который употреблялся в качестве литературного языка в допетровскую пору? Можно ли оправдать симбиоз разговорной стихии русского языка с нормами прежнего литературного языка, умерив в нем долю и русского, и «славянского» начала? Как быть с гранями иноязычной стихии, все врывающейся, где нужно и где ненужно, в русский литературный язык? Вообще, каковым должно быть соотношение в русском литературном языке отдельных, по исторической преемственности обозначившихся в нем, напластований? (36, стр. 164). Проблема русского литературного языка была принципиально и правильно разрешена гениальным прозрением Ломоносова: он именно установил тот путь «развития нашего литературного языка, который прямой линией сомкнет его с Пушкиным, этим мощным создателем современного нашего литературного языка. В этом была историческая миссия Ломоносова, которую он блестяще выполнил, в этом основная заслуга Ломоносова перед русским обществом, перед русской наукой» (36, стр. 164).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Р. И. Аванесов, В. В. Виноградов, Русский язык. БСЭ, т. 37.
2. К. С. Аксаков, Ломоносов в истории русской литературы и языка. Полное собрание сочинений, М., 1889, т. 2.
3. Античные теории языка и стиля, М.—Л., 1936.

4. Д. С. Бабкин, Русская риторика начала XVII в. Труды Отдела древнерусской литературы, 1951, вып. VIII.
5. А. С. Будилович, О языке Ломоносова. Русский филологический вестник, 1869.
6. С. М. Бурдин, Роль М. В. Ломоносова в создании естественно-научной терминологии в русском литературном языке. Автореферат кандидатской диссертации, М., 1952.
7. В. В. Виноградов, Основные проблемы изучения, образования и развития древнерусского литературного языка, М., 1958.
8. В. В. Виноградов, Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв., М., 1938.
9. В. В. Виноградов, Вопросы образования русского национального литературного языка. Вопросы языкознания, 1956, № 1.
10. В. В. Виноградов, Проблемы стилистики русского языка в трудах М. В. Ломоносова. Кн. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика, М., 1963.
11. Г. О. Винокур, Избранные работы по русскому языку, М., 1959.
12. В. П. Вомперский, Ломоносов как исследователь стилей русского литературного языка первой половины XVIII в. Русский язык в школе, 1965, № 2.
13. В. П. Вомперский, О понятии «штиля» в стилистической теории М. В. Ломоносова. Сб. Вопросы стилистики, М., 1966.
14. Н. В. Гаряева, Значение М. В. Ломоносова в изучении русского литературного языка, Свердловск, 1958.
15. А. И. Горшков, История русского литературного языка, М., 1966.
16. И. А. Елизаровский, Российская грамматика М. В. Ломоносова. Архангельск, 1958.
17. А. И. Ефимов, М. В. Ломоносов и русский язык, М., 1961.
18. А. И. Ефимов, История русского литературного языка, М., 1971.
19. Е. А. Иванова-Янковская, Стилистические реформы русского языка в «Российской грамматике» М. В. Ломоносова. Ученые записки Омского педагогического института, вып. II, 1958.
20. Е. Ф. Карский, Значение М. В. Ломоносова в развитии русского литературного языка. Русский филологический вестник, т. 67, 1912.
21. М. Н. Кожина, К основаниям функциональной стилистики, Пермь, 1968.
22. П. С. Кузнецов, О трудах М. В. Ломоносова в области исторического и сравнительного языкознания. Ученые записки МГУ, вып. 150, 1952.
23. Л. Л. Кутина, Формирование языка русской науки, М.—Л., 1964.
24. В. Д. Левин, Очерк стилистики русского литературного языка конца XVIII — начала XIX в., М., 1964.
25. В. Д. Левин, Краткий очерк истории русского литературного языка, М., 1964.
26. Ю. М. Лотман, К вопросу о том, какими языками владел М. В. Ломоносов. Сб. XVIII в., вып. 3, М., 1958.
27. С. П. Лопушанская, Структурно-семантические особенности инфинитива в ораторской прозе М. В. Ломоносова. Сб. Очерки по истории русского языка и литературы XVIII в., Казань, 1969.
28. М. В. Ломоносов, Полное собрание сочинений в десяти томах, М.—Л., 1950—1957, т. 7.
29. В. Н. Макеева, История создания «Российской грамматики» М. В. Ломоносова, М.—Л., 1961.
30. Б. Н. Меншуткин, Жизнеописание Михаила Васильевича Ломоносова. Известия АН СССР, Отделение общественных наук, 1937, № 1.
31. М. Н. Морозова, М. В. Ломоносов и русская грамматика. Русский язык в школе, 1961, № 5.
32. М. Ф. Моисеенко, Имена существительные с суффиксом *-ина* в языке М. В. Ломоносова. Сб. Очерки по истории русского языка и литературы XVIII в., Казань, 1969.
33. С. П. Обнорский, Ломоносов и русский литературный язык. Кн. Избранные работы по русскому языку, М., 1960.

34. А. И. Соболевский, Ломоносов в истории языка. Журнал Министерства народного просвещения, 1912, № 1.

35. М. Т. Тагиев, Вопросы синтаксиса в «Российской грамматике» М. В. Ломоносова. Русский язык в нерусской школе, Баку, 1956, № 2.

36. В. И. Чернышев, М. В. Ломоносов и его «Российская грамматика». Русский язык в школе, 1940, № 2.

37. П. Г. Черемисин, Опыт сопоставления стилистической системы русского литературного языка эпохи М. В. Ломоносова с современной стилистической системой. Сб. Очерки по истории русского языка и литературы XVIII в., Казань, 1969.

38. А. А. Царев, Сложные слова в языке научной прозы М. В. Ломоносова. Сб. Очерки по истории русского языка и литературы XVIII в., Казань, 1969.

39. Т. А. Шаповалова, Глагольные категории и формы в «Российской грамматике» и художественных произведениях М. В. Ломоносова. Ученые записки Борисоглебского педагогического института, вып. I, 1956.

40. Т. А. Шаповалова, Языковедческие воззрения М. В. Ломоносова. Ученые записки Борисоглебского педагогического института, вып. I, 1956.

Глава четвертая

РАЗВИТИЕ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII в.

Вторая половина XVIII в. — важный период в истории русского литературного языка, непосредственно предшествующий тому времени, когда завершается формирование национального литературного языка и образование единых общенациональных норм литературно-языкового выражения.

История русского литературного языка в XVIII в., по словам В. В. Виноградова, в основном сводится к трем сложным процессам: ко все более тесному сближению стилей литературного языка с системой национально-разговорного общенародного языка; к постепенному устранению перегородок, жанровой разобщенности между тремя стилями языка и к созданию единой национально-языковой нормы литературного выражения при многообразии способов ее функционально-речевого использования; и, наконец, к литературной обработке народного просторечия, к сближению норм живой устно-народной речи с нормами литературного языка и к формированию устойчивых норм разговорно-литературной речи (6, стр. 22).

Все указанные процессы развиваются особенно интенсивно в середине и во второй половине XVIII в.

В этот период развитое Ломоносовым учение о трех стилях ложится в основу стилистической практики употребления литературного языка. Тогда же вырисовываются в более четких линиях лексико-фразеологические и грамматические нормы национального литературного языка.

История русского литературного языка 70—90-ых годов XVIII в. проходит под знаком начавшегося кризиса системы трех стилей. Обнаруживается узость теории трех стилей, определяются формы ее преодоления в творчестве передовых русских писателей и деятелей второй половины XVIII в. Происходит взаимное обогащение их творчества и литературного языка новыми средствами литературного выражения. Развитие литературного языка идет по пути выработки более свободной от жанровых ограничений и правил литературной нормы (24, стр. 174).

В этот период происходит разрушение системы высокого стиля. Вопрос о среднем стиле, о средней литературной норме, близкой к народно-разговорному языку и одновременно обогащенной книжной речевой культурой, приобретает исключительную остроту.

Борьба со старокнижными традициями и излишними иноязычными заимствованиями связывается с установлением норм литературного языка на народной основе, с его демократизацией и закреплением в нем народно-разговорных языковых средств.

Рассматриваемый период ознаменовался также развитием публицистического стиля, распространением философской и социально-политической терминологии и серьезными попытками нормализовать русский литературный язык.

§ 1. ТЕОРИЯ ТРЕХ СТИЛЕЙ И ХУДОЖЕСТВЕННО-РЕЧЕВАЯ ПРАКТИКА РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ И ПЕРЕДОВЫХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ДЕЯТЕЛЕЙ

Теория трех стилей, обоснованная М. В. Ломоносовым, определяла в основных чертах нормы русского литературного языка середины и второй половины XVIII в.

Конструктивные средства трех стилей русского литературного языка этого периода были различны. Различны были и виды литературного творчества, которые помещались в пределах каждого из трех стилей. Бесспорно, Г. О. Винокур был совершенно прав, подчеркивая, что нормализующие тенденции, шедшие от теоретиков языка и литературы, не могли подчинить себе в полном объеме живые процессы, совершавшиеся в русском языке этого времени (5, стр. 157). Но все таки в главных штрихах теория трех стилей воплотилась в литературе данной эпохи и подчинилась стилистической схеме. Особенно характерно это для литературы русского классицизма (и вообще для письменности до 60—70-ых годов).

Так, произведения «высокого стиля» — оды, героические поэмы, трагедии, похвальные слова, торжественные речи и произведения церковного красноречия и вообще «прозаические речи о важных материях» (по словам Ломоносова) — отличались ясно определенной языковой характеристикой. Лексический состав языка этих высоких жанров в основном совпадал с нормами, указанными Ломоносовым в его рассуждении «О пользе книг церковных в российском языке». Произведения, относящиеся к данной жанровой группе, насыщались церковнославянскими и общеславянскими словами. Грамматический состав языка высоких жанров, со своей стороны, совпадал в главных линиях с нормами, которые были обобщены в «Российской грамматике» Ломоносова. В области морфологии можно указать, напр., на употребление причастий, форм превосходной степени прилагательных на *-ейш*, *-айш*, окончаний *-аго* (в род. пад. ед. числа мужского и среднего рода), *-ья*, *-ия* (в род. пад. ед. числа женского рода) и т.д. К синтаксическим особенностям высокого стиля следует отнести тяжеловесные конструкции,

постановку глаголов (по латино-немецкому образцу) в конце предложения, инверсии, нарушенный порядок слов, связанных грамматически и логически, конструкции типа *да придет*, дательный самостоятельный и т.д.

В произведениях, относящихся к высокому стилю, использовались не только широко распространенные церковнославянизмы типа *злато*, *езеро*, *нощь* и пр. (родственные соответствующим русским эквивалентам и понятные читателям), но и некоторые более книжные или архаичные образования типа *вознести* (развести огонь), *елико* (поскольку), *угобзить* (сделать обильным) и пр. Использовались и некоторые грамматические формы, не предусмотренные Ломоносовым, напр. окончание *-ы* в творит. пад. множ. числа существительных мужского рода (типа *грады*), нулевое окончание в род. пад. множ. числа существительных среднего рода (типа *морь* от *море*), окончание *-и* в именит. пад. множ. числа существительных мужского рода (типа *раби*) и т.д.

Характеристика высокого стиля не будет законченной, если не коснуться еще одной особенности, характерной главным образом для стихотворных жанров. Это так называемые поэтические вольности, на которые Г. О. Винокур и другие историки русского языка обратили специальное внимание. «Поэтическими вольностями называют такие отклонения от норм литературного словоупотребления, которые вызваны необходимостью соблюсти размер в стихотворной речи, иногда потребностями рифмы, т.е. чисто техническими, версификационными причинами» (24, стр. 146). В приложении к своему трактату о стихосложении Третьяковский перечисляет такие поэтические вольности: старые формы глаголов во 2-ом лице ед. числа на *-иши* (напр. *хощеиши*) и формы инфинитива на безударное *-ти* (напр. *озлатити*), старые энклитические формы местоимений (типа *-мя*, *-тя* и пр.), усеченные прилагательные в качестве определений (типа *отчество геройско* вместо *геройское*) и т.д.

Приблизительно таков в самом общем виде круг основных средств высокого стиля.

Использование некоторых обветшалых церковнославянских элементов разговорной речи, поэтических вольностей и т.д. не колеблело вначале установленных норм высокого стиля.

Во многих произведениях русских авторов того времени обнаруживаются черты высокого стиля. Это, напр., «Ода на взятие Хотина», «Ода на день восшествия на престол Елизаветы Петровны», героическая поэма «Петр Великий», трагедия «Тамира и Селим» М. В. Ломоносова; «Водопад», «На взятие Измаила», «На взятие Варшавы» и др. Г. Р. Державина; трагедии «Дмитрий Самозванец», «Мстислав», «Синав и Трувор» и др. А. П. Сумарокова; трагедии «Рослав», «Вадим», «Дидон» и др. Я. Б. Княжина; эпическая поэма «Россияда», трагедия «Венецианская монахиня» и др. М. М. Хераскова; ода «Вольность» А. Н. Радищева; «Ода на войну с турками» В. П. Петрова; похвальные слова и торжественные речи различных авторов и пр.

См., напр., отрывок из «Оды на взятие Хотина» М. В. Ломоносова:

Он так к своим взирал врагам,
Как к Готфским приплывал брегам,
Так *сильну* возносил десницу;
Так быстрой конь его скакал,
Когда он те поля топтал,
Где зрим *всходящу* к нам денницу.

См. и отрывок из победной оды «На взятие Измаила» Г. Р. Державина:

Марс видит часто с изумленьем,
Что и в бедах твой весел зрак:
Где *вкруг* драконы медны ржали,
Из трех сот жерл огнем дышали
Ты там прославился *днесь* вновь,
Вождь рек: «*Се* стены Измаила!
Да сокрушит твоя их сила! . . . »

См. отрывок из «Россияды» М. М. Хераскова:

Уныл престольный град! Москва главу склонила,
Печаль ее лице, как *ночь*, присенила.
Вселилась в сердце грусть и жалоба в уста;
Тоскуют *вкруг* нее прекрасные места;
И горесть, растрепав *власы*, по граду ходит . . .

См. отрывок из трагедии «Дмитрий Самозванец» А. П. Сумарокова:

Шуйской —
«*Лукавствуй* ты иль нет, Дмитрий мной увянет,
Низвержется, падет, падет и не встанет.
Когда *умрети* рок велит, умереть *хощу*,
То на Дмитрия весь город *возмущу*.
Спасу престольный град, отечество избавлю . . . »

См. отрывок из оды «Вольность» А. Н. Радищева:

Но нет! где рок судил родиться,
Да *будет* там и дням предел;
Да *хладный* прах мой *осенится*
Величеством, что *днесь* я пел . . .

Произведения такого рода дают обильный материал для изучения характерных особенностей высокого стиля в эпоху расцвета русского классицизма. Высокий стиль сыграл определенную положительную роль в развитии русского литературного языка.

Часть церковнославянской лексики и фразеологии получила рас-

пространение в русском литературном языке именно благодаря высокому стилю.

Важно отметить решающую роль книжной церковнославянской традиции в процессе становления научной, публицистической, философской, общественно-политической терминологии в этот период. Н. Ю. Шведова, которая подвергнула глубокому анализу общественно-политическую лексику и фразеологию в «Путешествии из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева, обратила внимание на ряд слов и выражений, в том числе и церковнославянизмов, отличающихся интересной эволюцией. В такие слова, как напр.: *гражданин, общество, равенство, владение, область, страна, пленник, раб* и пр., вкладывают широкое общественно-политическое содержание; они несут не только общеназывную терминологическую функцию, но и наполняются глубоким эмоциональным содержанием. С такими словами связаны ряд производных образований и фразеологических единиц, напр.: *гражданское звание; общественный член; сочлен общества; начальное общество; общежитие; согражданин; гражданское равенство* и т.д. (50).

Ресурсы высокого стиля стали одним из важных элементов стиля революционной публицистики. Ее традиции оказали очень важное влияние на развитие революционной гражданской поэзии декабристов и публицистики революционных демократов.

Определенный слой церковнославянской лексики и фразеологии сохраняется и обособляется «как средство создания торжественной риторики или поэтической медитации» (27, стр. 212). В таких целях они использовались и используются многими русскими писателями и публицистами XIX и XX вв.

Высокому стилю противостоял низкий (простой) стиль, находивший свое выражение в комедиях, увеселительных эпиграммах, песнях, дружеских письмах (в прозе), в «описании дел обыкновенных» (по выражению Ломоносова), в баснях или, как тогда их называли еще, притчах, в бытовой переписке, в дневниках, в части сатирической и бытописательной литературы.

По теории Ломоносова, основу низкого стиля составляет народная живая русская речь (т.е. «речения, которых нет в славенском диалекте»).

Состав этой народной русской речи разнороден и сложен. С одной стороны, это общеупотребительные стилистически нейтральные слова (речения, которых нет в славенском диалекте) типа *пока, который, лишь* и пр., которые могли использоваться без ограничения во всех указанных жанрах. К этой категории слов следует отнести и общеславянские единицы типа *слава, вода, брат* и пр., составляющие основу среднего стиля, потому что Ломоносов специально подчеркивал: «низкий стиль принимает речения . . . , которых нет в славенском диалекте, смешивая со средними». С другой стороны, это просторечно-простонародная лексика, которая с течением времени теряла свою специфическую окраску и впоследствии в большинстве случаев закрепились в литературном употреблении, напр.: *болтать, быт, вполне, впервые, жадный, жара, женитьба, заносчивый, задушевный, затеять, лакомый, ма-*

лутка, молодиться, молодежь, огласка, пачкать, рухнуть, свадьба, тотчас, удача, этот и пр. Выделяются и слова, которые также вошли впоследствии в литературный язык, но сохраняют при этом характер известной разговорной непринужденности, напр.: *ахинея, бурчат, балагурить, белоручка, вздор, ветрогон, дрязги, дребедень, зубоскал, кляузы, коверкать, ковырять, приструнить, ребячиться, тараторить* и пр. (42, стр. 104, 132). Выделяется, наконец, просторечно-простонародная лексика, окрашенная различными оттенками экспрессии, эмоциональной выразительности, чаще всего оттенком фамильярности, грубости. Так лексика, по словам Ломоносова, могла иметь место в указанных жанрах «по рассмотрению» и «по самой сути своей призвана играть характерологическую роль» (46, стр. 163). Именно этого типа лексика и в дальнейшем сохраняет свой нелитературный колорит, напр.: *вякать, головорез, дрыхнуть, жрать, маячить, пройдоха, пустомеля, рехнуться, шушера* и пр.

В. И. Чернышев отмечал, что отдельные произведения русских писателей, а также и разговорный язык XVIII в. содержит ряд простонародных слов, «которых мы теперь не употребляем» (48, стр. 155), напр.: *брызги, балабон, будырь, зобать, насуслиться, онемедни, собить, шильничать* и т.д.

Следует еще раз специально подчеркнуть, что этого типа просторечно-простонародная, «низкая» лексика могла выполнять в литературе художественно-характерологические функции, но в состав литературного языка не входила. Она была теснейшим образом связана с живой разговорной речью, которая находила отражение в определенных жанрах литературы. Эта живая народная речь была до известной степени дифференцированной: разговорная речь образованных слоев общества и разговорная речь низших слоев общества, слоев, не приобщившихся к культуре. По этому поводу Г. О. Винокур писал, что «различия в повседневном, домашнем языке высших и низших общественных групп, независимо от различий чисто диалектных, во второй половине XVIII в. были гораздо менее значительны, чем это наблюдается в XIX в. и в XX в.» (5, стр. 151—152). Несмотря на то, что разговорная речь образованных слоев общества в эту эпоху была ближе к языку народа и вообще к низшим слоям народа, чем в более поздний период, все-таки известное различие было. Разговорная речь образованных слоев значительно умереннее включала в себя просторечно-простонародную лексику, чем разговорная речь низших слоев, что находило соответствующее отражение и в литературе.

Из грамматических особенностей, нашедших место в низком стиле, можно отметить: формы склонения, как *(сто) рублей, (три) дни, (на) стреме, письма, здоровьев* и т.п.; глаголы на *-ыва*, среди которых особенно важны префиксальные, напр.: *ночевывал, ужинывал, правливал, купывались* и т.д.; постпозитивные частицы *-ста, -сте, -стани*, а также частицы *-ат, -та, -то* и др. Интересно в этом отношении и отражение разговорного произношения, напр. написание *-што, -аво* и др. При воспроизведении речи отдельных героев, особенно малообразованных лиц, прибегали к использованию таких произносительных яв-

лений, как *яканье, цоканье, дзеканье, ёканье* в безударном положении, разного рода искажений в иностранных словах и т.п., напр.: *енерал* (вм. *генерал*), *табе* (вм. *тебе*), *проць* (вм. *прочь*), *хранцуские* (вм. *французские*) и пр.

К специфически просторечных форм Ломоносов относит в «Российской грамматике» глаголы типа *глядь, бряк, хвать* и под.; формы на *-сть* типа *весть, плесть, скресть* (наряду с инфинитивной формой на *-ти*: *вести, плести, скрести*). Многие просторечные формы, имевшие хождение в живой речи этой эпохи, не упомянуты в «Российской грамматике» Ломоносова. Они оставались за пределами литературного языка.

Другие формы, которые характеризуются как принадлежащие русскому языку или «простому российскому языку», выступают в сущности стилистически нейтральные формы, употребительные в низком и в среднем стиле или даже во всех стилях, напр.: окончание *-у* в род. и предл. падежах единственного числа существительных мужского рода (тип *из дому, в лесу* и пр.), придаточные предложения с *который* и т.д.

Характерной особенностью низкого стиля явилось широкое использование народно-разговорной фразеологии — устойчивых оборотов, пословиц, поговорок, выражений и пр.

Для низкого стиля была характерна простая, естественная синтаксическая структура, отражающая синтаксис разговорной речи.

Таковы в самом общем виде нормы низкого стиля. Использование отдельных церковнославянизмов, книжных форм и слов, а также и некоторых иноязычных заимствований не нарушило в начальном этапе этих норм.

Черты низкого стиля обнаруживаются в ряде произведений рассматриваемого периода, напр., в комедиях (оригинальных и переводных) А. П. Сумарокова «Опекун», «Лихоимец», «Рогоносец по воображению» и др.; В. И. Лукина «Мот, любовью исправленный», «Щепетильник» и др.; Д. И. Фонвизина «Недоросль», «Бригадир» и др.; М. И. Веревкина «Так и должно», «Точь-в-точь» и др.; Я. Б. Княжина «Хвастун», «Чудаки» и др.; В. В. Капниста «Ябеда»; П. А. Плавильщикова «Бобыль», «Сиделец» и др.; в комических операх М. Попова «Анюта»; Н. П. Николаева «Розана и Любим»; В. Левшина «Миллозар и Прелеста»; А. А. Аблесимова «Мельник, колдун, обманщик и сват»; М. Матинского «Гостиный двор»; в притчах (баснях), эпиграммах, песнях и сказках А. П. Сумарокова, В. И. Майкова, И. И. Хемницера и др.; в документах бытового письма (в переписке, дневниках, мемуарах) и пр.

См., напр., отрывок из комедии А. П. Сумарокова «Рогоносец по воображению»: «Хавронья — А вот, сердечушко, я тебе донесу: как я нынешнюю зиму была без тебя в Москве, так расхвалили мне какую-то интермецию и уговорили меня туда съездить. Бывает и на старуху проруха . . .» «Викул — Не за тем ли уже граф ко мне хочет пожаловати, чтобы за женою моею поволочиться? Мне это не очень полезно, а ты, граф, за чужое добро напрасно зубы скалишь . . .» «Хавронья — Какого это нерала адъютант у нас был?»

См. отрывок из комической оперы «Анюта» М. И. Попова:

М и р о н . . .
Не в петлю жо веть лести,
Што нечево нам ести;
А лучче погадать,
Как век докоротать . . .
Топерь один с жоною
Живу я сотоною . . .

См. отрывок из басни И. И. Хемницера «Паук и мухи»:

Постой, — паук сказал . . .
Я чаю, я нашел причину,
Зачем еще большой я мухи не помал,
А попадается все мелочь: дай, раскину
Пошире паутину;
Авось — либо тогда поймаю и больших.

Просторечно-простонародная лексика, просторечные формы и обороты, являющиеся яркой приметой низкого стиля и разговорной речи, получили распространение и в известной части бытовых повестей, сатирической поэзии, переводных и оригинальных романов и пр.

Низкий стиль занимал своеобразное место в системе русского литературного языка. Широкое использование просторечно-простонародных слов, форм и оборотов, многие из которых были и остались за пределами литературной речи, явилось причиной того, что низкий стиль не мог получить общелитературного значения и сыграть такой важной роли, какую сыграл, напр., средний стиль. В связи с этим В. В. Виноградов отмечал: « . . . простой слог с его вульгаризмами и диалектизмами, с его неупорядоченным синтаксисом, с его бедными средствами отвлеченного изложения не мог обслуживать ни развивающуюся публицистику, ни науку, ни официально-деловую практику, ни многочисленные жанры художественной литературы» (6, стр. 22).

Но низкий стиль сыграл очень значительную роль в укреплении демократических, свойственных духу народного русского языка основ русского литературного языка. «Именно здесь тенденция к закреплению живой народной речи в письменности, в литературе была осуществлена в наибольшей степени и без тех ограничений, которые ставились этому процессу в высоком и среднем стилях» (24, стр. 156).

Границы и состав среднего стиля, в котором происходили сложное взаимодействие и объединение книжно-славянских и народно-разговорных элементов, были особенно широки.

По теории Ломоносова «стихотворные дружеские письма, сатиры, эклоги и элегии сего штиля больше должны держаться. В прозе предлагать им пристойно описания дел достопамятных и учений благородных». В литературно-художественной практике середины и второй половины XVIII в. средний стиль находит наиболее полное отражение,

с одной стороны, в сфере художественной литературы, напр., в стихотворных дружеских письмах, в сатирических произведениях (в сатирической поэзии, в ироико-комических поэмах), в элегиях, эклогах, в оригинальных и переводных повестях и романах и отчасти в комедиях (при изображении положительных персонажей) и, с другой, в научной, научно-популярной, исторической, публицистической, литературно-критической, общественно-политической, деловой и т.п. оригинальной и переводной литературе.

Образцы среднего стиля находим в элегиях, эпистолах и эклогах А. П. Сумарокова и писателей его школы; в стихотворной повести «Душенька» и других работах И. Ф. Богдановича; в сатирико-бытовых повестях «Пересмешник или славенские сказки», «Пригожая повариха», «Самозванец Гришка Отрепьев»; в сатирической поэме и др. М. Д. Чулкова; в литературно-критическом «Опыте исторического словаря о российских писателях»; в сатирических произведениях в журналах «Трутень», «Живописец» и пр. Н. И. Новикова; в романах Ф. А. Эмина; в «Слове о пользе химии» М. В. Ломоносова; в трудах, речах и рассуждениях Н. Н. Поповского, А. А. Барсова, Д. С. Аничкова, Я. П. Козельского, И. А. Третьякова, С. Е. Десницкого и др.; в статьях и трактатах деятелей «Вольного экономического общества», напр., «О земледелии» И. М. Комова; в географических описаниях И. И. Лепехина, Н. Я. Озерецкого, В. Ф. Зуева и др.; в переводных сочинениях, напр., «Диэтика» (1791), «Чудеса природы» (1788), «Письма о разных физических и философических материях» Л. Эйлера и пр.

Такая жанровая широта и разнообразие среднего стиля обусловили и известную неустановленность его норм. В пределах среднего стиля теоретически и практически было допустимо употребление всех основных языковых средств: общеупотребительных и просторечных, книжных и простонародных, стилистически окрашенных и стилистически нейтральных единиц, иноязычных заимствований и церковнославянизмов и т.д. Конечно, М. В. Ломоносов регламентировал в известном смысле их употребление. Прежде всего он подчеркивал, что «средний стиль должен состоять из речений, больше в российском языке употребительных». В среднем стиле Ломоносов допускал употребление «некоторых речений славенских, в высоком стиле употребительных», однако «с великою осторожностью, чтобы слог не казался надутым». Ломоносов допускал в среднем стиле употребление и «низких слов», однако с указанием «остерегаться, чтобы не опуститься в подлость» (т.е. простонародность). Очень существенна рекомендация Ломоносова относительно того, что «в сем штиле должно наблюдать всевозможную равность».

В самом деле, эти указания Ломоносова содействовали до известной степени установлению более устойчивых норм в среднем стиле.

Так, напр., в научных, исторических и т.п. сочинениях (т.е. не в жанрах художественной литературы), которые были очень типичными для среднего стиля, соблюдали «всевозможную равность». Как стилистические церковнославянизмы (у которых были общеупотребительные русские соответствия, напр.: *нощь* и *ночь*, *днесь* и *сегодня*, *петел* и *петух* и пр.), так и просторечно-простонародные единицы встречаются

лишь случайно. Зато очень широкий лексический пласт образуют несколько групп книжной, главным образом терминологической лексики. Среди них выделяется группа славянизмов (по этимологии древнеболгаризмов), которые получили на русской почве (и в высоком, и в среднем стилях) распространение как средство для выражения определенных понятий, напр.: *вещество, благодать, существо, пространство* и пр. Другую группу составляют единицы, представляющие заимствования, по словам Г. О. Винокура, из международного фонда общеевропейской лексики, напр.: *атмосфера, горизонт, фигура* и т.д. Выделяется и группа книжных слов, составленных из национального словообразовательного материала, по истари известным книжным образцам, напр.: *добронравие, человечество, чувствительность* и т.д. (5, стр. 141).

Следует подчеркнуть, что вовлечение и активное использование книжно-славянской, иноязычной и русской книжной лексики в средние жанры, усиление ее роли и места в литературном русском языке «усиливали процесс формирования книжно-литературной лексики, процесс складывания норм национального литературного языка» (26, стр. 62).

Небольшой отрывок из «Слова о пользе химии» М. В. Ломоносова может дать общее представление о характере среднего стиля в научных сочинениях. См.: «Болезни по большей части приходят от повреждения жидких материй, к содержанию жизни человеческих нужных, обращающихся в теле нашем, которых качества составляющие части, и их полезныя и вредныя перемены, и производящие и пресекающие их способности без Химии, никак испытаны быть не могут. Ею познается натуральное смешение крови и питательных соков . . . »

Использование некоторых просторечных слов, отличающихся небольшой степенью экспрессивности и утрачивающих нарочитую простоту, в рассматриваемых источниках (научных, исторических и т.п. сочинениях) свидетельствует о важной тенденции. Вхождение просторечных слов в памятники этого рода является свидетельством постепенного перехода таких слов в категорию нейтральных. В отдельных случаях появление просторечной лексики в подобных жанрах можно объяснить стихийными прорывами. Г. П. Князькова приводит удачные примеры из различных источников, которые доказывают это. См., напр., «А которого оленя или собаку дьяволам отсулят, тех совсем на землю бросают» (19, стр. 133).

В жанрах художественной литературы употреблялись как общеупотребительная стилистически нейтральная лексика, так и стилистически значимые церковнославянизмы (типа *днесь, ночь* и пр.), просторечные и простонародные единицы (типа *жрать, пройдоха* и пр.).

В средних стихотворных жанрах, напр., использование церковнославянизмов (типа *днесь, ночь*) можно рассматривать как начальный этап их превращения «в «поэтические» слова, которые в дальнейшем потеряют неременную связь с высоким стилем» (24, стр. 158).

См., напр., отрывок из стихотворения Г. Р. Державина «Русские девушки»:

Зрел ли ты, Певец Тииский,
Как в лугу весной бычка
Пляшут девушки российски
Под свирелью *пастушка*;

Как, склонясь *главами*, ходят,
Баимачками в лад стучат,
Тихо руки, взор поводят,
И плечами говорят;

Как их лентами *златыми*
Челы белые блестят,
Под жемчугами *драгими*
Груды нежные дышат . . .

В литературных источниках, относящихся к среднему стилю, использование и просторечно-простонародной лексики могло быть обусловлено определенными характерологическими задачами. Так, напр., в сатирической поэзии, в ирои-комических поэмах и в сатирической литературе просторечно-простонародная лексика часто употребляется в намеренном контрастном соединении со словами высокими как одно из средств создания иронии, а тоже и как средство отрицательной характеристики описываемых предметов, явлений, событий. См., напр., «Расставание или последнее прощание с читателями» Н. И. Новикова: «*Хладеет* кровь, и от предстоящего несчастья все члены немеют . . . Непричесанные мои *волосы становятся дыбом*, словом, я все то чувствую, что чувствуют в превеликих печалях».

Грамматические приметы среднего стиля тоже не совсем строго определены. Основные грамматические формы, охарактеризованные в грамматике М. В. Ломоносова как принадлежащие высокому стилю, могли употребляться и в среднем стиле. Это, напр., причастия, формы сравнительной и превосходной степени прилагательных на *-ейший, -айший, -ий*, окончания *-а* и *-е* в род. и предл. падежах существительных мужского рода и т.д. В среднем стиле могли употребляться и основные грамматические формы, охарактеризованные как принадлежащие низкому стилю, напр., окончание *-у* в род. и предл. падежах единственного числа существительных мужского рода, имена «увеличительные» и «умалительные», придаточные предложения с местоимением *который* и т.д. За пределами среднего стиля оставались некоторые формы, являющиеся специфической принадлежностью высокого или низкого стиля (в большинстве случаев непредусмотренные грамматикой Ломоносова), напр., окончание *-ы* в творит. падеже множ. числа существительных мужского и среднего рода, глаголы на *-ыва* типа *ужинывал* и т.д. Г. О. Винокур специально указывает на то, что общеупотребительный фонд средств русского книжного языка (т.е. средний стиль) из двух «славянских» вариантов попадал менее книжный и архаичный, напр., не *явльшийся*, а *явившийся*; из двух просторечных — менее чуждый языку церковнославянскому; напр., конструкция форм типа *пись-*

ма-письмы решалась сначала законодателями языка, а потом и в практике в пользу формы письма (5, стр. 140).

Следовательно, в среднем стиле грамматические формы, охарактеризованные Ломоносовым как принадлежащие высокому или низкому стилю, по существу совмещаются. Их разграничение оказывается реальным только при противопоставлении высокого и низкого стилей. Это дает основание В. В. Виноградову утверждать, что в «Российской грамматике» Ломоносова «описание и систематизация фонетических, морфологических и отчасти синтаксических явлений имеют своей целью представить общую национальную структурную основу русского языка, которая в главном совпадает со средним стилем» (8, стр. 220).

Средний стиль сыграл исключительно важную роль в дальнейшей эволюции русского литературного языка. Средний стиль постепенно ложится в основу системы формирующегося и развивающегося русского национального языка. Его изменения делаются, по словам В. В. Виноградова, движущим началом развития этой системы, несмотря на то, что ее нормы в данный период еще неустойчивы (6, стр. 19).

Именно в среднем стиле с наибольшей силой выразились поиски норм национального русского литературного языка. Средний стиль питался за счет высокого и отчасти низкого стилей, выступая как важный своеобразный регулятор в системе русского литературного языка. В среднем стиле отбирались и концентрировались как нейтральные и общелитературные языковые средства, так и наиболее стилистически значимые. В связи с определением значения среднего стиля можно было бы отметить и плодотворный процесс интенсивной выработки естественно-научной, философской, юридической и иной терминологии.

Итак, развитие М. В. Ломоносовым учение о трех стилях ложится в основу стилистической практики русского литературного языка середины и второй половины XVIII в. Особенно важное значение имели усилия крупнейших писателей и деятелей русской культуры и науки, направленные на углубление и расширение народно-языковых основ среднего стиля, на сближение высокого стиля с семантико-фразеологическими закономерностями русского народного языка, на литературную регламентацию и упорядочение низкого стиля (6, стр. 21, 20).

Система трех стилей сыграла важную роль в становлении норм русского литературного языка, в укреплении его русской народной основы.

Система трех стилей, предусматривающая устойчивую прикрепленность языковых средств к определенным видам письменности или жанрам художественной литературы, регулировала стилистические отношения.

Но художественно-речевая, литературная практика русских писателей и деятелей науки и культуры оказалась богаче и сложнее теории трех стилей. Огромное богатство художественной и не художественной (научной, общественно-политической и т.д.) литературы и исключительно разнообразные выразительные возможности русского языка не вмещаются в строго определенные и довольно узкие рамки теории трех стилей русского литературного языка.

§ 2. НЕДОСТАТОЧНОСТЬ СИСТЕМЫ ТРЕХ СТИЛЕЙ

Расцвет системы трех стилей приходится на середину XVIII в. (40—60-ые годы). Но уже в 60—80-ые годы недостаточность этой системы стала обнаруживаться все более и более отчетливо.

Причины начавшегося кризиса системы трех стилей и признаки ее постепенного разложения были весьма разнообразны.

Сложная и противоречивая эволюция литературной речи не могла уместиться, по образному выражению В. В. Виноградова, «в русло трех стилей» (7, стр. 121), как не вмещались в ограниченные рамки теории трех стилей и многообразные выразительные возможности русского языка. Постепенно вырабатываются такие нормы употребления языка, которые не укладываются в эту систему.

Еще в период расцвета системы трех стилей русского литературного языка в пределах каждого из них намечалось сложное многообразие жанровых и функционально-речевых стилистических вариаций. Напр., в рамках высокого стиля различались стиль оды, стиль трагедии, стиль ораторской речи и т.д.; в пределах среднего стиля — стиль сатиры, стиль элегии, стиль стихотворных дружеских писем, стиль официально-деловой речи, стиль газетной и журнальной публицистики и т.д. Все это многообразие подобных стилистических вариаций оказалось, однако, стесненным и ограниченными рамками каждого из трех стилей. Поэтому все острее выдвигалась проблема образования единой общенациональной литературно-языковой нормы.

Но теория Ломоносова, которая в сущности предусматривала разделение литературного языка на три стиля, не решала проблемы выработки единой общенациональной литературно-языковой нормы.

Следует обратить внимание и на то, что строгое деление литературного языка на стили вело к тому, что «стилистические богатства русского языка, накопленные веками, оказывались разобщенными, разделенными между различными стилями» (11, стр. 231). Церковнославянизмы закреплялись за высоким стилем, но не допускались в низкий стиль; «речения, которых нет в славенском диалекте», и просторечие закреплялись за низким стилем, но не допускались в высокий стиль; церковнославянизмы и просторечие допускались в средний стиль, но с известными оговорками. Все это обедняло стили литературного языка, скрывало выразительные возможности русского языка.

Указанные обстоятельства являются причиной начавшегося кризиса системы трех стилей.

Учитывая эти обстоятельства, можем присоединиться к мнению В. В. Виноградова о том, что с течением времени теория трех стилей «превратилась в тормоз широкого национального развития единой системы общелитературного русского языка на народной основе» (9, стр. 189).

Дальнейшее развитие русского литературного языка могло идти только по пути разрушения старой системы литературного языка, осно-

ванной на противопоставлении трех стилей, и создания единой системы общелитературного русского языка на народной основе. Система, которая объединила бы все исторически сложившиеся средства русского языка воедино и дала бы возможность их принципиально новой группировки и принципиально нового использования (11, стр. 232).

Каковы были признаки постепенного разрушения старой системы трех стилей на пути к созданию единой системы общелитературного русского языка на народной русской основе?

Одним из главных признаков начавшегося разрушения этой системы оказалось ослабление строгой регламентации употребления высокой церковнославянской лексики в пределах высокого стиля.

Церковнославянизмы (и такие, которые получили распространение как средство для выражения определенных понятий, типа *пространство*, *внимание*, и такие, которые использовались как стилистическое средство, типа *днесь*, *ночь*) проникают в разнообразные виды художественной и нехудожественной литературы, как напр.: «Путешествие из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева; повести М. М. Хераскова «Кадим и Гармония», «Полидор, Сын Кадма и Гармонии»; «Иосиф» (в переводе Д. И. Фонвизина); «Илиада» (в переводе П. Екимова); «Освобожденный Иерусалим» (в переводе М. Попова); «Творения велемудрого Платона» (в переводе Иоанна Сидоровского и Матфея Пахомова); философские сочинения А. Н. Радищева; «Опыт повествования о России» И. Елагина; исторические очерки М. Н. Муравьева; статьи Н. И. Новикова «О достоинстве человека в отношениях к богу и миру», «Нравоучение как практическое наставление» и др., манифесты, дипломатические акты, текущее законодательство и др.

Церковнославянизмы получают распространение даже в жанрах, относящихся к низкому стилю, напр., в комедиях, баснях, эпиграммах, письмах. См. комедии «Недоросль» и «Бригадир» Д. И. Фонвизина; «Хвастун» Я. Б. Княжина; «Ябеда» В. В. Капниста; басни А. П. Сумарокова, Д. И. Фонвизина, В. И. Майкова, И. И. Хемницера, И. А. Крылова, И. И. Дмитриева и т.д.

В результате ослабления строгой регламентации употребления церковнославянизмов главным образом в пределах высокого стиля и их проникновение в сферы среднего и низкого стилей грань между высоким, средним и низким стилями становится более зыбкой и не ясно очерченной.

Другой признак начавшегося разрушения системы трех стилей — это ослабление строгой регламентации употребления народно-разговорных и просторечных элементов главным образом в рамках низкого стиля и их внедрение в средний и высокий стили. Народно-разговорные и просторечные элементы проникают в самые разнообразные виды художественной и нехудожественной (оригинальной и переводной) литературы, как, напр., повести «Душенька» И. Ф. Богдановича; «Пригожая повариха» М. Д. Чулкова, романы «Письма Ернеста и Доравры» Ф. А. Эмина, «Бесчастный Флоридор» и «Награжденная постоянность» (в переводе Ф. А. Эмина), сатиры А. П. Сумарокова, И. И. Дмитриева, «Путешествие из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева,

некоторые оды Г. Р. Державина («Фелица», «На счастье», «Видение Мурзы» и др.), «Записки» В. Л. Нащокина, разнообразные литературно-критические, публицистические и т.д. статьи в сатирических журналах Н. И. Новикова и др.

Распространение сферы употребления простонародной и просторечной лексики, слов, оборотов и синтаксических конструкций, свойственных разговорной речи, за пределы низкого стиля и их внедрение в средний и высокий стиль является очень важной особенностью эволюции русского литературного языка во второй половине XVIII в. Соприкосновение языковых средств, характерных для низкого стиля, многие из которых оставались за пределами литературной нормы, со средствами, характерными для среднего и высокого стилей, воспринимаемыми как факты литературного языка, сыграло важную роль. Оно, наряду с другими факторами, содействовало постепенному сближению норм живой устно-народной речи с нормами литературного языка, литературной обработке народного просторечия, формированию устойчивых норм разговорно-литературной речи. Все эти процессы способствовали сглаживанию различий между стилями.

А. И. Горшков подробно и углубленно рассматривает роль сочинений Н. И. Новикова, Д. И. Державина и И. А. Крылова в процессе ассимиляции просторечия литературным языком, в котором оно либо получает определенные стилистические функции, либо постепенно нейтрализуется и подвергается литературной обработке (11, стр. 237—277).

Народно-разговорные элементы получают широкое распространение в новиковских сатирических изданиях («Трутень», «Живописец», «Кошелек»), в прозе Д. И. Фонвизина («Письма из Франции»), в прозе И. А. Крылова («Почта духов»).

В составе народно-разговорной лексики и фразеологии выделяются те слова и выражения, которые, согласно оценкам словарей конца XVIII — начала XIX в., квалифицируются как простонародные (напр.: *авось*, *быль*, *куролесить*, *детина на все руки* и пр.) и просторечные (напр.: *баба*, *болтать*, *вздор*, *девка*, *вот те на* и др.).

Основную массу народно-разговорной лексики и фразеологии образуют слова и обороты, смыкающиеся с нейтральным лексико-фразеологическим слоем русского литературного языка второй половины XVIII в. (напр.: *умничать*, *ворчать*; *вкружить голову*; *с легкой руки*; *попасть в беду* и пр.).

В прозе Н. И. Новикова, Д. И. Державина, И. А. Крылова утверждаются принципы сознательного употребления народно-разговорной и простонародной лексики и фразеологии в определенных стилистических целях. Это было существенное движение вперед сравнительно с литературно-языковой практикой русского классицизма. Согласно его предписаниям народно-разговорная, просторечная и простонародная лексика и фразеология были только характерологическим признаком жанров, относящихся к низкому стилю.

В языке прозы Новикова, Державина, Крылова народно-разговорные, просторечные и простонародные элементы находят применение и в повествовании, и в описании, и в рассуждении. «Экспрессивная, выразительная сторона просторечия в большей или меньшей степени нейтрализуется и на первое место выступает образность и смысловая емкость того или иного слова и оборота» (11, стр. 259).

Использование народно-разговорных, просторечных и простонародных элементов отличается продуманной, обоснованной тщательностью отбора. Авторы с большим художественным тактом избегают крайностей. Прозаические сочинения Новикова, Державина, Крылова рассчитаны на демократического читателя и язык их сочинений сознательно сближался с народно-разговорным языком. Это определило большое значение прозаических сочинений указанных авторов в процессе ассимиляции литературным языком многих народно-разговорных, просторечных и простонародных элементов.

Использование разностильных речевых средств в рамках только одного произведения или жанра тоже является признаком начавшегося разрушения системы трех стилей.

Этот процесс нашел яркое отражение в творчестве Г. Р. Державина, А. Н. Радищева и других авторов. По существу в их творчестве находит разрешение «проблема перераспределения функции между славенским высоким слогом и живой народной речью» (7, стр. 139).

В некоторых одах Державина, напр., наряду с основными типичными для высокого стиля средствами языка представлены в значительном объеме разговорные элементы и даже просторечие. В этом отношении показательны такие оды Державина, как «Фелица», «На счастье», «Видение Мурзы». Приведем для иллюстрации два отрывка из оды «Фелица»:

Прошу великого пророка,	Там свадеб шутовских не парят,
Да праха пог твоих коснусь,	В ледовых банях их не жарят,
Да слов твоих сладчайших тока	Не щелкают в усы вельмож;
И лицезренья наслажусь! . . .	Князья наседками не клохчут,
. . . . .	Любимцы вьявь им не хохочут
. . . . .	И сажей не марают рож.

Подобное совмещение разностильных средств в рамках одного произведения, одного жанра, бесспорно, представляло собою нарушение одного из основных требований классической оды — ее стилистической однотонности, стилистической замкнутости (24, стр. 169). В сущности, стилистическое разнообразие отдельных од Державина обусловлено самым содержанием. В них Державин совмещал разные темы, разные авторские эмоции, для выражения которых были использованы и различные языковые средства, столкнувшиеся в рамках одного произведения.

Можно вполне согласиться с мнением А. И. Горшкова, что разрушение в творчестве Державина стилистических канонов одного из типичнейших «высоких» жанров, оды, отражает утрату привилегий высокого стиля на право выражения «важных материй» (11, стр. 237).

«Путешествие из Петербурга в Москву» выдающегося русского писателя и революционера А. Н. Радищева тоже отличается стилистической пестротой. Это знаменитое произведение характеризуется как исключительно сложным содержанием и полнотой изображения различных сторон, явлений, процессов противоречивой русской действительности, так и дифференцированным и определенным отношением к ним. Тематическая пестрота и разнообразие эмоций оказали заметное влияние на стиль повествования, обусловили стилистическую пестроту. Высокое и низкое оказались объединены в одном произведении, и этим было нарушено одно из основных требований теории трех стилей. «Литература классицизма не допускала такой стилистической пестроты, потому что она не допускала и той тематической пестроты, которой отличается «Путешествие» Радищева» (24, стр. 172).

В «Путешествии» Радищева даже в пределах отдельных небольших глав можно найти существенное разнообразие языковых средств и манер изложения, постоянное чередование разговорных и книжно-славянских контекстов, постоянное изменение манеры изложения в зависимости от предмета изображения. См., напр., отрывок из «Путешествия из Петербурга в Москву» Радищева («Спаская полесь»): « — Добро пожаловать. Куды какой его высокопревосходительство затейник, из-за тысячи верст шлет за какою дрянью. Только барин доброй. Рад ему служить . . . » «Место моего восседания было из чистого злата и хитро искладенными драгими разного цвета камнями блистало лучезарно. Ничто сравниться не могло с блеском моих одежд. Глава моя украшалась венцом лавровым».

В. В. Виноградов отмечает, что в языке Радищева церковнославянизмы непринужденно помещаются «рядом с разговорными русизмами и смешиваются с формами живой устной речи образованного общества, с выражениями простонародного языка и крестьянского фольклора» (7, стр. 146).

Народно-разговорные элементы свободно сочетаются с церковнославянизмами и иноязычными заимствованиями в «Письмах из Франции» Державина и в произведениях других авторов второй половины XVIII в.

Взаимодействие и взаимопроникновение разностильных языковых элементов и их совмещение в рамках одного произведения, одного жанра, бесспорно, представляло собою нарушение одного из требований теории трех стилей и усиливало процесс начавшегося кризиса в системе этих стилей. Но язык произведений Державина и Радищева в целом оставался еще в пределах старой стилистической системы. Г. О. Винокур заметил, что три стиля речи не сливаются у Радищева в одно целое и каждый раздельно несет свою особую функцию (5, стр. 160). Этот вывод оказывается справедливым и для Державина. То новое, что можно обнаружить у Державина и Радищева в приемах употребления и функциях отдельных пластов лексики, свидетельствовало об эво-

люции системы трех стилей, но не подрывало ее основ, ее сущности (24, стр. 174).

Совмещение разностильных языковых элементов в рамках одного произведения, жанра, даже контекста способствовало развитию тенденции к ассимиляции и известной нейтрализации этих элементов, к некоторой их нивелировке, к ослаблению их стилистических свойств. Это со своей стороны помогло развитию проницаемости в системе стилей. Постепенно стили стали обладать значительной проницаемостью.

Происходит и изменение в употреблении традиционных элементов прежде всего высокого и низкого стилей. Народно-разговорные, просторечные и простонародные элементы стали свободно употребляться в стилистически нейтральных контекстах, относящихся к среднему стилю, и проникли даже в высокий стиль. Церковнославянизмы очень часто стали использоваться как средство пародийного изображения.

Существенным изменениям были подвергнуты все три стиля литературного языка.

Высокий стиль, который отличался известной ограниченностью жанрового употребления (героические поэмы, оды, трагедии и «прозаические речи о важных материях»), еще больше сужает сферы распространения. Героические поэмы и «прозаические речи о важных материях» не завоевали популярности, а оды и трагедии стали быстро утрачивать свой общественный вес и литературное значение (11, стр. 233). Высокий стиль устойчиво сохранял ряд малоупотребительных и даже архаичных единиц. Он был оторван от народно-разговорного языка, подвергнутого значительным изменениям в эту эпоху. Все это еще больше углубляло отрыв высокого стиля от общенародного русского языка и подрывало основы старой стилистической системы литературного языка. Высокий стиль и прикрепленные к нему жанры, отмечает В. В. Виноградов, старели или эволюционировали в сторону сближения с живой разговорной речью (6, стр. 22).

Низкий стиль тоже оказался бесперспективным с точки зрения обеспечения широкой сферы развития литературного языка в общенациональном масштабе. Низкий стиль (простой слог, по словам В. В. Виноградова), как уже отмечалось, с его вульгаризмами и диалектизмами, с его неупорядоченным синтаксисом и ограниченными средствами отвлеченного изложения не мог обслуживать ни развивающуюся публицистику, ни науку, ни официально-деловую практику, ни основные жанры художественной литературы (6, стр. 22).

В жанрах, прикрепленных к низкому стилю, обнаруживается стремление освободиться от вульгаризмов, диалектизмов, грубо просторечных и простонародных элементов, но с сохранением самых тесных связей с народной речью. В этих случаях, однако, обращает на себя внимание неупорядоченность и пестрота самой разговорной речи. «Следовательно, и здесь на очереди дня стояла проблема отбора, проблема ограничения лексики литературной от нелитературной — как в самой разговорной практике, так и в отражающей ее литературе» (24, стр. 175—176).

Границы между низким стилем и средним постепенно стирались.

У них была почти общая языковая основа — это слова общие русскому и церковнославянскому языкам, слова русские, «которых нет в славенском диалекте»; в области грамматики и орфоэпии — это все формы, которые Ломоносов относил к простому, «не высокому» стилю. Оба стиля допускали народно-разговорные и просторечные элементы, часть которых подвергнута литературной обработке. В оба стиля проникали и церковнославянизмы.

В литературном языке вырисовывается все более ясно противопоставление «высокого» и «не высокого» стилей.

Изменениям был подвергнут и средний стиль, на который Ломоносов обратил специальное внимание, указывая на его важное и особое место в системе различных стилей, на его центральное, посредствующее, нормализующее положение (43, стр. 12). В среднем стиле «происходили сложное взаимодействие и объединение книжно-славянских и народно-разговорных элементов» (6, стр. 19). Ломая жанровые перегородки, средний («не высокий») стиль расширяет свои жанровые рамки. Возникает тенденция поглощения средним стилем основных ресурсов низкого и высокого стилей, включения их в себя, тенденция органического сочетания русских, церковнославянских и заимствованных иноязычных элементов.

В лексическом составе среднего стиля формируются два пласта: книжный и разговорный (простой). Особенно характерно то, что синтаксические традиции среднего стиля оказываются в это время господствующими.

Эволюция среднего стиля нашла яркое отражение в оригинальных и переводных произведениях научного и научно-популярного характера. Они представляют, по словам Ю. С. Сорокина, образцы чистого среднего слога, с очень умеренной славянизацией и органическим сочетанием русско-славянских и заимствованных лексических элементов. «Иногда стиль научного изложения широко вбирает в себя элементы народно-разговорной речи, народную терминологию и номенклатуру» (43, стр. 15).

Бесспорно, что средний стиль «выбивался» с течением времени из системы трех стилей литературного языка, тем самым подрывая ее и разрушая (24, стр. 168).

Средний (точнее «не высокий») стиль постепенно становится ядром, как уже было подчеркнуто, системы формирующегося русского национального языка. На базе среднего стиля и наиболее значимых употребительных элементов, типичных для высокого и низкого стилей, формируется литературный язык, нашедший применение в самых разнообразных видах художественной и нехудожественной литературы.

Г. О. Винокур обращает внимание на то, что действительный удар системе трех стилей литературного языка, которая сложилась на почве литературы классицизма, был нанесен только тогда, когда «литературе трех стилей оказалась противопоставлена литература одного, общего стиля. Язык этой литературы нового типа, вождем которой был Карамзин, есть дальнейшее развитие среднего слога» (5, стр. 161).

Развитие русского литературного языка во второй половине XVIII в. проходило и под знаком сближения норм живой устно-народной речи с нормами литературного языка, под знаком демократизации и борьбы за народность, за чистоту и национальную самобытность русского литературного языка.

Многие русские просветители и писатели того времени стремились «к созданию средней литературной нормы», близкой к народно-разговорному языку и в то же время обогащенной стилистическими достижениями всей литературной культуры речи (6, стр. 22). Эти просветители и писатели живо интересовались проблемами развития русского литературного языка на русской народной основе, проблемами его чистоты и национальной самобытности.

Проблема борьбы за народность, за демократизацию русского литературного языка стала находить свое постепенное разрешение в творчестве ряда писателей, просветителей и общественных деятелей второй половины XVIII в. К ним относятся, напр., Г. Р. Державин, Д. И. Фонвизин, Н. А. Радищев, И. А. Крылов, А. А. Петров, А. В. Суворов, С. И. Крашенинников, И. И. Лепехин и т.д.

Все они стремились приблизить русский литературный язык к разговорной народной речи. А установка на разговорную речь привела к «поискам новых источников развития и обогащения литературного языка» (49, стр. 112). Эти новые источники они открывали в общенародном языке, привлекая в литературу ряд ранее не использованных общенациональных языковых средств.

В предшествующих параграфах мы уже обратили внимание на широкое распространение народно-разговорных и просторечных элементов в литературной речи, на процесс литературной обработки этих элементов, что является одним из признаков борьбы за народность, за демократизацию литературного языка.

Эту борьбу начал А. Н. Кантемир. В языке его сатир, как мы отметили раньше, можно видеть первые шаги в упорядочении русского литературного языка на основе его сближения с разговорным языком.

Теоретическое обоснование процесса сближения литературного языка с разговорным языком принадлежит, как известно, В. К. Тредиаковскому. Но и Кантемир, и Тредиаковский ориентировались не на народно-разговорный язык, а на разговорный язык «двора ея величества», на разговорный язык образованного дворянства.

Стремлением к народности была обусловлена острота выдвинутой М. В. Ломоносовым проблемы взаимодействия церковнославянского и русского языков. Теория трех стилей Ломоносова утверждала русскую основу русского литературного языка, оценивая церковнославянский язык лишь как источник его стилистических ресурсов.

А. П. Сумароков активно выступал против «пухлости, пущенной к небесам», против «высокопарности» высокого стиля, основанного на

«славянщизне». «Витийство лишнее — природе злейший враг» — писал он в «Ответе на оду Василия Ивановича Майкова».

В поисках критериев правильности и чистоты литературного языка Сумароков пытался опереться на «живое употребление», «на обывденный устный и письменный язык столичной образованной среды, на московское интеллигентское употребление» (7, стр. 129). В своей литературной практике он стремился избегать как высокопарной риторичной «славянщизны», так и грубо просторечных и диалектных элементов.

Внедрение просторечия в язык некоторых од Г. Р. Державина следует рассматривать как одно из проявлений борьбы за народность и демократизацию литературного языка.

Процессу сближения литературного языка с народно-разговорным содействовали появление и широкое распространение большого количества произведений писателей из демократической среды (басни, анекдоты, народная сатира и т.д.) и произведений, относящихся к низкому стилю (комедии, комические оперы и пр.). Народно-разговорные, просторечные и простонародные элементы заняли широкое место в баснях Д. И. Фонвизина, В. И. Майкова, И. И. Хемницера, И. А. Крылова, И. И. Дмитриева и др.; в комедиях Д. И. Фонвизина («Недоросль», «Бригадир»); В. И. Лукина («Щепетильник», «Мот, любовию исправленный»); Я. Б. Княжина («Хвастун», «Чудаки»); В. В. Капниста («Ябеда»); П. А. Плавильщикова («Сиделец»); М. Д. Чулкова («Как хочешь назови»); И. А. Крылова («Сочинитель в прихожей», «Проказники») и др.; в комических операх М. И. Попова («Анюта»), А. А. Аблесимова («Мельник — колдун, обманщик и сват»), М. Матинского («Санктпетербургский гостиный двор»), Н. П. Николаева («Розана и Любим», «Точильщик»), И. А. Крылова («Бешеная семья») и т.д.

Ряд русских писателей и просветителей XVIII в. привлекают в свои сочинения народно-поэтические и фольклорные элементы, открывая в народном творчестве живой источник обогащения литературного языка. В целях имитации песенного слога писатели привлекают разнообразнейшие средства народного творчества, напр.: существительные-приложения (типа *душа-соловушка*, *тоска-злодейка*), формы глагола с суффиксами-*ыва/ива* (типа *гуливал*), формы повелительного наклонения (напр., *Вы не дуйте*, *ветры*) и т.д. Показательны в этом отношении некоторые песни М. И. Попова, напр.: «Ты несчастной доброй молодец», «Не голубушка в чистом поле воркует» и др., «Сказки в стихах» А. А. Аблесимова, сказочная поэма «Бахариана» М. М. Хераскова, «Пересмешник или славенские сказки» и «Словарь русских суеверий» М. Д. Чулкова, «Басни и сказки» И. И. Хемницера, «Басни и сказки» И. И. Дмитриева и т.д.

Большой вклад в процесс демократизации русского литературного языка XVIII в. внесли Новиковские журналы «Трутень», «Пустомеля», «Живописец», а также «Письма к Фалалееву», напечатанные в «Живописце», «Письма из Франции» и художественная проза Д. И. Фонвизина, знаменитое «Путешествие из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева и др.

Таким образом, язык художественной литературы и публицистики

второй половины XVIII в. показывает, как русские писатели, публицисты, просветители «открывают литературе новые средства словесного выражения и новые сокровища «природного» русского языка» (6, стр. 19). Народно-разговорная лексика и фразеология, ряд просторечных, простонародных и фольклорных элементов, морфологические формы, синтаксические конструкции, свойственные живой народно-разговорной речи, становятся материалом для многих жанров и средством изображения самых разнообразных картин русской народной, общественной жизни.

Бесспорно, что своей творческой деятельностью выдающиеся русские писатели и просветители второй половины XVIII в., особенно такие, как Н. И. Новиков, Д. И. Фонвизин, И. А. Крылов, А. Н. Радищев и др., способствовали процессу сближения литературного языка с народно-разговорным языком широких демократических кругов тогдашнего общества, содействовали борьбе за народность, за демократизацию русского литературного языка.

В этом отношении положительную роль сыграли и произведения научного, научно-популярного характера, рассуждения, трактаты, описания и т.п., авторы которых стремились к созданию средней литературной нормы, близкой к народно-разговорному языку «с умеренной славянизацией и органическим сочетанием русско-славянских и заимствованных лексических элементов» (43, стр. 15), ср. такие сочинения, как «Описание земли Камчатки» С. П. Крашенинникова, «Рассуждения двух индийцев . . .» Я. Козельского, «О земледелии» И. М. Ковова и т.д.

В этом перечне следует обратить специальное внимание и на военное наставление А. В. Суворова «Наука побеждать», которое своим живым, ярким языком, близким к народно-разговорному, резко отличалось от современных ему императорских военных уставов: «Пехотного строевого устава» и «Устава военной и конной экзерциции».

Но В. В. Виноградов был прав, утверждая, что живая народная речь до Пушкина непосредственно не поддавалась органическому слиянию с книжным языком (7, стр. 143). Важно то, что в это время углубляются и крепнут национально-демократические основы русского литературного языка, расширяются источники, из которых пополняются его ресурсы. Идет напряженная борьба за закрепление в литературе общенациональных норм русского языка.

Борьба за народность, за демократизацию русского литературного языка смыкалась с борьбой за чистоту и национальную самобытность русского литературного языка, с борьбой против галломании в языке, против засорения русского литературного языка ненужными иностранными словами, архаическими и вульгарно-просторечными единицами.

С этой точки зрения в первую очередь следует обратить внимание на теорию Ломоносова, которая способствовала очищению литературного языка от обветшалых церковнославянизмов, от грубо просторечных элементов («презренных слов», по словам Ломоносова) и от ненужных иностранных заимствований, о которых Ломоносов писал: «. . . отвратятся дикие и странные слова нелепости, входящие к нам из чужих языков» (28, стр. 590).

Очень характерны и принципы, выдвинутые А. П. Сумароковым и его школой. Вводятся определенные ограничения для литературного употребления областных, народных слов и выражений. Вульгаризмы запрещаются. Объявляется борьба с приказно-бюрократическим стилем и подьяческим жаргоном, борьба с галломанией придворно-аристократического круга, с жаргоном светских щеголей, пересылавших свою речь французскими, а иногда и немецкими словами.

В статьях «О истреблении чужих слов из русского языка» и «К несмысленным рифмотворцам» Сумароков воюет за чистоту русского языка. В статье «К несмысленным рифмотворцам» он писал: «Правописание наше подьячие и так уже совсем испортили. А что свойственно до порчи касается языка, немцы насыпали в него слов немецких, пети-метры — французских, предки наши — татарских, педанты — латинских, переводчики священного писания — греческих . . . Немцы склад наш по немецкой учредили грамматике. Но что еще больше портит язык наш? худые переводчики, худые писатели, а паче всего худые стихотворцы».

В этот период происходило формирование жаргона дворянских салонов. Французский язык получает очень широкое распространение в среде русского дворянства, верхушечных и образованных слоев. Французский язык вошел в моду, его использовали как средство общения в официальных ситуациях и даже как язык быта и воспитания детей.

В результате этого приступа галломании французские слова и обороты стали проникать в широком объеме в литературные произведения (оригинальные и переводные) и в разговорную речь в многих случаях без какой-либо необходимости.

Тогда формируется салонный жаргон — это очень пестрое смешение французских слов и оборотов, русифицированных и нередко искаженных французских единиц, русских речевых средств. Такой жаргон имел ввиду В. И. Ленин в своей заметке «Об очистке русского языка», когда писал: «Перенимать французски-нижегородское словоупотребление, значит перенимать худшее от худших представителей русского помещичьего класса, который по-французски учился, но, во-первых, не доучился, а во-вторых, коверкал русский язык».

Лучшие представители русской интеллигенции второй половины XVIII в. боролись твердо против салонно-дворянского жаргона, против пренебрежительного отношения к русскому языку и против тех, кто коверкал его.

Одна из оригинальных форм борьбы салонно-дворянского жаргона — это его пародийное воспроизведение и сатирическое разоблачение на страницах сатирических журналов или сатирических произведений, в которых осмеивают безудержную галломанию, стремление пересыпать почти каждую фразу французскими словами и оборотами и безграмотное словоупотребление (15, стр. 126).

См., напр., опубликованные в «Сатирическом вестнике» 1790 г. ежедневные записки, оставшиеся после смерти «одной красавицы»:

«В панедельник павечеру была (сделать визит)
госпоже Д. Все которые ни находились у неи (странно тупы).
М. — Ч. тама не был. (потеряла) 50 рублиоф».

В третьем листе «Живописца», издаваемого Новиковым, приводились слова одного из Скотининых, которыми он сам себя разоблачает: «Я не знаю русского языка. Покойный батюшка его терпеть не мог; да и всю Россию ненавидел и сожелед, что в ней родился».

В журнале «Кошелек» Новиков писал: «Мы находили, что российский язык никогда не дойдет до совершенства своего, если в письменах не прекратится употребление иностранных слов».

Автор «Рассуждения о вычищении, удобрении и обогащении русского языка» (1786) писал, что «чужестранные слова должно стараться перемывать на российские помощью совершенного понятия вещей, под теми словами разумеемых» (26, стр. 65).

Издатель «Российского магазина» Ф. Туманский подчеркивал, что ему очень хотелось переименовать свой журнал в «Запасницу для познания о России», чтобы избавиться от чужого слова «магазин».

Но даже и в таких проявлениях языкового пуризма чувствуется искреннее стремление русских людей отстаивать национальную самобытность русского языка, о котором с такой любовью писал Ломоносов: «Язык, которым Российская держава великой части света повелевает, по ея могуществу имеет природное изобилие, красоту, силу, чем ни единому европейскому языку не уступает» (28, стр. 92).

В процессе борьбы за народность, за чистоту и национальную самобытность русского литературного языка формируются и совершенствуются многие слова, обороты, термины, компоненты возникающих функциональных стилей.

С творческой деятельностью Н. И. Новикова, напр., связано распространение в русском литературном языке ряда слов и выражений. Он употреблял в своих сочинениях многие новые слова, словосочетания и обороты, использовал отдельные слова с новыми значениями, напр.: *будущность, внимательность, прилежность, развитие, товарищество, трогательный, утонченный; отрасль прилежания; торговое предприятие; производительные силы* и т.д.

Большой вклад в развитие и совершенствование общественно-политической лексики и фразеологии внес и А. Н. Радищев. Он придает новое общественно-политическое значение таким словам, как *гражданин, отечество, общество, неравенство, народ* и т.д.

В «Путешествии из Петербурга в Москву» Радищева представлены ряд разнообразных сочетаний общественно-политического характера, напр.: *гражданское звание; естественное состояние; народная среда; общественная польза; дух свободы; мрак невежества; сын отечества* и т.д.

В языке Радищева зарождаются отдельные характерные компоненты публицистического стиля (напр. синтаксические, лексико-фразеологические), которые сыграли важную роль в развитии публицистики. Зарождаются, напр., такие синтаксические компоненты публицистического стиля, получившие распространение в будущем, напр., употребленные сочетания, образуемого повторением одного и того глагола в разных временах (типа *был и есть*, см. *сей был и есть закон природы, ты есть и был непобедимый* в оде «Вольность» Радищева).

Отличительной чертой формирующегося публицистического стиля

является афористичность. Многие афоризмы Радищева обогатили фразеологический фонд литературного языка, напр.: *порабощение есть преступление, употребление власти вскружает голову, крестьянин в законе мертв* и т.д.

Итак, история русского литературного языка второй половины XVIII в. отличается несколькими характерными особенностями.

Начало этого периода ознаменовалось тем, что теория трех стилей, обоснованная М. В. Ломоносовым, определила в основных чертах нормы русского литературного языка.

История русского литературного языка последних десятилетий XVIII в. проходит под знаком начавшегося кризиса системы трех стилей.

Падение роли, исчезновение или изменение некоторых жанров классицизма, появление новых жанров, ослабление строгой регламентации употребления различных речевых средств, использование таких разностильных средств в рамках одного произведения или жанра, сглаживание различий между стилями — все это привело к кризису и постепенному разрушению системы трех стилей. Обнаруживается узость теории трех стилей, ее недостаточность.

Разрушалась система высокого стиля, стирались границы между средним и низким стилями, средний стиль «выбивался» из системы трех стилей.

Средний («не высокий») стиль русского литературного языка становился сферой развития новой системы русского литературного языка. В процессе своего качественного преобразования этот стиль черпал наиболее жизнеспособные элементы из высокого стиля, из неиссякаемого источника народно-разговорного языка.

Развитие русского литературного языка пошло по пути выработки литературной нормы, более свободной от жанровых ограничений и правил Ломоносовской теории.

Важное значение в этих процессах имели усилия крупнейших писателей и передовых деятелей русской науки и культуры, направленные на усовершенствование русского литературного языка.

Возникал процесс создания новой системы, объединяющей все исторически сложившиеся, жизнеспособные средства русского литературного языка, дающей возможности их принципиально новой группировки и классификации.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. М. М. Абрамович, Наблюдения над языком А. Н. Радищева. Русский язык в школе, 1952, № 4.
2. П. Н. Берков, О языке русской комедии XVIII в. Известия АН СССР, Отделение литературы и языка, 1949, т. 8, вып. 1.
3. И. А. Валентинова, Лексика художественной прозы М. Д. Чулкова. АКД, Чита, 1959.
4. Е. А. Василевская, Язык и стиль «Путешествия из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева. Русский язык в школе, 1949, № 4.

5. Г. О. Винокур, Русский литературный язык во второй половине XVIII в. Избранные работы по русскому языку, М., 1959.
6. В. В. Виноградов, Вопросы образования русского национального литературного языка. Вопросы языкознания, 1956, № 1.
7. Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв., М., 1938.
8. В. В. Виноградов, Проблемы стилистики русского языка в трудах М. В. Ломоносова. В кн. В. В. Виноградова «Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика», М., 1963.
9. В. В. Виноградов, Пушкин — основоположник русского литературного языка. Известия АН СССР, Отделение литературы и языка, 1949, вып. 3.
10. В. Д. Головчинер, Из истории становления языка русской литературной прозы 50—60-ых годов XVIII в. В кн. «XVIII век», вып. 4, М.—Л., 1959.
11. А. И. Горшков, История русского литературного языка, М., 1969.
12. А. И. Горшков, О судьбе трех стилей русского литературного языка во второй половине XVIII в. Ученые записки Читинского педагогического института, 1961, вып. 5.
13. Г. Р. Державин, Собрание сочинений, СПб., 1864—1883 гг., тт. 5—6.
14. С. Ф. Елеонский, Из наблюдений над языком и стилем «Путешествия из Петербурга в Москву». К изучению художественного своеобразия книги А. И. Радищева. В кн. «XVIII век», вып. 3, М., 1958.
15. А. И. Ефимов, История русского литературного языка, М., 1971.
16. В. В. Замкова, Славянизмы в деловом языке середины XVIII в. (см. 35).
17. А. В. Западов, Русская журналистика XVIII века, М., 1964.
18. Г. П. Князькова, Лексика народной разговорной речи в комедии и комической опере 60—70-ых годов XVIII века. Сб. Материалы и исследования по лексике русского языка XVIII века, М.—Л., 1965.
19. Г. П. Князькова, О некоторых аспектах изучения просторечия 50—70-ых годов XVIII века (см. 35).
20. К. В. Ковалева, Элементы народного языка в баснях А. П. Сумарокова. АКД, Минск, 1955.
21. К. В. Ковалева, Фразеологизмы в баснях А. П. Сумарокова. Даслед. па беларуск. і руск. мовах, Мінск, 1958.
22. К. В. Ковалева, Экспрессивно окрашенная лексика в баснях А. П. Сумарокова. Даслед. па беларуск. і руск. мовах, Мінск, 1960.
23. А. Т. Кунгурова, К вопросу о роли А. П. Сумарокова в истории русского литературного языка. Ученые записки Удмурдского государственного педагогического института, вып. 14, Мжевск, 1958.
24. В. Д. Левиин, Краткий очерк истории русского литературного языка, М., 1964.
25. В. Д. Левиин, Традиции высокого стиля в лексике русского литературного языка первой половины XIX в. Сб. Материалы и исследования по истории русского литературного языка, М., 1962, т. V.
26. В. Д. Левиин, Очерк стилистики русского литературного языка конца XVIII — начала XIX в., М., 1964.
27. М. В. Ломоносов, Предисловие о пользе книг церковных в российском языке (см. 28).
28. М. В. Ломоносов, Полное собрание сочинений, т. VII, М., 1952.
29. Г. П. Макогоненко, Радищев и его время, М., 1959.
30. Г. П. Макогоненко, Николай Новиков. В кн. Н. И. Новиков. Избранные сочинения, М.—Л., 1951.
31. Г. П. Макогоненко, Московский период деятельности Николая Новикова. АКД, Л., 1945.
32. Г. П. Макогоненко, Денис Фонвизин. Творческий путь, М.—Л., 1961.
33. С. И. Ожегов, О языке купеческой комедии П. А. Плавильщикова. Сб. Материалы и исследования по истории русского литературного языка, М., 1951, т. 2.
34. М. Орлов, Борьба Радищева за русскую словесную культуру. Звезда Востока, 1952, № 10.
35. Очерки по истории русского языка и литературы XVIII в., Казань, 1969.
36. К. П. Петров, Словарь к сочинениям и переводам Д. И. Фонвизина, СПб., 1904.
37. К. В. Пигарев, Творчество Фонвизина, М., 1954.
38. В. П. Покровский, Щеголихи в сатирической литературе XVIII в., М., 1903.
39. Р. К. Превратухина, Лексика и фразеология комедии В. Лукина «Задумчивой». Ученые записки Шахтинского государственного педагогического института, т. 2, вып. 5, 1958.
40. Сатирические журналы Н. И. Новикова, М.—Л., 1951.
41. Ю. Д. Соболева, Общественно-политическая лексика сатирических журналов Н. И. Новикова. АКД, Л., 1958.
42. Ю. С. Сорокин, Разговорная и народная речь в «Словаре Академии Российской» (1789—1794 гг.). Материалы и исследования по истории русского литературного языка, т. I, 1949.
43. Ю. С. Сорокин, О задачах изучения лексики русского языка XVIII в. Сб. Процессы формирования лексики русского литературного языка, М.—Л., 1966.
44. Сочинения и переводы В. И. Лукина и Б. Е. Ельчанинова, СПб., 1886.
45. Д. И. Фонвизин, Собрание сочинений в двух томах, М.—Л., 1959.
46. В. М. Фонтейн, Отражение лексики низкого стиля в частной переписке и мемуарах второй половины XVIII века (см. 35).
47. Хрестоматия по русской литературе XVIII в., М., 1952.
48. В. И. Чернышев, Заметки о языке басен и сказок В. И. Майкова. Сборник памяти Л. Н. Майкова, СПб., 1902.
49. Е. Т. Черкасова, Борьба В. Г. Белинского за народность русского литературного языка. Материалы и исследования по истории русского литературного языка, М., 1953, т. III.
50. Н. Ю. Шведова, Общественно-публицистическая лексика и фразеология в «Путешествии из Петербурга в Москву» А. И. Радищева. Материалы по истории русского литературного языка, М., 1951, т. 2.
51. Г. И. Шкляревский, История русского литературного языка, Харьков, 1967.
52. П. Е. Щеголев, Из истории журнальной деятельности А. Н. Радищева. В кн. «Исторические этюды», М., 1908.

Предисловие

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ

КРАТКОЕ ВВЕДЕНИЕ В ТЕОРИЮ ЛИТЕРАТУРНЫХ ЯЗЫКОВ

- § 1. Марксистско-ленинское учение о языке и обществе как основа построения курса истории русского литературного языка 7
- § 2. Литературный язык 9
- § 3. Литературный язык и диалекты 14
- § 4. Литературный язык и разные типы обиходно-разговорной речи 16
- § 5. Литературный язык и жаргоны 17
- § 6. Литературный язык и норма 19
- § 7. Литературный язык и стили 23
- § 8. Литературный язык и язык художественной литературы 29
- Список использованной литературы 34

РАЗДЕЛ ВТОРОЙ

ОБРАЗОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ ДРЕВНЕРУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Глава первая

Древнерусский литературный язык в эпоху Киевского государства и последующий период феодальной раздробленности (XI — начало XIV в.) 38

- § 1. Краткие библиографические сведения об изучении истории русского литературного языка 38
- § 2. Язык древнерусской (древневосточнославянской) народности 43
- § 3. Появление письменности на Руси 45
- § 4. Распространение церковно-религиозной письменности в Древней Руси 47
- § 5. Различные взгляды на происхождение русского литературного языка 50
- § 6. Роль древнеболгарского (и церковнославянского) языка в формировании и развитии русского литературного языка 58
- § 7. Книжно-славянский тип древнерусского письменно-литературного языка (XI—XIV вв.) 71

- § 8. Народно-литературный тип древнерусского литературного языка (XI—XIV вв.) 75
- § 9. Литературно-письменный язык делового типа 79
- § 10. Древнерусский письменно-литературный язык в период феодальной раздробленности (XIII—XIV вв.) 83
- Список использованной литературы 89

Глава вторая

Древнерусский литературный язык в эпоху Московского государства (XIV—начало XVII в.) 92

- § 1. Образование языка великорусской (русской) народности 92
- § 2. Второе южнославянское влияние 94
- § 3. Книжно-славянский тип русского литературного языка в XIV — начале XVI в. 98
- § 4. Народно-литературный тип русского литературного языка в XIV — начале XVI в. 103
- § 5. Деловой тип письменно-литературного языка в XIV — начале XVI в. 106
- § 6. Письменно-литературный язык Московского государства в XVI — начале XVII в. 110
- § 7. Книжно-славянский тип письменно-литературного языка в XVI — начале XVII в. 111
- § 8. Народно-литературный тип письменно-литературного языка в XVI — начале XVII в. 115
- § 9. Деловой тип письменно-литературного языка в XVI — начале XVII в. 118
- § 10. Книгопечатание. Начальный этап в научной разработке русского литературного языка 123
- Список использованной литературы 126

РАЗДЕЛ ТРЕТИЙ

ФОРМИРОВАНИЕ ОБЩЕНАЦИОНАЛЬНЫХ НОРМ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Глава первая

Русский литературный язык начальной эпохи формирования русской нации (середина XVII — середина XVIII в.) 128

- § 1. Начало формирования русской нации и русского национального языка 128
- § 2. Обогащение словарного состава русского литературного языка во второй половине XVII в. 133
- § 3. Книжно-славянский тип русского литературного языка во второй половине XVII в. 135
- § 4. Народно-литературный тип русского литературного языка во второй половине XVII в. 141
- § 5. Деловой тип русского литературного языка во второй половине XVII в. 144
- Список использованной литературы 147

Глава вторая

Русский литературный язык в Петровскую эпоху 149

- § 1. Петровская эпоха — важный этап в истории русского литературного языка 149
  - § 2. Развитие словарного состава русского литературного языка в Петровскую эпоху 151
  - § 3. Распад системы типов русского литературного языка 154
  - § 4. Тенденции развития русского литературного языка в Петровскую эпоху 162
  - § 5. Первые попытки упорядочения русского литературного языка 165
- Список использованной литературы 168

Глава третья

Ломоносовский перисд в истории русского литературного языка 170

- § 1. Стилистическая теория Ломоносова, сформулированная в его работе «Предисловие о пользе книг церковных в российском языке» 170
  - § 2. Стилистическая теория М. В. Ломоносова, сформулированная в его «Российской грамматике» 178
  - § 3. Роль М. В. Ломоносова в развитии научного стиля и русской научной терминологии 182
- Список использованной литературы 184

Глава четвертая

Развитие русского литературного языка во второй половине XVIII в. 187

- § 1. Теория трех стилей и художественно-речевая практика русских писателей и передовых общественных деятелей 188
  - § 2. Недостаточность системы трех стилей 199
  - § 3. Борьба за народность, за чистоту и национальную самобытность русского литературного языка 206
- Список использованной литературы 211
- Содержание 214

ИСТОРИЯ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

ПЕНКА ДИМИТРОВА ФИЛКОВА

Редактор *Иванка Димитрова* Художник *Текла Иванова* Худ. редактор *Жеко Алексиев* Техн. редактор *Лорет Прижибиловска* Коректор *Милка Войникова*

Дадена за набор на 12. IV. 1973 г. Подписана за печат на 12. VII. 1973 г. Излязла от печат на 31. VII. 1973 г.
Печатни коли 13,50 Издагелски коли 13,50 Формат 65/92/16 Тираж 2567 Издагелски № 20624
Тематичен № 600 Литературна група I-4 Цена 0,80 лв.

ДИ „Наука и изкуство“, Печатница „Тодор Димитров“, кл. 3, София, пор. 10202